Атаманенко Игорь Григорьевич
Предатели. Войско без знамён

Предисловие----------3
Шпион по протекции----------5
«Краткий курс молодого шпиона»----------5
Секретный агент ошибается только раз...----------7
Библейские предания как оправдания----------7
Плащ и кинжал «чистого учёного»----------8
Эпилог вместо вступления----------8
Как наказать скупую Родину-мать----------10
Cherchcz la femme!----------12
Свободная дискуссия - способ выведывания секретов----------14
Свехприбыльный агент ЦРУ----------16
Глава 1. Хочу быть шпионом!----------16
Особенности национальной охоты на резидента----------16
«Первый тайм мы уже отыграли...»----------20
«Только раз бывают в жизни встречи...»----------21
Кто вы, мистер Толкачёв?----------21
«А пароль ты услышишь в припеве...»----------24
Глава 2. Шпионские балы-маскарады----------25
«Джек в коробке»----------25
Мистер «Инкогнито»----------27
Глава 3. Трудовые будни - праздники для нас!----------30
Храните деньги в сберегательных «баксах»!----------30
Глава 4. «Красная селёдка»----------43
Шпион у шпиона тайну украл----------43
Глава 5. Операция «Хоровод»----------58
Агент ЦРУ найден. Что дальше?----------58
Операция «Хоровод»----------58
Игра по-крупному----------59
Хотите секретов самолёта-невидимки? Их есть у нас!----------60
Глава 6. Перебежчик-горемыка----------63
Глава 7. Вам мат, мистер Толкачёв!----------69
Из докладных записок московского резидента Директору ЦРУ--------69
Глава 8. Плутни контрразведки----------73
Приказано «снять»!----------73
Задержание----------74
Из докладной записки московского резидента Директору ЦРУ--------76
Сага Роберта Хансена----------76
Глава 1. Сгусток противоречий----------76
Глава 2. Смена псевдонимов----------80
Глава 3. Агент ФБР «столичного» розлива----------83
Вашингтонская резидентура----------83
Из майора КГБ - в агенты ФБР----------85
Особенности «съёма» шпиона-супермена----------85

Глава 4. Горький аромат предательства----87
Триедин в одном лице----87
Резидент ставит разведчиков... на карту----88
Глава 5. Рекордный забег «крота»----94
Месть - холодное блюдо, со сроком годности 25 лет----94
Что я натворил - подсчитают потомки...----95
«Ах, стою я на краю, но никогда не упаду!..»----97
«Радиовыстрелами» - в десятку!----98
Глава 6. «Командовать парадом буду я!»----99
Глава 7. «Вашингтонский тоннель»----102
Операция «Золото»----102
«Вашингтонский тоннель»----105
«Жучок» в Государственном департаменте США----106
Герб США работал на СССР----106
Троянский конь в американском стане----108
Глава 8. Блистательный агент----110
От тайников - к компьютерной связи----110
Всеобъемлющее превосходство----111
Шпион, избежавший возмездия----113
Безрезультатные поиски----113
Казнить нельзя. помиловать!----118
Как сажают на «крючок»----118
Под псевдонимом «Твайн»----120
Бескорыстие агента----121
Шпионы проваливают шпионов----122
Катастройка вместо перестройки----123
Глава 1. Победители своего народа----123
Признания в предательстве----124
Синдром безответственности----125
Колбаса - средство овладения массами----126
«Ножки Буша», «Гринпис», Чёрное море в огне----126
Премьер-непоседа----127
Генсек-непоседа----127
«Есть много в этом мире, друг Горацио...»----128
«Вернитесь - я всё... подпишу!»----129
Обезоруживающие переговоры----130
«Седой Лис»----132
Подконтрольная перестройка----133
Кто вы, мистер Руст?----134
Первый визит Хрущёва в США----135
«Танцы на граблях»----136
Глава 2. Верноподданный горбачёвской катастройки----138
Из пешек - в дамки----138
Горбачёвская лицензия на беспредел----139
Летите, «голуби», летите!----141
«Великодушный жест» кризис-менеджера----142
Вторая блокада Ленинграда----142
Безнаказанность в государственной степени----143

Аннотация

В предлагаемой книге автор отслеживает случаи предательства, которые, с одной стороны, поражают воображение уровнем нанесённого финансово-материального ущерба, с другой - необъяснимы с точки зрения ординарной людской логики и психологии. Рассмотренные казусы имели место в среде научно-технической интеллигенции и элиты офицерского корпуса сотрудников спецслужб - Советского Союза, Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки в последней трети XX - начале XXI века.

Анализируя их преступные деяния, автор пришёл к выводу, что не всегда в основе даже оглушительно громких случаев предательства лежит интерес к деньгам. Поэтому исследованию подвергалось не столько само событие, сколько причины и мотивы, способствовавшие его совершению...

Предисловие

Предатели, быть может, кому-то и симпатичны, но предательство ненавистно всем...

Увлёкшись спорами о том, какая из двух древнейших профессий - проституция или шпионаж - появилась раньше, исследователи оставили без внимания ещё один вид деятельности, также претендующий на статус древнейшего, - предательство.

Предательство в форме измены родине существует с тех пор, как общность людей превратилась в государство, и со шпионажем следует стопа в стопу, плечо к плечу.

В истории земной цивилизации бессчётно много примеров, когда предатели (изменники) пренебрегали долгом чести и морали, попирали законы человеческого общежития, вероломно нарушали воинскую присягу.

Например, 300 спартанцев во главе с царём Леонидом во время греко-персидской войны стойко обороняли Фермопилы и устояли бы, но все пали смертью храбрых в результате предательства, когда двурушник провёл воинов Ксеркса им в тыл.

Афинский стратег Алквиад покинул войско в переломный момент Пелопоннесской войны и перешёл на сторону Спарты.

Гетман Мазепа предал Петра Великого и переметнулся к шведскому королю Карлу XII...

Примеры предательства (измены) военачальников далёкого прошлого можно множить бесконечно, но в книге рассматриваются случаи, которые имели место в среде научно-технической интеллигенции и элиты офицерского корпуса - сотрудников спецслужб - Советского Союза, Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки в последней трети XX - начале XXI века.

Более того, автор пытается осмыслить именно те казусы, которые, с одной стороны, поражают воображение уровнем причинённого финансово-материального ущерба, с другой - необъяснимы с точки зрения ординарной людской логики и психологии.

Анализируя преступные деяния указанных категорий лиц, автор делает вывод, что не всегда в основе оглушительно громких случаев измены родине лежит интерес к деньгам. Поэтому исследованию подвергалось не столько само событие предательства, сколько причины и мотивы, способствовавшие его совершению.

В этой связи показательными представляются случаи измены родине высокопоставленным сотрудником Федерального бюро расследований США Робертом Хансеном и генерал-майором Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР (ГРУ) Дмитрием Поляковым.

Неудовлетворённость своим положением в системе координат родной спецслужбы заставила Хансена обратиться с предложением своих услуг КГБ. Но более денег Хансена увлекала возможность водить за нос начальство, обладать большей, чем оно, информацией, считать себя мудрее, прозорливее и предприимчивее своих коллег.

К обуславливающим его поступки факторам можно также отнести и то обстоятельство, что, будучи интеллектуально на голову выше своих сослуживцев и начальников, Хансен не только критично оценивал их умственные способности и культурный уровень, но и втайне презирал их. Сотрудничая сначала с советской и затем с российской разведкой, он потешался над своими коллегами и находил в этом своеобразное удовольствие.

Казус Дмитрия Полякова уникален по многим признакам.

Во-первых, потому, что в системе военной разведки он сумел так высоко подняться и приобрести охранную грамоту в виде генеральского звания. Во-вторых, по сроку - 25 лет, - что предатель «таскал из огня каштаны» для ФБР и ЦРУ. В-третьих, по объёму и ценности переданной им противнику информации. В-четвёртых, потому, что Поляков за всё время работы на США не попал в поле зрения нашей контрразведки, а был разоблачён лишь благодаря нашим «кротам» в американских спецслужбах. Наконец, потому, что руководство ГРУ, однажды проигнорировав сигнал о шпионском промысле Полякова, никогда не пыталось провести надлежащего расследования, поскольку не желало выносить сор из избы.

На следствии выяснилось, что генерал был предателем по убеждению. Отвергая политические ориентиры советского правительства времён хрущёвской «оттепели», Поляков считал, что руководство СССР незаслуженно попирает и предаёт забвению идеалы сталинской эпохи, за которые он 1419 дней сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Но основным побудительным мотивом, толкнувшим его в объятия спецслужб противника, была месть за младенца-сына, которого можно

было спасти, но из-за равнодушия руководства ГРУ он безвременно погиб.

Безусловный интерес для читателя представляют рассекреченные материалы о сотрудничестве московской резидентуры ЦРУ и сверхприбыльного агента «Сфиэ» - ведущего конструктора Всесоюзного НИИ Министерства радиопромышленности СССР «Фазотрон» Адольфа Толкачёва. Он, нанеся своей маниакально-преступной деятельностью многомиллиардные убытки СССР, преподнёс США на блюдечке с голубой каёмочкой всю нашу военную авиарадиоэлектронику.

Казус Толкачёва - доказательство тому, что не только в основе отдельных быстро нажитых состояний XX века лежит преступление, порой своим процветанием ему обязано и такое государство, как Соединённые Штаты Америки…

О том, как ЦРУ и Министерство обороны США высоко оценивали своего агента и как щедро оплачивали его услуги, можно судить по одному факту. Пытаясь уничтожить улики своей преступной деятельности, «Сфиэ» сжёг более 400 000 рублей (на эти деньги в 1985 году можно было приобрести более (!) 60 автомобилей «Жигули» ВАЗ-2101), но даже после этого у него дома при обыске были изъяты около полутора миллионов рублей. Кроме того, два с половиной миллиона долларов были депонированы на банковских счетах Толкачёва в Соединенных Штатах Америки.

Не пытаясь ответить на вопрос, почему некоторые лидеры СССР, рядясь в тогу защитников советского строя, своими преобразованиями подрывали его устои и дискредитировали идею социализма в глазах мировой общественности и своего народа, автор акцентирует внимание лишь на фактах их политической биографии. Эти факты, разумеется, никогда не освещались в советской прессе и никогда не подвергались анализу и критике современников.

Кроме прочего, прочитав книгу, читатель удовлетворит своё естественное любопытство и побывает «на кухнях» - в штаб-квартирах - самых сильных спецслужб мира - КГБ и ЦРУ, где готовились самые «пикантные блюда» - операции разведки и контрразведки по проникновению в тайны за семью печатями или противодействию таковому…

Шпион по протекции

Я в шпионы бы пошёл - пусть меня научат!

Казус с Владимиром Поташевым, доктором наук, старшим сотрудником отдела военно-политических проблем Института США и Канады Академии наук СССР, уникален хотя бы потому, что он предложил себя в качестве шпиона не кому-нибудь, а самому министру обороны США Гарольду Брауну…

В 1976 году, во время визита Брауна в Москву, тогда ещё в качестве главнокомандующего ВВС США, Поташев работал его переводчиком. Он

настолько понравился американцу, что тот через некоторое время прислал толмачу приглашение посетить Соединенные Штаты.

В 1981 году Институт направил Поташева в долгосрочную командировку в Вашингтон на переговоры по ограничению стратегических вооружений. Браун - к тому времени уже министр обороны США - встретил старого знакомого радушно, но, сославшись на занятость, поручил своему адъютанту заняться русским. Каково же было удивление министра, когда Поташев, нарушив все нормы протокола, взял Брауна за локоть и прошептал ему на ухо: «Господин министр, я прошу Вас устроить мне частную встречу с офицером ЦРУ!».

Оторопевший от такого беспардонного предложения министр, несмотря на провокационность просьбы, ответил согласием.

С уверенностью можно сказать, что это был первый случай в истории агентурной деятельности спецслужб, когда министр обороны великой державы протежировал вербовку секретного источника из противоборствующего лагеря.

«Краткий курс молодого шпиона»

Церэушники в спешном порядке стали проводить с Поташевым конспиративные встречи - ведь до его отъезда из Вашингтона оставалось совсем немного времени, к тому же необходимо было выяснить психологию «новобранца», шкалу его ценностей. Оказалось, что основной характерной чертой свалившегося на их головы добровольного рекрута является жадность к деньгам. Об этом стало известно на первой же явке.

После взаимных приветствий Поташев, тоном, не терпящим возражений, потребовал немедленно открыть ему счёт в каком-нибудь американском банке. Пришедшие на встречу с новобранцем его будущие «кукловоды» понимающе переглянулись - это же мощный рычаг, умело пользуясь которым можно максимально использовать ресурс кандидата в шпионы.

Однако позвольте, мистер Поташев, если вы торопитесь наверстать упущенное вами, то нам вовсе некуда спешить! Сначала давайте разберёмся, кто есть who!

Поташев будто только этого и ждал. В своей подобострастной искренности он был неудержим. Он признался американским разведчикам, что поддерживает негласную связь с КГБ, даже назвал свой оперативный псевдоним. Поначалу у бравых молодцев из Лэнгли это вызвало оторопь, но затем они смекнули, что тем проще Поташеву будет решать интересующие их проблемы - он ведь пользуется доверием сотрудников КГБ, обслуживающих Институт!

* * *

За короткий срок инструкторы из Лэнти натаскали Поташева, как выполнять задания, не привлекая к себе внимания окружающих, как поддерживать связь с резидентурой ЦРУ, действующей под прикрытием

посольства США в Москве.

Кроме того, учёба предусматривала овладение «Медиумом» - оперативный псевдоним, который Церэушники вручили инициативнику, - навыками шифрования и дешифровки сообщений, способами нанесения тайнописи, использования международной почтовой переписки, приёма и расшифровки кодированных радиопередач.

Впрочем, ничего нового в программе подготовки агента-новобранца не было. «Курс молодого шпиона», который постиг Поташев в Вашингтоне, ничем не отличался от того, что проходят все иностранцы, вербуемые американцами на территории США, и те, чьё предназначение - работать под началом резидентуры ЦРУ в Москве.

Задачи поставлены, цели определены - за работу!

Как и было обусловлено, Поташев выждал полгода, а затем поставил метку, означавшую, что он готов приступить к выполнению заданий. Метка была поставлена на маршруте движения американских дипломатов. Через пять дней на квартире агента раздался телефонный звонок. В кодированной беседе «Медиуму» было сообщено, где для него заложен тайник. В нём инструкции, средства конспиративной связи и, разумеется, деньги.

…Поташев сообщил своим операторам исчерпывающую информацию об Институте США и Канады, ввёл в курс проблем и научных разработок, которые были актуальны на тот период.

Предатель передал американцам аналитическую справку о перспективах переговоров между США и СССР по ядерным вооружениям средней дальности, известные ему данные о том, до какого предела советская делегация намерена идти на уступки, свой прогноз о развитии противоречий в высшей советской партноменклатуре, которые возникли вслед за выдвинутой Рейганом идеей по так называемому «нулевому варианту».

В 1983 году «Медиум» консультировал ЦРУ по позиции Юрия Андропова (лидер-загадка для Запада!) на очередном раунде переговоров по ядерным вооружениям. Когда же в 1984 году по инициативе советской стороны были прерваны переговоры с США по ограничению и сокращению стратегических вооружений и ограничению ядерных вооружений в Европе, агент подготовил долгосрочный прогноз о перспективах развития политических и военных отношений между двумя сверхдержавами, чётко сформулировав позицию Советского Союза.

«Медиум» своевременно известил своих заокеанских работодателей о создании в структуре Министерства обороны СССР нового органа управления - Командования военно-космическими силами. В качестве довеска не преминул сообщить о причинах отсрочки запуска советского космического корабля многоразового использования «Буран».

Надо откровенно сказать, что донесения сверхинформированного агента сыграли пагубную для нас роль, особенно в период, когда

Вашингтон принимал решение о выходе из Договора по противоракетной обороне и о расширении блока НАТО на Восток...

Секретный агент ошибается только раз...

Поташев «таскал каштаны из огня», не щадя живота своего. Желание урвать как можно больше валюты было доминирующим. А тут ему случилось по пьянке разбить свой «жигуль», обзавестись пятью молодыми любовницами, алчущими дорогих шуб, золотых украшений, развлечений в злачных местах столицы!

Жадность в конце концов и сгубила «Медиума».

Из кабинета директора Института он похитил справочник правительственной связи, наивно полагая, что сорвёт за него баснословный куш. Увы! Справочник давно уже не являлся секретным документом, а проходил под грифом «для служебного пользования». Начатое расследование вывело наших контрразведчиков на Поташева. За ним установили круглосуточное наблюдение, в ходе которого были получены неопровержимые доказательства его преступной связи с разведчиками американской резидентуры в Москве.

Библейские предания как оправдания

Когда в 1986 году Поташева разоблачили как американского шпиона и арестовали, он буквально огорошил следователей историей, наверняка почерпнутой им из какого-то американского боевика. Рассказал, что его, честного советского учёного и дипломата, американское разведсообщество в результате многоходовой операции заманило в ловушку, и четверо гориллоподобных мачо, накачав наркотиками, угрозами и пытками принудили работать на ЦРУ.

Поняв несостоятельность своих выдумок, Поташев, перестроившись на ходу, обратился к христианской мифологии, попытался свою измену преподнести как феномен, естественно присущий человеческой природе. Демагог по призванию, Поташев за основу взял два библейских события.

Следуя абстрактной логике, он в весьма оригинальной трактовке подал противостояние Иисуса Христа и Иуды Искариота. Согласно сделанному им, без преувеличения сенсационному, открытию, выходило, что Иисус, чтобы сбылось предсказание пророков, сам побудил Иуду совершить «священное предательство». Поэтому-де Иуда, - делал заключение экс-учёный, - и не пытался его скрыть, что обычно делают предатели. В том же духе Поташев интерпретировал и поступок Каина. Убив брата, он не предал его, а лишь принёс кровавую жертву Богу.

Следователи уличили изменника в плагиате. До него то же самое утверждал некто Херман Левин-Гольдшмидт, отвязной теолог, состоящий на иждивении у западных спецслужб. Этот, с позволения сказать, клерикал, в своих трудах, датированных началом 1980-х годов, выворачивал наизнанку Библию, пытаясь облагородить смертный грех - измену. Он оправдывал предательство, используя исторические аналогии,

представлял измену как вселенски обусловленное явление. Смотрите, дескать, делали же это праотцы рода человеческого, почему же нам запрещено?

На этом же настаивал и Поташев, но советская судебная практика всегда была безжалостна к шпионам - для них всё заканчивалось расстрельным приговором.

Однако помощь изменнику пришла оттуда, откуда ему и в самых радужных снах не могло пригрезиться. Видимо, при рождении сам Бог поцеловал его в маковку. Ибо его судьбу решил… президент США Рональд Рейган, находившийся с официальным визитом в Москве. Сделал он это во время неофициального ужина весьма оригинальным манером, задав лишь один вопрос: «Господин Горбачёв, шпионаж - это война без трупов, не правда ли?»

Контекст был подходящий, и Горбачёв сразу понял, что и кого имеет в виду Рейган.

Несмотря на то что Поташев нанёс нашей стране не только политический, военно-стратегический, но и материальный урон, исчисляемый миллиардами долларов, по высочайшему повелению Михаила Горбачёва он не был расстрелян, а осуждён на 13 лет. Что поделаешь - перестройка…

…Спустя шесть лет, в 1992 году, Поташева выпустили по амнистии. Он тут же получил в ОВИР МВД загранпаспорт, американскую визу, и отбыл за океан.

В настоящее время Поташев живёт в США на пособие от американского правительства, как *«лицо, пострадавшее в результате сотрудничества с ЦРУ».*

Плащ и кинжал «чистого учёного»

В мае 2011 года Европейский суд по правам человека обязал Российскую Федерацию выплатить 20 тысяч евро в качестве компенсации Игорю Сутягину, который в 2004 году Мосгорсудом был приговорён к пятнадцати годам лишения свободы по обвинению в шпионаже.

Согласно постановлению Европейского суда, в России было нарушено не только право Сутягина на «справедливое судебное разбирательство», но, оказывается, он был ещё и обвинён в деяниях (в шпионаже!), которых в действительности не совершал…

Эпилог вместо вступления

Утром 27 октября 1999 года на калужском вокзале сотрудники местного Управления ФСБ взяли Игоря Вячеславовича Сутягина, научного сотрудника Института США и Канады Академии наук РФ, когда он садился в вагон скорого поезда, следовавшего через Калугу в Москву. Взяли не с поличным, что мгновенно создало проблемы. Ведь для того, чтобы возбудить уголовное дело против объекта оперативной разработки,

нужно иметь доказательную базу. Но вскоре доказательная база была найдена - книга «Стратегия ядерного вооружения России» (Москва, 1998), в которой была опубликована статья Сутягина. Факт этой публикации позволил УФСБ по Калужской области инкриминировать Сутягину «разглашение секретных данных» и в дальнейшем провести все необходимые следственные действия.

Но не прост Игорь Вячеславович, ох как не прост! Чтобы обезопасить себя, он в библиографическом списке литературы, использованной при подготовке данной главы, в качестве первоисточников указал несметное число статей в журналах и в газетах. Следствию пришлось перелопатить монбланы печатных изданий, просеять тонны информации, разбираясь, мог ли «чистый учёный», коим себя позиционировал Сутягин, из открытых источников заполучить заявленные им в книге сведения или нет. Как выяснилось, нет, не мог. Все привлечённые эксперты дали на этот счёт категоричное заключение. Именно поэтому, чтобы избежать накладок, Сутягину были вменены пять чистых эпизодов - тех, которые невозможно было получить из открытой печати.

…Доброжелательность следователей на первых допросах Сутягин ошибочно воспринял как «приглашение к танцу», решив, что его собираются использовать в качестве двойного агента, и был готов сдать своих англосаксонских хозяев, откровенно рассказывая всё, как было в действительности.

Когда же Сутягин понял, что ФСБ в его услугах не нуждается, его поведение претерпело три стадии. Сначала он попытался переиграть «калужских колхозников из ФСБ», доказывая, что он - «чистый учёный», который делает свои умозаключения, роясь в литературе широкого доступа. Затем, куражась, стал откровенно валять дурака, издеваясь над следователями. И, наконец, «ушёл в полный отказ», то есть отрицал даже очевидное или вообще хранил молчание…

* * *

Для сокрытия контактов с иностранными кураторами Сутягин выезжал в третьи страны, где проводились научные конференции и симпозиумы, - пустой, без «копья в кармане», а возвращался с весомым гонораром, что наглядно демонстрировали заполненные им собственноручно таможенные декларации.

Так, он не раз заявлял на предварительном следствии: *«Это не я писал, вы сами заполнили декларации».*

Следователи вынуждены были организовывать по каждому эпизоду графологическую экспертизу. Доказали - писал он!

Слуховой контроль в квартире зафиксировал фразу, брошенную объектом своей жене: *«Я сегодня наразведывал тыщи на две фунтов стерлингов….»*

На вопрос следователя, о чём конкретно шла речь, Сутягин отвечал: *«Нет, я этого не говорил!»* - пришлось проводить фонографическое и

лингвистическое исследование, которое подтвердило: да, говорил он!

В ходе судебного разбирательства нашли подтверждение все данные, добытые оперативным путём - с помощью наружного наблюдения и аудио- и видеоконтроля.

Было доказано, например, что Сутягин, едва в апреле 1999 года начались натовские бомбардировки Белграда, инициативно проинформировал американского военного атташе в Москве бригадного генерала Брэннона о предназначении российского разведывательного корабля «Лиман» (замаскированный под рыболовецкий траулер, он был направлен в Средиземное море). Сутягин документально успокоил военного атташе, что никаких ракетных залпов «Лиман» по объектам НАТО производить не будет.

Своими донесениями «чистый учёный» Сутягин помог американцам сэкономить пару сотен миллиардов долларов, так как его расчёты убедили их не тратить деньги на постройку новых авианосцев. Как? А просто - в то время Соединенные Штаты намерены были заложить, а затем ввести в строй три суперавианосца, каждый из которых обошёлся бы федеральной казне не менее, чем в 35 миллиардов долларов! Благодаря аналитическим справкам учёного-отступника военное министерство США стало уделять внимание только строительству атомных субмарин, отказавшись от возведения авианосцев-динозавров.

Но главное, что передал Сутягин Соединённым Штатам, - планы и тенденции развития группировки Ракетных войск стратегического назначения вплоть до 2007 года. Кроме того, он изготовил для американцев аналитическую справку о составе, технических характеристиках и состоянии российской Космической группировки системы предупреждения при ракетном нападении противника (читай: американцев).

* * *

Несмотря на колоссальное психологическое давление на следствие и на суд со стороны внешнеполитических ведомств некоторых стран - участниц НАТО и (?!) отдельных изданий российской прессы, дело было доведено до логического завершения.

Суд доказал, что главным побудительным мотивом Сутягина в шпионском промысле являлась корысть. Он хотел заработать деньги на квартиры для своих родственников, которым - младшему брату и жене - был обязан всем, что имел.

Вторым ведущим мотивом - как это было установлено следствием и затем доказано в ходе судебного разбирательства - явилось желание Сутягина во что бы то ни стало создать себе имидж «великого учёного». Будучи человеком тщеславным с завышенной самооценкой, он стремился любой ценой добиться признания в глазах мировой научной общественности. Да, цель благородная, но средства-то негодные!

И хотя на продаже Родины заработал Сутягин немало, но это крохи в

сравнении с тем, что поимели англо-американские спецслужбы, и с их помощью англосаксонский истэблишмент, который нажился, скупив за гроши российские военные секреты. Доказательства? Вот одно из них - на процессе у «нищего» Сутягина было (!) четыре адвоката, причём Борис Кузнецов - мировая знаменитость (ныне скрывается в США). Откуда деньги? Из казны ЦРУ и СИС, вестимо! Англосаксы сделали всё, чтобы дело Сутягиина было развалено в суде, - не получилось!

Как наказать скупую Родину-мать

Весной 1998 года на научном семинаре в Бирмингемском университете (Великобритания), который так же, как Колумбийский университет США, является оранжереей по взращиванию агентов влияния в российских госструктурах, Игорь Вячеславович Сутягин «случайно» познакомился с обаятельным бизнесменом, который представился Шоном Киддом, владельцем консалтинговой фирмы «Alternative Future» - «Альтернатива будущего». Этот персонаж был подобран английской Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС), с учётом его психологической совместимости с Сутягиным - рост, комплекция, возраст, даже степень облысения, не говоря о блестящем владении русским языком, были учтены. Имя и документы, его подтверждающие, выданы, разумеется, всё той же синекурой - СИС. Кстати, этот «коммерсант» так и не был предъявлен общественности. Не человек - призрак. После того как разразился скандал, он буквально испарился, впрочем, как и фирма, которую он представлял.

…Вскоре молодые люди прониклись такой взаимной симпатией, что стали называть друг друга уменьшительно-ласкательными именами. Кидд, испытывая «дружеские» чувства к своему психологическому двойнику, предложил ему составлять аналитические обзоры для своей консалтинговой фирмы «Альтернатива будущего» (это название всплыло лишь в деле Сутягина, хотя ни до, ни после о ней никто и ничего не слышал).

Со слов англичанина, его фирма «консультирует от Финляндии до Чехии», а также (?!) страхует инвестиционные риски на российском рынке. Ну а кто лучше «душки Игорька», ставшего к тому времени заведующим сектором отдела военно-политических проблем Института США и Канады Академии наук РФ, подскажет, вкладывать ли средства в колбасное или молочное производство!

«А в чём, собственно, проблемы? - мысленно задал себе вопрос Сутягин. - *Почему бы не наказать скупую Родину-мать, которая мне, гению, выплачивает ежемесячно лишь 900 рублей, - тогда как новые работодатели за каждую статью на интересующую их тему готовы платить по 700 английских фунтов стерлингов наличными?!»*

Внутренне Сутягин уже готов был сотрудничать с любой подвернувшейся «альтернативой», поэтому наживку, подброшенную «душкой Шоником», он заглотил влёт. Коготок увяз - всей птичке пропасть.

Однако шефы Шона-вербовщика не спешили переходить к интересовавшим их проблемам. Полгода они держали Сутягина на карантине - проверяли, не является ли потенциальный новобранец подставой ФСБ. О том, что кандидат на вербовку обладает феноменальной памятью, аналитическими способностями и широкими возможностями добывать интересующую их информацию, им уже было известно от его визави - господина Поташева, который делил с Сутягиным один кабинет, сидя за столом напротив…

…Все шесть месяцев Игорь за счёт вербовщиков летал в Европу для встреч с Киддом, но ни в коем случае не в Англию, а в столицы третьих стран - конспирация превыше всего!

За официальными переговорами следовала развлекательная программа с обязательным посещением стриптиз-клубов, интимных салонов, казино и других увеселительных заведений, где Сутягина снимали «в полный рост» на видео- и фотоплёнку.

«Душка Шоник» успокаивал: всё оплачено фирмой «Альтернатива будущего».

Сутягин, наплевав на должностные инструкции, никогда не ставил в известность руководство Института о своих заграничных вояжах. Но однажды, находясь в одном будапештском кабаре, был застигнут врасплох.

> «А ты где? - услышал он в мобильнике голос своего шефа Рогова. - Мы тут с ног сбились, разыскивая тебя! Приезжай немедленно!»

Наш антигерой нашёлся вмиг:

> «Я - в Подмосковье. На дне рождения друга. Приехать не могу - выпил много. Вдруг да нарвусь на ментов - загребут в вытрезвитель!»

Куратора Института по безопасности полковника Агеева о контактах с иностранцами Сутягин информировал избирательно, лишь тогда, когда ему это было выгодно. Но об «Альтернативе будущего», о своих контактах с Киддом и об интересующих его сведениях, а также о поставляемой ему информации и получаемых за это денежных средствах Игорь Вячеславович - Боже упаси! - не заикнулся ни разу…

Во время одного допроса на замечание следователя, почему он не сообщал о контактах с представителями таинственной фирмы - «Альтернативы будущего» - офицеру, ответственному за контрразведывательное обеспечение Института, Сутягин заявил: *«А мне не нравились его глаза!»*

А на суде он сослался на то, что Агеев, дескать, его об этом не спрашивал.

Обвинением ему тут же был задан вопрос: *«Как мог спрашивать полковник Агеев о том, него не знал?!»*

Вопрос остался без ответа.

Суд пришёл к заключению, что Сутягин производил

целенаправленную селекцию информации, и ту, которую считал для себя опасной, не докладывая ни руководству, ни сотруднику безопасности Института.

Cherchcz la femme!

Однажды в мужской клуб «двух душек» - Игорька и Шоника - грубо вторглась женщина, представившаяся страховым агентом Надей Локк. Разумеется, под указанными анкетными данными эта дама бальзаковского возраста нигде не значилась. Но дело, в общем-то, не в этом…

Не дослушав до конца пустопорожнюю болтовню двух опьяневших мужчин, Надя, глядя Сутягину прямо в зрачки, на безупречном русском спросила, что ему известно о неакустических методах обнаружения подводных лодок.

Как только она поняла, что Сутягин отрезвел от вопроса, она добавила: *«Меня интересуют подробности «Акулы», новой российской субмарины!»*

Игорь с тоской подумал, что режиму «свободного поиска», в котором он работал с «душкой Шоником», пришёл конец - уж слишком безапелляционно дама требовала ответов на свои предельно чёткие вопросы. Да и Кидд, как только Сутягин переводил взгляд на него, прося моральной поддержки, молча втягивал голову в плечи и отворачивался. Судя по всему, право верховенства теперь будет принадлежать Наде!

Сутягин для приличия всё же поартачился, но, как только в руках Нади захрустели 1500 английских фунтов стерлингов, речь его стала связной и полилась безостановочно.

С того вечера Сутягина начала курировать Локк. О, эту «охотницу за головами» интересовало многое в российском вооружении!

Но это - потом, а для начала Локк, как опытный стратег, провела перестроение боевых порядков по всему фронту. В переводе на язык спецслужб это означало, что новобранец должен быть обучен элементарным правилам конспирации, кроме того, с ним нужно оговорить способы связи, время и места явок и т. д.

Прежде всего, Локк категорически запретила Сутягину звонить в офис фирмы-прикрытия - в «Альтернативу будущего» - только на её мобильный телефон.

Во-вторых, что важнее - «душка Игорек» прибывать на явки должен только в пятницу, то есть накануне уик-энда. Руководство Института, по мнению Нади, не решится нарушить конституционное право Сутягина на отдых в выходные дни.

В-третьих, Локк подарила Сутягину особый электронный блокнот, в котором он в зашифрованном виде должен был фиксировать выполнение заданий для последующего отчёта.

Как оказалось впоследствии, блокнот являл собой мину замедленного действия для «чистого учёного» Сутягина. Вместо того чтобы уничтожить все ранее выданные Киддом ежедневники, Игорь их содержание перенёс в электронный блокнот. Для технарей из ФСБ извлечь из него информацию труда не составило…

* * *

Именно в те три дня творились дела Иудины. В первый - продажа секретов Родины. Тщательный инструктаж - суть подстрекательство к похищению российских военных и государственных тайн - во второй. Ну и, наконец, на третий - вручение-получение тридцати сребреников.

Было так.

В пятницу Сутягин вселялся в заранее оплаченный куратором в юбке номер гостиницы в столице третьей страны, ну, скажем, в пражском «Палас-Отеле». В тот же день ему предстоял опрос с пристрастием по темам, которые ему были вменены для проработки на предыдущей явке.

На второй день, в субботу, представленная им информация перепроверялась через возможности - агентурные, военные, технические, дипломатические и т. д. - англо-американских спецслужб.

Наконец, на третий день, в воскресенье, формулировались задания и обсуждались пути и сроки их выполнения «чистым учёным» Сутягиным.

Перед отлётом ему выдавалось очередное вознаграждение в условных единицах, как правило, это были английские фунты стерлингов. Это обстоятельство впоследствии помогло следствию сформировать доказательную базу о выплате Сутягину вознаграждения за его преступные деяния - в таможенных декларациях он указывал количество ввозимой в Россию иностранной валюты.

Размер вознаграждения зависел от ценности и объёма представленной Сутягиным информации.

* * *

С появлением Нади Локк в качестве непосредственного куратора Сутягина пришёл конец «мальчишникам» в стриптиз-клубах, до которых был так охоч «душка Шоник». Теперь - только деловые встречи - суть явки.

Одна из встреч Сутягина с Локк состоялась в мае 1999 г. в специально снятом номере отеля «Бристоль», когда в Бирмингеме проходила плановая научная конференция, организованная обществом «Великобритания - Россия». На это время все остальные участники-россияне были выведены из гостиницы на ознакомительную экскурсию по городу.

В следующий раз Сутягин встретился с Локк в июле 1999 г. в Брюсселе, куда он прибыл по частному приглашению во время своего отпуска. О, эту явку Сутягин недобрым словом помянул даже на допросах!

В номер гостиницы Локк приволокла… «Графики эффективности» деятельности «чистого учёного»! Едва переступив порог номера и буркнув «хэллоу», Локк, не медля ни секунды, открыла принесённый ноутбук и менторским тоном стала давать пояснения диаграммам на экране. Светящиеся на дисплее графики показали, что уровень эффективности «исследовательской работы» Сутягина оценивается в 0,5, тогда как идеальный график должен составлять не менее 0,85-0,9.

Через минуту Игорь уже знал, почему так низок балл, выставленный ему куратором в юбке, - психологический прессинг был лишь увертюрой. Либретто - суть задание - последовало незамедлительно и включало:

- вопросы модернизации истребителей МиГ-29 СМТ и СУ-27;

- модернизацию системы ПВО и ПРО России;

- схема противотанковой обороны пограничных с Прибалтикой областей Российской Федерации.

Но особенно интересовали Локк уязвимые места в перечисленных системах и схеме.

Кроме того, повышенное внимание она уделила разногласиям между министром обороны Сергеевым и начальником Генштаба Квашниным, а также реакции высших офицеров российской армии на изменения в структуре Министерства обороны России…

И что вы думаете? Любимец российских правозащитников «чистый учёный» Сутягин задание выполнил! Вот только «душители демократии» из ФСБ не дали отчитаться перед хозяевами на запланированной явке, которая должна была состояться в Риме 28 октября 1999 года.

Свободная дискуссия - способ выведывания секретов

Благодаря недобросовестным российским журналистам в нашем обществе существует заблуждение, что Игорь Сутягин - кабинетный учёный, «книжный червь», который всё своё рабочее и свободное время занимался исключительно анализом политической, военной, технической и другой специальной литературы. Как бы не так!

Сутягин по собственной инициативе посещал режимные объекты, что отнюдь не входило в его должностные обязанности. И денег за это не получал. Во всяком случае, из российской казны. Хотя это было вполне допустимо для обеих сторон. Более того, на необходимость официального оформления проводимых лекций ему не раз указывало руководство Института.

Так, например, он читал лекции по военной политике США и договорам СНВ и ПРО в Центре переподготовки ракетчиков имени Петра Великого и ещё в десятке подобных заведений.

Лекции «чистый учёный» проводил в форме доверительной беседы - слушатели задавали вопросы, он на них отвечал, встречно задавая свои. В конце устраивал дискуссии, в ходе которых, сопоставляя данные по

американскому и российскому вооружению, получал от слушателей интересующую его информацию. Как? А просто! Доверчивые слушатели зачастую подкрепляли свою аргументацию совершенно секретными данными. Этого было достаточно, чтобы Сутягин, опытный аналитик, инженер-физик, к тому же обладающий феноменальной памятью, мог легко вникнуть в реальное положение дел в интересующей его военной области.

Одна из тем, которую он выведывал на секретном ядерном объекте в Обнинске, где проходили переподготовку офицеры атомных подводных лодок, - уязвимые места АПЛ.

Пользуясь развалом системы допусков, Сутягин, как уже было отмечено, на секретные объекты проникал инициативно - через личные знакомства с офицерами, а те, думая, что имеют дело с сотрудником ГРУ или СВР, охотно приглашали его. Ничего не скажешь, умел Игорь Вячеславович завернуть воздушный шарик в яркую упаковку - подать себя в том амплуа, которое тешило самолюбие его контрагентов. Ко всему, козырял набором фотографий, где он позировал с известными военачальниками. С показной небрежностью рассказывал, как в составе военных делегаций выезжал в США и в другие заморские страны…

Вопросы слушателям своих лекций Сутягин задавал так, чтобы вызвать их на откровенность. Сопоставлял: «у нас» - «у них». Это называется - «добыть секретную информацию *способом выведывания».* Именно таким способом он пытался заполучить данные о проекте «АЛЛ 705» - о гидроакустике на наших атомных субмаринах. Или: как удаётся совместить разнородные металлы на судне, в том числе и на атомных подводных лодках.

Ну как жить без ответов на эти вопросы «чистому учёному»?! Нет, без них он погибнет безвозвратно! Во всяком случае, в глазах своих заморских кураторов…

Практиковал Сутягин и такой психологический приём: в ходе лекции намеренно принижал достоинства нашей техники и, услышав в ответ: *«А у нас лучше!»* - тут же спрашивал: *«А в чём конкретно лучше?»*

Когда один из слушателей вполне резонно заметил: *«А вам-то это зачем?»* - Сутягин, почувствовав опасность, ответил, что, дескать, это нужно для обмена информацией с коллегами, - и поспешил перевести разговор на другую тему. Этот эпизод впоследствии стал достоянием сначала местного Особого отдела (военная контрразведка), а потом центрального аппарата ФСБ, ну и началось….

…Вот оценка, которую один слушатель из Обнинска дал методу ведения лекций Сутягиным: *«Этот парень больше собирает информации, чем даёт».*

Анализ проведённых Сутягиным лекций на различных объектах Министерства обороны РФ показал, что интерес его к секретам безграничен - от ВМФ до авиации и ПВО, включая комплексы С-300, самолёты марки Су и их модификации…

* * *

Игорь Вячеславович прекрасно отдавал себе отчёт о характере своей деятельности и о том, какая роль предназначена ему в тандеме «Сутягин - Локк». Однажды - это было на явке всё в том же Будапеште - он обратил внимание Нади на противоречие: меня, дескать, Шон Кидд заверял о работе на «некие страховые фонды» в качестве потребителей информации, а оказалось…

Нет, он не собирался доказывать Наде, что он - не мальчик, «подающий мячи на поле», а самодостаточная личность. И о «противоречии» говорил не для того, чтобы «прищучить» кураторшу. Отнюдь! В его планы не входило убеждать её, что он давно понял, что вовлечён в шпионский промысел, и за спиной Нади стоят серьёзные люди из уважаемых ведомств, и неважно, ЦРУ это или СИС!

О «противоречии» он заикнулся с одной целью - ему обязаны увеличить гонорар за поставляемую информацию!

Локк, мгновенно настроившись на заданную волну, ответила:

> «Дорогой Игорь, учёные всей планеты вот уже кои веки безуспешно бьются над вопросом, что первично - курица или яйцо, яйцо или курица? Похоже, тот же вопрос возник и у вас: что первично - ваша информация или наши деньги, наши деньги или ваша информация? Действительно, наши отношения - закольцованная конструкция, и трудно сказать, «где круга этого начало, где конец». Однако уверяю вас, что без наших денег не было бы вашей информации, то есть вы не стали бы напрягаться, если бы мы вам не платили. Разве не так? Следуя этой логике, смею утверждать, что в вашем конкретном случае первичными являются наши деньги, а ваши усилия и ваша информация - вторичны.
>
> Вы - умный человек, Игорь, и, поразмыслив над моими словами, придёте к выводу, что права Я. Вспомните, ведь Кидд ничего не навязывал вам, не заставлял вас что-либо делать. Он лишь высказал пожелание овладеть некоторыми знаниями в определённых областях, а Вы стали поставлять ему информацию. Да, некоторое время вы находились в «свободном поиске» - честь вам и хвала, что этот период вы закончили с блеском… Но время «коротких штанишек» для вас закончилось - теперь вы замыкаетесь на меня… Я предвидела, что со временем, вкусив от запретного плода, - получив в своё распоряжение определённый объём свободно конвертируемой валюты, - ваш аппетит разгорится. Яне ошиблась, посему говорю прямо - не надейтесь!»

Такую отповедь получил Сутягин от Нади Локк (об этом он добровольно рассказал на первых допросах), когда они, беседуя, бродили в Центральном парке Будапешта.

В конце концов кураторша убедила «чистого учёного» не выходить из игры и продолжить валютное сотрудничество «во имя мира на Земле»…

* * *

История с Сутягиным лишний раз свидетельствует, что общество нужно информировать о таких делах профессионально, своевременно и в

полном объёме. В противном случае мы каждое новое сражение будем проигрывать и разномастным «друзьям народа», и Европейскому суду по правам человека. Лишённые объективной и своевременной информации журналисты из разноцветных российских газет в погоне за увеличением тиража своего издания строили собственные логические, но в корне ошибочные конструкции. В итоге мы имеем то, что имеем: Сутягин, этот заурядный шпион, превращён в «жертву контрразведывательного террора» и «мученика режима», о чём свидетельствует решение Европейского суда по правам человека…

Свехприбыльный агент ЦРУ

Глава 1. Хочу быть шпионом!

Особенности национальной охоты на резидента

Морозным вечером 8 января 1977 года глава московской резидентуры ЦРУ Роберт Фултон подъехал к бензоколонке на улице Красина, где заправлялись машины иностранных дипломатов, и пристроился в хвосте длинной очереди. Не прошло и минуты, как у машины появился худощавый невзрачного вида мужчина средних лет и на скверном английском с явным славянским акцентом спросил, не американец ли он. Фултон ответил утвердительно, и в тот же миг на сиденье автомашины упал сложенный пополам лист бумаги, а мужчина поспешно удалился. Резидент профессионально огляделся и пришёл к выводу, что «Невзрачный» (эту кличку американцы будут использовать в документах вплоть до установления с незнакомцем личного контакта) свой подход продумал заранее и ждал именно его, американца, так как на бензоколонке только его машина была с дипломатическими номерами посольства Соединенных Штатов.

Записка была написана на русском языке. Автор вкратце сообщал, что хочет *«обсудить чрезвычайно важный вопрос»* на *«строго конфиденциальной основе»* с *«соответствующим американским представителем».* Предлагал скрытно встретиться либо в машине американского представителя, либо у входа в станцию метро. Определённое направление радиатора и капота автомашины с дипномерами посольства США, запаркованной в указанное им время и месте, подскажет ему, где произойдёт встреча. Схема двух мест предполагаемой встречи и места парковки машины для подачи сигнала прилагались.

«Ну и ну!» - ознакомившись с посланием, воскликнул Фултон и, зажав в кулаке записку, нервно зашагал по кабинету. А нервничать было из-за чего! Ведь именно по указанной в записке схеме осуществлялись оповещение и связь с недавно поступившим в распоряжение резидентуры особо ценным агентом, завербованным ЦРУ в Латинской Америке.

«Чёрт подери, неужели этот малый - подстава КГБ?! Если это так, значит, там уже известны наши методы работы с «Тритоном»! Да быть

того не может! Скорее всего, этот невзрачный тип с мороза - просто прирождённый конспиратор... Н-да... Нет-нет, предпринимать ничего не стоит, похоже, это - тот самый случай, когда лучше выждать, чем идти на поводу у соблазна... И пусть незнакомец докажет свою лояльность передачей конкретных секретов... Впрочем, шифровку в Лэнгли отправить надо в любом случае!»

* * *

Пожелание резидента исполнилось 3 февраля. Когда он садился в машину, перед ним вновь, как фантом, возник уже знакомый мужчина. Ограничившись фразой приветствия, он бросил в машину клочок бумаги и исчез.

Хотя машина была припаркована вблизи посольства в Большом Девятинском переулке, её из-за высоких снежных сугробов не было видно охранявшему здание милиционеру. Фултон понял, что расчёт «Невзрачного» был сделан именно на это. В записке повторялась просьба о встрече с официальным американским представителем. Однако штаб-квартира ЦРУ и на этот раз запретила отвечать на предложение незнакомца.

Две недели спустя, вечером после рабочего дня, «Невзрачный» снова оказался у машины резидента и молча кинул на сиденье записку:

> «Мне понятна ваша озабоченность возможностью провокации. Но я - всего лишь инженер закрытого предприятия и совершенно не искушён в тайных делах, поэтому, быть может, не всё делаю правильно. Уверяю вас, что я имею доступ к настолько ценной информации, что она сможет изменить баланс сил в пользу Соединенных Штатов. Сведения о своей личности я не сообщаю лишь потому, что не уверен, попадёт ли записка в нужные руки».

В заключение вновь излагалась просьба войти с ним в контакт, а также давалось описание новых мест и условия встречи.

* * *

В стремлении «Невзрачного» установить контакт с сотрудниками московской резидентуры ЦРУ опытный психиатр усмотрел бы признаки гипоманиакального поведения, но Директор ЦРУ адмирал Стэнсфилд Тернер расценил его по-своему, обнаружив в его действиях подтверждение своим подозрениям, что всё это провокация КГБ. Ведь известно, что русская «наружка» ведёт наблюдение за американским посольством 24 часа в сутки. Какой идиот рискнёт так прямо подойти?! Только тот, кому нечего терять, поскольку он - не настоящий шпион-инициативник, а действует под руководством и по наущению КГБ.

Кроме того, домогательства «Невзрачного» встретиться с представителем резидентуры пришлись на неподходящее для него время.

Во-первых, американцы готовили проведение ряда разведывательных операций в Москве. Поэтому штаб-квартира ЦРУ приказала Фултону не распыляться и сосредоточиться на запланированных мероприятиях.

Во-вторых, что важнее, Сайрус Вэнс, госсекретарь администрации вновь избранного президента Джимми Картера, вскоре должен был посетить СССР. Разумеется, Белый дом не желал осложнять взаимоотношения двух стран накануне его визита.

В результате, ввиду отсутствия информации о личности «Невзрачного» и о его доступе к конкретным секретам, хозяин Лэнгли вновь приказал проигнорировать предложение русского.

* * *

В марте Роберт Фултон, положительно оценив настойчивость русского, ещё раз попытался получить согласие штаб-квартиры ЦРУ на встречу, чтобы выяснить, кто он и какую информацию может предоставить. Однако адмирал Тернер, который был известен своим притуплённым разведывательным обонянием, опять запретил выходить на контакт с «Невзрачным», мотивируя своё решение «сложностями контрразведывательной обстановки вокруг резидентуры».

В мае «Невзрачный» в (!) четвёртый раз штурмовал автомобиль резидента, но и на этот раз его просьба осталась без ответа. Не удался фронтальный штурм - зайдём с фланга! И спустя шесть месяцев, в ноябре, «Невзрачный» вновь атаковал. Но на этот раз «чистого» американского дипломата, когда тот вышел из автомашины, чтобы сделать покупки в валютном магазине «Берёзка» на улице Малая Грузинская. «Невзрачный» вручил ему конверт и попросил передать его ответственному работнику посольства США. Конверт попал к помощнику офицера безопасности посольства, а затем к резиденту. В письме были указаны новые условия встречи и схемы мест её проведения. К письму прилагались 2 страницы печатного текста с описанием электронных авиационных систем. Оказалось, что и их недостаточно, чтобы руководство ЦРУ поверило в искренность автора посланий. А всё потому, что 15 июля Марта Петерсон и 23 августа Винсент Крокет - сотрудники резидентуры, действовавшие под дипломатическим прикрытием, были высланы из СССР за шпионаж. В Лэнгли опасались новых провалов и рассматривали намерение назойливого «добровольца» передать секретные сведения как провокацию КГБ. Между тем полученные от него данные экспертами ЦРУ были оценены как представляющие значительный интерес, но *«не наносящие существенного ущерба СССР»* - критерий оценки информации от лиц, с которыми возможно установление агентурных отношений. Дело опять застопорилось.

24 января 1978 года из Лэнгли вновь поступил запрет на встречу с «Невзрачным», так как неделей ранее сотрудник резидентуры Джеймс Малколм был задержан с поличным при получении материалов от другого инициативника - работника сверхсекретного объекта Красноярск-35 - и впоследствии объявлен персоной non grata и выдворен из СССР…

Если долго мучиться - что-нибудь получится!

В начале февраля 1978 года главой московской резидентуры стал Гарднер Гас Хэттавэй, один из самых опытных «охотников за головами» -

вербовщиков - в американском разведсообществе. Руководство ЦРУ не могло не считаться с его авторитетом, так как в январе 1978 года он в одиночку остановил группу переодетых пожарными офицеров КГБ при попытке проникнуть в самое секретное помещение узла связи ЦРУ во время пожара, вдруг возникшего в посольстве США в Москве. Все сотрудники посольства в панике бежали, но Хэттавэй загородил собой дверь и отказался сдвинуться с места, когда появились лжепожарные с топориками в руках…

Гас не разделял точку зрения своего патрона, считая его опасения в адрес «Невзрачного» неадекватными. Аристократ с мрачным чувством юмора, он считал, что разведчики-агентуристы, как санитары природы, не питаются падалью. Они - хищники, убивающие больных животных. Мысль о том, что можно упустить «золотого козла», который сам напрашивается в силки, не давала ему покоя. В составленной в категоричном тоне телеграмме на имя адмирала Тернера он просил разрешения *хотя бы* позвонить «Невзрачному» по указанному им в одной из записок номеру телефона.

Трудно сказать, когда бы удалось «Невзрачному» войти в контакт с американскими разведчиками, да и удалось бы вообще, если бы в феврале 1978 года Пентагон не направил в ЦРУ записку о своей крайней заинтересованности в получении любой разведывательной информации о советских авиационных электронных системах.

На удачу «Невзрачного» (и Директора ЦРУ!), сведения, переданные им в ноябре 1977 года, касались, хотя и ограниченно, именно этих вопросов. И тогда адмирал Тернер согласился с предложением Хэтгавэя войти в контакт с «добровольным рекрутом» для оценки его разведывательных возможностей.

В 18 часов 16 февраля 1978 года «Невзрачный» подошёл к машине Хэтгавэя и передал секретные документы, дополнявшие предыдущую информацию. От руки он сделал приписку:

> «Из-за страха за собственную безопасность я не могу сообщить много о себе, а вы без этой информации, опасаясь провокации, боитесь установить со мной контакт. С учётом этого я предлагаю безопасное место для визуальной передачи «идентификационного ключа» - номера моего домашнего телефона за исключением двух последних цифр. В определённое время на указанной мною автобусной остановке я буду стоять, держа в руках два куска картона, на которых будут написаны две недостающие цифры номера моего телефона. Получатель записки должен увидеть и запомнить эти цифры».

В назначенное время жена Хэтгавэя, проехав мимо остановки, записала недостающие цифры телефона. Интересы сторон наконец совпали, и резидент получил добро на установление контакта с «Невзрачным».

Последующие семь лет тот будет благодарить Судьбу за то, что в лице Хэтгавэя встретил и ухватил за бороду господина Счастливый Случай.

...26 февраля заместитель резидента Джон Гюльшнер, свободно владевший русским языком, изрядно поколесив по городу - проверялся - и, не обнаружив за собой наружного наблюдения, позвонил из городского телефона-автомата по домашнему телефону «Невзрачного». Однако к телефону подошла женщина, и Гюльшнер повесил трубку. Повторный звонок 28 февраля закончился с тем же результатом. Как вдруг 1 марта 1978 года «Невзрачный» бросился к машине Хэтгавэя, когда тот выехал из ворот посольства. Не медля ни секунды, бросил в машину 11 заполненных от руки страниц. Как оказалось, все они содержали разведывательную информацию о научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (НИОКР) в военной авиационной радиоэлектронной промышленности Советского Союза. В приписке автор полностью себя идентифицировал, сообщив имя, адрес местожительства - высотное здание на площади Восстания, - точное место работы - НИИ «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР, а также изложил некоторые данные о своём прошлом.

В порядке лирического отступления Толкачёв написал:

> «Многие часы я истратил на хождение по улицам в поисках машин с дипломатическими номерами Соединенных Штатов, и, не найдя таковых, десятки раз не мог ничего передать из-за внушающих подозрение обстоятельств. А последнее время я вообще впал в отчаяние от всего этого, и если бы сегодня мне не удалось установить с вами контакт, я бы отказался от своей затеи».

Все сомнения относительно того, является ли Толкачёв двойным агентом или нет, мгновенно рассеялись, так как данные, которые он предоставил, были настолько секретны, что в штаб-квартире ЦРУ сразу поняли - КГБ никогда бы не рискнул их раскрыть.

В дальнейшем Хэттавэй лично курировал работу с Толкачёвым. Факт, свидетельствующий о ценности поступавшей от него информации и о значении, которое придавалось американцами работе с ним.

Так начался для Толкачёва «затяжной харакири», продолжавшийся семь лет...

«Первый тайм мы уже отыграли...»

5 марта 1978 года в 10 часов вечера Гюльшнер, убедившись, что слежка за ним не ведётся, из телефонной будки вблизи Большого театра позвонил Толкачёву домой и представился «Николаем» - так предложил Толкачёв в записке от 1 марта, чтобы знать наверняка, что переданная им информация попала по назначению.

В короткой беседе Гюльшнер в иносказательной форме заверил Толкачёва, что «друзья» сделают всё возможное и даже невозможное, чтобы обеспечить его безопасность. Придерживаясь избранной манеры разговора, разведчик добавил, что инструкции о предстоящих встречах Толкачёв получит в ходе следующего телефонного разговора.

Увы, к вящему сожалению обоих, он состоялся лишь в августе, когда

Управление, наконец, уладило все вопросы по организации работы с Толкачёвым. Камнем преткновения, как это ни покажется странным, явились способы связи с ним.

Дело в том, что Хэттавэй настаивал на проведении личных встреч, в то время как Директор ЦРУ считал, что наиболее безопасным вариантом будут «безличные способы связи», то есть получение материалов от Толкачёва и передачу ему инструкций надо осуществлять только через тайники. Сообщения агент должен будет наносить тайнописью, направляя их в разные почтовые адреса, контролируемые ЦРУ. Согласившись в конце концов с мнением патрона, Хэттавэй распорядился, чтобы Толкачёва снабдили одноразовым шифровальным блокнотом с разными ключами для отдельного письма. Каждый ключ указывался открытым текстом в письме.

* * *

24 августа Гюльшнер позвонил Толкачёву по домашнему телефону. Узнав его по голосу, сказал: *«В телефонной будке, что вторая слева от входа в ваш подъезд, вас ожидает пакет».*

Сотрудники московской резидентуры из машин снимали видеокамерой, как худощавый невзрачного вида мужчина с портфелем в руке вошёл в телефонную будку, нагнулся, ловко открыл и мгновенно закрыл портфель. Наблюдатели поняли, что тайник изъят.

Тайником служила испачканная рукавица строительного рабочего, в неё был вложен контейнер, где находились несколько разведывательных заданий, тайнописная копирка с инструкцией по её применению, два письма безобидного содержания с адресами невинных получателей, одноразовый шифровальный блокнот с ключами и инструкцией. На оборотной стороне посланий Толкачёв должен был разместить свои сообщения, исполненные тайнописью и зашифрованные с помощью шифрблокнота.

В сентябре все письма от Толкачёва были получены и тайнопись успешно проявлена. По наличию внешних признаков эксперты ЦРУ установили, что письма вскрывались в отделе перлюстрации КГБ, но тайнопись выявить им не удалось.

Тайнописные сообщения агента содержали ценную разведывательную информацию о новых советских радарных системах воздушной разведки, об испытаниях новых авиационных радарных систем, а также о состоянии конструкторских работ по оружейно-поисковым системам для различных типов военных самолётов. В последнем письме Толкачёв сообщил, что у него имеется *«сенсационный подарок для друзей»* - 91 страница секретных сведений, которые он хотел бы передать в ближайшее время.

«Только раз бывают в жизни встречи...»

Первая явка с Толкачёвым состоялась морозным утром 1 января 1979 года. Гюльшнер, убедившись в отсутствии «хвоста», позвонил Толкачёву из телефона-автомата и обусловил время и место встречи. Попросил

захватить с собой те самые, упомянутые в письме, «сведения на 91-й странице».

Издали завидев американца, Толкачёв двинулся навстречу. После взаимных приветствий он не без патетики представился: *«Меня зовут Адольф Георгиевич Толкачёв, я - ведущий специалист Советского Союза по аэронавигационным системам!»*

Гюльшнер поинтересовался, по каким признакам Толкачёв смог выделить его в толпе, ведь они никогда не встречались! Сам-то разведчик, идя на встречу, не единожды просмотрел видеозапись, сделанную в августе прошлого года, во время изъятия Толкачёвым тайника. Тот живо отреагировал на вопрос, пояснив, что, во-первых, Гюльшнер двигается уверенно, не качаясь, так как совершенно трезв, чего не скажешь об окружающих - ведь они всю ночь праздновали! Во-вторых, у американца, в отличие от прохожих, хорошо отглажены брюки. В-третьих... «Достаточно!» - произнёс Гюльшнер и, взяв Толкачёва под руку, увлёк его в сторону...

Явка проходила на аллеях Московского зоопарка и длилась более 40 минут. Толкачёв вручил американцу исполненные от руки многочисленные записи, содержащие подробное описание особо секретных работ, которые он вёл сам, а также математические формулы, диаграммы, осциллографические графики, характеристики точного оружия и электронных систем, диаграммы и выписки из официальных документов. Гюльшнер передал Толкачёву дополнительное разведывательное задание и 500 рублей «на карманные расходы». Прощаясь, Гюльшнер поздравил Толкачёва с Новым годом и с приобретением нового имени - псевдонима «Сфиэ» (Sphere) (В последующем, для пущей зашифровки, агенту будет присвоен ещё один псевдоним - «Победитель» (Vanquish). На что Толкачёв, находясь в крайне возбуждённом состоянии, ответил: *«Не просто с Новым годом, а с наступлением новой эры в моей личной жизни!»*

На имя адмирала Тернера Хэттавэй немедленно отбил телеграмму-молнию, которая заканчивалась словами: *«Сэр, новобранец с головой окунулся в ледяные воды шпионажа, а спасательный круг - в наших руках...»*

Директор удовлетворённо потёр руки - в пантеоне шпионов-инициативников появилась новая фигура - и распорядился зачислить его в категорию «особо ценных источников».

Кто вы, мистер Толкачёв?

Задолго до того, как произошла первая встреча Гюльшнера с Толкачёвым, рукописные листы, брошенные им в посольские автомашины, были переданы в Отдел технического обеспечения (ОТО) ЦРУ для проведения графологической экспертизы и анализа. В мае 1978 года шефу ЦРУ были доложены их результаты, где, в частности, отмечалось:

> «Автор - волевой, целеустремлённый, очень упрямый и чрезвычайно трудолюбивый человек. Дисциплинированная и весьма

требовательная к себе и к окружающим личность. Его интеллектуальный уровень много выше среднего. Он наблюдателен и аккуратен, уделяет много внимания деталям. Он - разумно организованная персоналия и со временем способен стать полезным и разносторонним источником. Вместе с тем, присущая ему амбициозность и излишняя самоуверенность могут подтолкнутъ его к совершению неблагоразумных или непродуманных действий».

В последующем, в ходе явок с Джоном Гюльшнером, Толкачёв предоставил письменную информацию о себе и своей семье. Родился он в 1927 году в Актюбинске, спустя два года был перевезён на постоянное жительство в Москву. О своих родителях он ничего не сообщал, упомянул лишь брата Юрия, работавшего механиком на железной дороге. Его жена Наталья Ивановна, в девичестве Климантович, родилась в 1935 году, работает ведущим инженером в одном с ним институте, являясь «специалистом по антеннам». Её мать якобы была казнена в 1938 году, но причины ему неизвестны. Отец жены провёл несколько лет в трудовых лагерях как «враг народа». После освобождения в 1956 году он вскоре умер.

В беседе с Гюльшнером Толкачёв утверждал, что жестокое обращение с родителями его жены и перенесённые ими страдания явились ключевым фактором в его стремлении работать против советского режима. Он никогда не рассказывал о причинах преследования властями родителей его жены, но однажды обмолвился, что, возможно, гонениям они подвергались из-за того, что они евреи.

Толкачёв, с его слов, всего себя посвящал семье и делал всё с учётом её интересов. В сообщениях писал, что помогает жене по дому и ему нравится ходить с ней по магазинам. Она никогда не задаёт вопросы, откуда у него *«разумное количество денег».* Он объяснял:

«Я женился в 30 лет и прожил с женой 22 года. Мне 52, а жене 44 года. Очевидно, я принадлежу к тем, кто любит один раз. Я рассматриваю себя как составную часть нормальной семьи, существующей в человеческом обществе. У меня один сын Олег, родившийся в 1958 г. В 1975 г. он поступил учиться в Архитектурный институт».

Толкачёв также заявил Гюльшнеру, что никогда не скажет жене и сыну о своей работе на американскую разведку. Он подробно рассказал о своём образовании. В 1948 году прошёл подготовку по оптико-механическим радарам и в 1954 году окончил Харьковский политехнический институт. С тех пор работает в НИИ «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР. Назвал себя *«ведущим системным конструктором».* Ведёт сравнительно комфортную жизнь. Его зарплата 250 руб. в месяц, плюс 40 % «надбавка за секретность», что в целом составляет около 350 руб. Зарплата его жены удваивает общий доход семьи. Позднее добавил, что получает квартальные и годовые премии за изобретения в своей области. Он и его семья проживают на девятом этаже высотного дома в комфортабельной, по московским меркам, двухкомнатной квартире, с кухней, ванной и туалетом. Его хобби

- бег, катанье на лыжах, чтение книг, прослушивание радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна», «Голос Израиля», а также просмотр телепрограмм.

Со слов Толкачёва, то обстоятельство, что он проживает в 400 метрах от посольства США, позволяло ему без опаски прогуливаться около посольства, когда он пытался установить контакт с американскими разведчиками.

Всё время сотрудничества с ЦРУ у Толкачёва возникали различные проблемы со здоровьем. Периодически он жаловался на повышенное артериальное давление, перитонит и гастрит. Во время сна у него было затруднено дыхание из-за перебитого в юности во время игры в хоккей носа. Но, несмотря на это, он старался вести активный образ жизни.

Толкачёв никогда не состоял в рядах КПСС. Утверждал, что потерял бывший у него раннее интерес к политике потому, что она стала *«непроходимой лицемерной демагогией».*

По этой же причине отрицал театр, так как все пьесы, по его мнению, стали слишком политизированы. На вопрос Гюльшнера, что же подтолкнуло его искать контакт с американской разведкой, «Сфиэ» ответил, что он - *«диссидент в душе»* и сможет наилучшим образом *«содействовать делу»,* используя свой доступ к секретной информации, которая представляет ценность для Запада. В апреле 1979 года он частично пояснил своё поведение в письменном виде:

> «…Я могу только сказать, что значительную роль, подтолкнувшую меня уйти в шпионы, сыграли Солженицын и Сахаров, хотя я с ними лично не знаком и прочитал только повесть Солженицына, опубликованную в журнале «Новый мир» («Один день Ивана Денисовича». - Примеч. авт.). Какой-то внутренний червь стал мучить меня, что-то нужно было делать. Я стал писать короткие листовки, которые планировал отправлять по почте. Но позднее, поразмыслив глубже, понял, что это бессмысленная затея.
>
> Устанавливать контакт с диссидентскими кругами, имевшими связи с иностранными журналистами, казалось мне неразумным по причине моего места работы (я имею доступ к совершенно секретным документам). Достаточно малейших подозрений, и я был бы полностью изолирован или ликвидирован. Таким образом, у меня родился план, который я, наконец, осуществил.
>
> Я избрал путь, который не позволяет мне вернуться назад, и я не намерен сворачивать с этого пути. Мои действия в будущем зависят от моего здоровья и изменений в характере моей работы. Что касается вознаграждения, то я не стал бы устанавливать контакт ни за какие деньги, к примеру, с китайским посольством. Ну, а Америка? Может быть, она околдовала меня и я, с ума сошедши, люблю её? Я не видел вашу страну своими собственными глазами и не полюбил её заочно. У меня нет достаточной фантазии или романтизма. Как бы там ни было, основываясь на некоторых фактах, у меня сложилось впечатление, что я предпочёл бы жить в Америке. Это одна из главных причин, почему я предложил вам своё сотрудничество. Но я не альтруист-одиночка.

Вознаграждение для меня есть не только деньги, оно - это Ваша оценка меня как личности, а также Ваша оценка важности моей работы на Вас, а они для меня дороже всяких денег».

Браво, мистер Толкачёв, вы сделали нам красиво!

Первая явка с Толкачёвым стала решающей. Переданная им информация объёмом в 91 страницу убедила даже твердолобых скептиков, что ЦРУ имеет дело не просто со шпионом-инициативником, располагающим весомым потенциалом, а с «живым сейфом», набитым секретами. По распоряжению Директора был сформирован специальный отдел для обработки информации, предоставленной «Сфиэ». В него вошли 8 служащих с техническим образованием и 3 переводчика. В дальнейшем к ним были прикомандированы специалисты из Министерства обороны, так как сотрудники ЦРУ не могли достаточно квалифицированно выполнять работу.

Сведения, переданные Толкачёвым, были чрезвычайно высоко оценены военными и гражданскими специалистами США. Все они единогласно заявили, что подобная информация ранее никогда не поступала от источников из числа советских граждан. Как отмечалось в направленном Директору ЦРУ меморандуме, который подписали многозвёздные генералы Министерства обороны, *«вся информация, переданная «специальным источником», не только относится к разряду «немедленного применения», являясь весьма ценной для Вашингтона, но и наносит Советам прямой значительный ущерб».* В том же документе подчёркивалось, что ценность детальной информации по новым советским системам оружия заключается ещё и в том, что её невозможно получить никакими техническими средствами разведки. Меморандум заканчивался словами: *«Руководство Минобороны США рассматривает информацию, представленную агентом, как «неподдающуюся оценке».*

В мае 1979 г. ЦРУ провело трёхдневный семинар высокопоставленных представителей военных и гражданских ведомств - потребителей информации «Сфиэ». Участники однозначно отметили, что *«информация агента помогла им сократить не менее пяти лет на ведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и сэкономить десятки миллиардов долларов».*

В заключительных материалах семинара подчёркивалось, что «Сфиэ» является наиболее *рентабельным* агентом за всю историю ЦРУ.

Наш суперагент Олдрич Эймс, руководитель одного из подразделений в штаб-квартире ЦРУ, позже докладывал в Москву:

«Сотрудники Центрального разведывательного управления любят шутить, что Толкачёв взял их на содержание, именно он окупил все бюджетные затраты Управления, буквально на блюдечке преподнеся Соединенным Штатам советскую авиационную радиоэлектронику. Начнись новая мировая война, и в воздухе НАТО имела бы неоспоримое преимущество».

«А пароль ты услышишь в припеве...»

С января 1979 года по июль 1980 года один раз в два-три месяца Гюльшнер лично встречался с «Сфиэ». За это время агент передал огромный объём сверхценной для военно-промышленного комплекса США информации. На явках ему отрабатывалась линия поведения, которая должна была гарантировать его безопасную и многолетнюю продуктивную работу. Кроме того, была разработана система связи, согласованы вопросы денежной компенсации и передачи вознаграждения. Много времени уделялось поиску наиболее безопасных способов максимально глубокого проникновения Толкачёва к секретам НИИ «Фазотрон».

При осуществлении безличной связи американцы, разумеется, не могли привить Толкачёву шпионские навыки (действительно, *заочных курсов* для шпионов-инициативников спецслужбы ещё не придумали!), поэтому его обучение как добытчика информации проводилось в ходе личных встреч. А шпионскую экипировку и инструкции он получал через тайники.

Так, в феврале 1979 года контейнер для агента был заложен в рабочей рукавице, где кроме прочего находились инструкции о различных способах связи. Например, Толкачёву могли позвонить домой по телефону один раз в месяц в день соответствующий числу месяца - в январе 1-го числа, в феврале 2-го, в марте 3-го и т. д. В эти дни он должен ждать звонка от 18 до 20 часов. Звонок будет выглядеть как ошибочно набранный номер. Имя «Ольга», «Анна» или «Нина», которое назовёт звонивший, определяло местонахождение тайника. По телефону могли также спросить «Валерия», что означало проведение личной встречи в заранее обусловленном месте через час после поступления звонка. Раз в месяц, в день числа месяца плюс 15 дней - в марте 18 марта, в апреле 19-го, в мае 20-го и т. д., Толкачёв должен появляться в одном из заранее определённых мест, в конкретное время, и, в зависимости от месяца встречи, ждать пять минут. Указывались пароль и опознавательные признаки на случай возможного прихода на встречу незнакомого ему сотрудника ЦРУ. Раз в три месяца, в последнее воскресенье месяца, «Сфиэ» должен был передавать материалы через тайник. Предварительно он должен был проверить наличие сигнала о готовности принять материал и, если его прочитывал, то должен был бросить контейнер в обусловленном месте. Сигнал об изъятии тайника, который Толкачёв читал на следующий день, выставлялся в определённом месте. Он был проинструктирован, какие предметы использовать под контейнер и как упаковывать в него материалы. Кроме того, он мог вызвать своего оператора на тайниковую операцию путём постановки сигнала в любой понедельник. В этом случае сотрудник ЦРУ должен был в среду определённым образом запарковать автомобиль, что явилось бы сигналом о готовности изъять контейнер. Вечером в ту же среду Толкачёв должен был заложить тайник. Графический сигнал об обработке тайника разведчиками он мог увидеть на следующий день в заранее определённом месте.

По мнению аналитиков ЦРУ, иногда «Сфиэ» вёл себя капризно, как

засидевшаяся в девках дурнушка, которая почувствовала приближение принца, готового возложить на неё брачный венец. Так, он категорически отказался поддерживать связь через тайники. В своём письменном сообщении от 3 апреля 1979 года он недоумённо спрашивал, *«почему ЦРУ настаивает именно на таком способе связи с ним?!»* С его точки зрения, личные встречи отнюдь не подвергают его риску, да и, вообще, *«они более продуктивны».* Он предпочёл бы передавать материалы лично разведчикам ещё и потому, что, всякий раз делая тайниковую закладку, испытывает страх, как бы она не оказалась в чужих руках. Ведь проанализировав находящиеся там документы, можно легко выйти на него...

Хэттавэй согласился с его доводами и проинформировал об этом штаб-квартиру в Лэнгли. В итоге с начала апреля 1979 года всё внимание разведчиков московской резидентуры было переключено не на поиск мест для тайников, а на поиск мест и организацию явок со «Сфиэ». Некоторые из них пришлись на вторую половину 1979 года, более 20 - на последующие 5 лет. Всего за это время Толкачёв передал ЦРУ сотни отснятых кассет и сотни письменных страниц, содержащих огромный объём сверхценной разведывательной информации.

Глава 2. Шпионские балы-маскарады

«Джек в коробке»

С начала 1981 года офицеры-агентуристы московской резидентуры ЦРУ, действовавшие под дипломатическим прикрытием, при проведении явок со своими источниками из числа советских граждан повально использовали манекены. Справедливости ради, надо признать, что это «секретное оружие» некоторое время приносило американцам успех.

«Высокоэффективные оперативные средства и большое везение, - как отмечалось во внутреннем меморандуме ЦРУ, - *позволяли проводить не зафиксированные КГБ явки с Толкачёвым. Более 10 встреч были проведены с октября 1980 по ноябрь 1983 г. Несколько встреч пришлось отменить из-за усиленного наружного наблюдения за нашими разведчиками. Однако большинство было всё-таки проведено в соответствии с планом. Постоянное усиленное наружное наблюдение за офицерами резидентуры заставляло их быть изобретательными в поисках оперативных средств и методов для проведения явок с «Сфиэ», впрочем, не только с ним».*

Новое анти-контрразведывательное средство, использовавшееся в таких операциях, американцы назвали «Джек в коробке» (Jack-In-the-Box - JIB). На жаргоне нашей «наружки» - *«Трюк с манекеном».*

«Трюк с манекеном» действовал по следующей схеме.

Выйдя из здания посольства, сотрудник резидентуры садился в машину вместе со своей женой (или с другим сотрудником). Жена - за рулём, разведчик рядом. Под ним - небольшая коробка. За несколько

часов до встречи они выезжали на проверочный маршрут. Следуя по нему, в заранее намеченном месте машина после ряда поворотов на несколько секунд выпадала из поля зрения сыщиков наружного наблюдения, то есть оказывалась в *«мёртвой зоне».* Тут же разведчик, который должен был встретиться с Толкачёвым, катапультировался из машины и исчезал в первой попавшейся подворотне. Водитель тут же активировал «Джека» - нажимал кнопку, и... о, чудо! Из коробки мгновенно выпрыгивал манекен, чей силуэт был как две капли воды схож с покинувшим машину разведчиком. Резиновая кукла, заполненная сжатым воздухом, выглядела абсолютно правдоподобно. Водитель, сидящий за рулём, чтобы окончательно ввести в заблуждение следующую за ним «наружку», начинал имитировать беседу, поворачивая голову куклы с помощью незамысловатого устройства. Лишь подъехав к дому, где проживали сотрудники американского посольства, водитель на тазах ошеломлённых сыщиков выпускал воздух из манекена, и упаковывал его в коробку. Всё, партия выиграна!

Бойцы наружного наблюдения, конечно, понимали, что второго разведчика они потеряли, но установить его местонахождение до его появления дома или в посольстве не могли.

Тем временем американец, надев фуфайку и нахлобучив кепку до носа, пешком и в городском транспорте, проверившись и убедившись в отсутствии «хвоста», добирался до места встречи. Проведя явку, разведчик возвращался домой или в посольство. Такой способ ухода от «наружки» несколько раз успешно применялся при операциях по связи с Толкачёвым.

По мнению Хэтгавэя, подобный способ отрыва от наружного наблюдения нельзя было применять часто потому, что он всегда приводил к ответным мерам - к *«оперативному прессингу».* Попавшему под него доставалось сполна! Это - прокол шин и создание «подстав» на трассе, имитирующих повреждение машины «наружки»; многочасовая блокировка автомобиля разведчика на улицах и, наконец, *демонстративная* (а значит, изматывающая нервы!) *слежка,* когда за провинившимся (или, лучше сказать, - за подозреваемым) «бампер в бампер» неотступно, в течение многих часов, идут две-три машины «наружки»...

Как бы там ни было, но порой «Джек» был единственным способом, чтобы уйти от наружного наблюдения и бесконтрольно встретиться с Толкачёвым. А уж как московская резидентура, да и вообще руководство Центрального разведывательного управления дорожили встречами с ним, читателю известно!

* * *

Спецслужбисты - оперативные сотрудники разведки и контрразведки, как и сыщики «наружки», - видят улицу, да и всё вокруг, не так, как рядовые граждане. С годами это восприятие окружающего мира переходит на уровень подсознания, становится рефлекторным.

Незнакомая машина в привычном переулке, человек, который вроде бы читает газету, но на самом деле даже не отдаёт себе отчёта в том, что держит её в руках. Женщина в будке телефона-автомата говорит в молчащую трубку, а на самом деле - в микрофон переговорного устройства. И тот и другая одновременно ведут наблюдение за подъездом напротив!

Всё это совсем не так, как показано в кино или подано в остросюжетных романах. Профессионала, который находится под наблюдением, будь он разведчик, сам факт контроля за ним не очень волнует в каждый конкретный момент - ведь операции с тайниками, как и встречи с теми, кого надо уберечь от недреманного ока контрразведки, происходят не каждый день. Даже наоборот - именно отсутствие «хвоста» начинает настораживать...

С годами между «ведомым» и «наружной» возникает какое-то энерго- или психополе. Вроде ничего вокруг тебя не происходит, ан нет! - чувствуешь, что находишься под присмотром! Или - наоборот: а Куда ж, чёрт подери, пропали «опекуны»!?

Опытные спецслужбисты никогда не оглядываются, остановившись «завязать шнурок», - примитивно! Кстати, шнурки на башмаках западного производства, особенно североамериканского, никогда не развязываются - их для этого покрывают воском.

Профессионалы никогда не выглядывают из-за угла, они выпрыгивают из вагона метро или электрички в последний момент перед закрытием дверей. Они играючи водят свои скоростные, но внешне неприметные машины, и не таращатся ежесекундно в зеркало заднего вида. В нужный момент они просто исчезают, причём их вроде и не в чем упрекнуть - виновата в потере «объекта» всегда «наружка»...

* * *

Как только Хэттавэй стал курировать работу со «Сфиэ», по его инициативе в посольство были доставлены девять машин с затемнёнными стёклами. Более того, разведчиков, действовавших под дипломатическим прикрытием, оснастили не только манекенами, имитировавшими фигуры сотрудников посольства, но и резиновыми масками для лиц, наподобие тех, которыми пользовался Фантомас в известном французском фильме.

...«Чистого» дипломата Дэвида Хилла по росту и телосложению со стороны невозможно было отличить от Хэтгавэя, и он этим воспользовался сполна! Отправляясь на контрольную явку со «Сфиэ», Хэттавэй надел искусно изготовленную каучуковую маску, имитировавшую лицо Хилла. После чего преспокойно, на малой скорости выехал за ворота посольства: *«Смотрите, любуйтесь, я - Дэвид Хилл!»*

Иллюзион через некоторое время, конечно же, был раскрыт, но, во-первых, Хэттавэю удалось провести явку с новым агентом, а во-вторых... Во-вторых, к тому времени американцы уже перешли (правда, частично) на безличную связь с агентом - через «почтовые ящики», суть - тайники...

Зачем, спрашивается, все эти манекены и маски?

Американские разведчики рассчитывали с их помощью водить за нос нашу службу наружного наблюдения. Например, манекен разведчика-агентуриста, который должен был провести конспиративную встречу со своим агентом, демонстративно вывозили в какой-нибудь отдалённый район Москвы в обычной машине. Сам же агентурист в автомобиле с затемнёнными стёклами уезжал в противоположном направлении. С этой же целью, чтобы сбить с толку «наружку», использовались и маски.

Маскарадные пристрастия американских разведчиков были различными.

Майкл Селлерс, «сидевший под корягой» - действовавший под прикрытием второго секретаря посольства США в Москве, - очень любил «похипповать»: отправляясь на встречу со своими источниками из числа советских граждан, наклеивал усы и натягивал лыжную шапочку с приделанными к ней волосами до плеч.

В таком виде он и был задержан 10 марта 1986 года во время проведения явки с агентом «Коул» - майором Сергеем Воронцовым, сотрудником Управления КГБ по Москве и Московской области. Кстати, имя изменника до самого последнего дня его инициативного сотрудничества с ЦРУ не было известно его американским кураторам. Это был, пожалуй, единственный постулат конспирации, которым овладел и до конца соблюдал Воронцов...

Мистер «Инкогнито»

Поздним июльским вечером 1984 года в квартире второго секретаря политического отдела посольства США в Москве Джона Фини раздался телефонный звонок. Мужчина на ломаном английском, который выдавал в нём славянина, путая слова заученных наизусть фраз, предложил хозяину квартиры срочно встретиться по совершенно неотложному делу.

Место встречи, названное незнакомцем, находилось от дома Фини в двух минутах езды на машине. Американец, следуя инструкциям Госдепартамента, устным рекомендациям посла и резидента ЦРУ, предписывавшим «чистым» дипломатам принимать любые материалы и самые сумасбродные предложения от советских граждан, как был в пижаме и в домашних тапочках, сломя голову ринулся к месту неурочного свидания.

Опасаясь подвоха, Фини не вышел из машины, а лишь слегка опустил боковое стекло. Невесть откуда появившийся призрак просунул в щёлку пачку бумаг и тут же растворился в темноте.

На следующее утро сотрудники резидентуры подвергли тщательному исследованию ночные «трофеи». В них они обнаружили отпечатанное на машинке письмо с предложением о сотрудничестве и в качестве подтверждения серьёзности намерений автора и брошюрку - «Информационный бюллетень Второго главного управления», печатный орган центрального контрразведывательного органа КГБ СССР,

значившийся под грифом «Совершенно секретно». В этом номере давалось детальное описание ухищрений американских разведчиков, к которым они прибегают, чтобы оторваться от «хвоста», следуя на встречи со своими осведомителями, а также меры, предпринимаемые нашей «наружкой», чтобы свести на нет усилия американцев.

Американцы пришли к заключению, что инициативник знаком с методами конспирации не понаслышке, так как предложил весьма сложный вариант установления личного контакта. В случае согласия с его условиями выплаты вознаграждения сотрудники резидентуры должны поставить машину с дипломатическими номерами посольства США в определённый час напротив магазина «Буккнига» на Кузнецком мосту мотором к тротуару.

После этого на стене мужского отделения общественного туалета в Артистическом проезде фломастером будут нанесены семь цифр. Помноженные поочерёдно на единицу, двойку и тройку, они в итоге дадут номер телефона, у которого в назначенное время будет дежурить «ночной телефонист».

Упустить шанс заполучить ещё один источник информации - не в правилах уважающей себя спецслужбы, поэтому всё было сделано так, как предлагал «инициативник».

На первой встрече Воронцов предупредил пришедшего на встречу Майкла Селлерса, а через него своих потенциальных работодателей, что сохранение его анонимности - в их общих интересах. Единственное, что он может сообщить о себе, - это имя и место работы. Зовут его Стас, он - сотрудник Второго главка.

Это место службы Воронцов выбрал намеренно - в ЦРУ должны знать, что имеют дело с достойным партнёром, и «Информационный бюллетень» - тому подтверждение.

Воронцов, хотя должность занимал ничтожную - всего лишь заместитель начальника отделения Управления КГБ по Москве и Московской области, - прекрасно отдавал себе отчёт, что чем значительнее место службы, тем весомее оплата.

Изменнику удастся ввести в заблуждение своих заокеанских хозяев - они щедро отблагодарят его услуги, выплатив в общей сложности более 30 тысяч долларов, а об истинном месте его работы узнают лишь после того, как он будет разоблачён и расстрелян.

Воронцов отказался от предложенных американцами способов связи. Тайники, односторонние радиопередачи, письма на подставные адреса, контролируемые ЦРУ, - всё это не для него. Он берёт инициативу в свои руки и диктует свои правила. Прежде всего, он настаивает только на личных встречах с сотрудниками московской резидентуры - так, по его мнению, причитающиеся ему деньги быстрее окажутся в его в кармане. Он предлагает свой вариант связи. Телефон, номер которого он сообщил американцам, якобы установлен по соседству с его кабинетом. У него имеется ключ-отмычка, с помощью которого он в обусловленное,

разумеется, нерабочее время, будет ожидать условных звонков и договариваться о встречах.

В Лэнгли приняли все условия Воронцова. Ещё бы! Ведь он работает во Втором главке, а значит, может содействовать обеспечению безопасной деятельности московской резидентуры, да и не только! Через него можно будет получать информацию о намечаемых центральным контрразведывательным органом КГБ мерах по противодействию разведывательным устремлениям ЦРУ на территории всего СССР! Ничего себе подарок Судьбы, есть от чего испытать головокружение!

Сначала лже-Стасу присвоили псевдоним «Инкогнито», который затем заменили на «Cawl» (Монах).

На первой же явке Селлерс вручил ему 10 тысяч долларов (что по курсу «чёрного рынка» составляло 45 000 рублей, или равнялось стоимости более шести а/м «Жигули» ВАЗ-2101). Не забыли заботливые кураторы из ЦРУ к конверту с «баксами» приложить и вопросник-задание. Увы, не скоро они получат ответы, ибо Воронцов рассудил так: раз поверили, значит, ценят, а ценят, значит, подождут, да и вообще: «Дольше едешь - больше командировочных»…

На радостях от привалившего богатства новоиспечённый торговец секретами взял отпуск и отправился с женой кутить в Сочи! Поспешный отъезд, а затем ночные телефонные звонки оттуда немало удивили коллег и друзей Воронцова. Вдребезги пьяный, он звонил, чтобы поделиться впечатлениями от меню на завтрак, обед и ужин, от концертов, на которых он успел побывать, от общения со звёздами кино и эстрады, с которыми загорал на пляже интуристовской гостиницы «Жемчужина» и прочая, прочая, прочая…

На все вопросы, откуда он взял деньги на поездку, Воронцов отвечал стандартно-примитивно: мол, почившая в бозе бабушка оставила наследство.

Вызывает удивление другое: почему даже близкие друзья-коллеги никогда не поинтересовались, откуда у Воронцова, вечно стрелявшего «чирики» до зарплаты, вдруг случилась бабушка-дароносица, которая не только сумела так скоропостижно умереть, но и оставить изобильное наследство?..

«Каул» регулярно информировал Селлерса о том, как Комитет ведёт наблюдение за сотрудниками московской резидентуры, работающими под дипломатическим прикрытием. Во время последней, провальной явки передал Майклу Селлерсу, своему оператору, образцы *«шпионской пыли»,* которой сотрудники Службы наружного наблюдения обрабатывали автомобили американских дипломатов, подозреваемых в проведении разведывательных акций против СССР.

«Шпионская пыль» - спецпрепарат, изобретение секретных лабораторий КГБ, позволявший контрразведчикам с помощью особых датчиков выявлять советских граждан, осведомителей сотрудников московской резидентуры ЦРУ.

Подвёз американский разведчик своего осведомителя на машине, салон которой обработан *«пылью»,* - микрочастицы осели на неопределённо продолжительное время на коже и одежде пассажира, и на всех предметах, к которым «сладкой парочке» довелось прикасаться. *«Пыль»* невозможно удалить ни водой, ни паром…

Кстати, по вине изменника Воронцова в 1986-1987 годах в западных СМИ настойчиво муссировался вопрос о вреде *«шпионской пыли»* для здоровья дипломатов. Она якобы при попадании на кожу способствует образованию раковых опухолей. В парламенте Великобритании, к примеру, нашлись горячие головы, обвинявшие КГБ и правительство СССР в нарушении каких-то несуществующих международных конвенций, которые якобы запрещают использование подобных химикатов. Сущая ерунда! *«Пыль»* совершенно безвредна, о чём свидетельствует её непреходящее использование нашей контрразведкой…

…Коллега Селлерса, работавший в такой же должности - второй секретарь посольства, - любил наряжаться рабочим и носил тёмные очки. А один из «атташе» посольства даже переодевался в женское платье - в таком наряде он проводил шпионские операции. Наши сыщики наружного наблюдения по этому поводу шутили: «Опять появилась эта дама приятной внешности, значит, на серьёзное дело идёт!»

Впрочем, используя в качестве камуфляжа женскую одежду, американские разведчики не понимали, что занимаются самообманом и саморазоблачением: в качестве демаскирующего признака была их… походка, ведь для опытного глаза не составляет труда отличить грациозную женскую поступь от твёрдых и решительных движений мужчины.

Кстати, человеку, не посвящённому в эти премудрости, трудно поверить, но походка у представителей различных рас - белой, чёрной и жёлтой, действительно имеет много отличий.

Вообще, опытные сыщики наружного наблюдения сначала запоминают походку объекта, а потом уже остальные внешние признаки…

* * *

Сотрудники московской резидентуры, проводившие явки с «Сфиэ», для обмана «наружки» применяли и другие способы маскировки. Так, 12 июня 1980 года Джон Гюльшнер приехал в американское посольство, якобы по приглашению проживавших там коллег. Демонстративно вышел из авто в роскошном смокинге и в шляпе чикагских гангстеров 1930-х годов «борсалино». Чтобы ввести в заблуждение ожидавшую его на выходе «наружку», он перед выходом из здания обрёл внешний вид рядового московского работяги: сменил смокинг на фуфайку, шляпу - на рабочую кепку, съел головку чеснока и вылил на себя бутылку водки. В этом безобразном виде, покачиваясь, вышел из ворот посольства и достиг одному ему известной «мёртвой зоны», где его ожидало заранее запаркованное авто. Сел в машину и был таков. Убедившись, что за ним нет «хвоста», за сто метров до места встречи оставил машину и пешком

добрался до телефона-автомата. Позвонил агенту и встретился с ним в заранее обусловленном месте.

Это продолжалось до 14 октября 1980 года, пока не закончилась московская командировка Гюльшнера.

В последующем вся резидентская рать, заменившая Джона Гюльшнера, постоянно, хотя и в разных вариациях, использовала этот способ маскировки для выхода на явки с Толкачёвым, которые с некоторых пор проводились в его автомобиле «Жигули», незадолго до этого приобретённом на деньги ЦРУ…

Глава 3. Трудовые будни - праздники для нас!

Храните деньги в сберегательных «баксах»!

В своих сообщениях в ЦРУ Толкачёв утверждал, что получаемые деньги он рассматривает как оценку важности поставляемых им сведений, а также его персоны, а не как стремление к обогащению. Эти его попытки представить себя бескорыстным борцом с советской властью вызывали у его работодателей в лучшем случае скептические улыбки. Вместе с тем, предоставленная «Сфиэ» информация была настолько высокой пробы, что в Лэнгли всерьёз задумались о размере вознаграждение для её поставщика…

Вопрос о вознаграждении впервые возник на второй явке со «Сфиэ» в апреле 1979 года. Во время 15-минутной прогулки у Патриарших прудов агент передал Гюльшнеру семь фотокассет, отснятых миниатюрной камерой, и более 50 рукописных страниц важной разведывательной информации. В примечании написал, что предполагает передавать информацию в течение 12 лет, которые делит на 7 этапов, при этом хотел бы получать вознаграждение по завершении каждого этапа. Добавил, что не получил адекватной компенсации как за первый год, так и за полгода *«отчаянных попыток сломать стену недоверия».* По его мнению, несколько десятков тысяч рублей могли бы стать справедливой платой за его страдания, которые он претерпевал в течение полутора лет. В будущем, по мере передачи материалов о новых научных разработках в «Фазотроне», он намерен просить сумму, выражающуюся шестизначной цифрой.

В октябре 1979 года «Сфиэ» вновь поставил вопрос о вознаграждении. В ответном послании ему было объявлено, что Директор ЦРУ утвердил его вознаграждение в сумме, эквивалентной 100 000 рублям за информацию, переданную за предыдущий период сотрудничества. В ответ на это агент уточнил, что когда он говорил о шестизначной цифре, то имел в виду «шесть нулей», а не «шесть цифр». Пояснил, что, прослушивая передачи «Голоса Америки», узнал, в какую сумму было оценено предательство старшего лейтенанта Беленко, угнавшего в Японию сверхсекретный советский МИГ-25. Когда самолёт был переправлен в США, американские специалисты подсчитали затраты на его создание - 3 миллиарда рублей. Администрация США выплатила

Беленко 0,1 % от стоимости самолёта.

«Если это не пропагандистский трюк , - писал Толкачёв, - *то я считаю, что несколько миллионов долларов за информацию о новых советских авиационных электронных технологиях, которую я намерен передать ЦРУ, не является уж столь фантастической ценой».*

В Лэнгли сделали вывод, что «Сфиэ» отлично знает цену секретам, которые передаёт, и отнюдь не склонен торговать ими по дешёвке. Руководство ЦРУ, опасаясь, что с появлением такого ненасытного «новобранца» в его бюджете может образоваться брешь, вышло в конгресс с ходатайством об увеличении финансирования. Инициатива была поддержана Министерством обороны США. Действительно, в 1980 году бюджет ЦРУ был увеличен на 500 млн и составил 5 миллиардов 500 миллионов долларов. Тысячная доля - 5,5 млн долларов - этой суммы пойдёт на оплату услуг «Сфиэ»…

На первой явке Гюльшнер предупредил Толкачёва, что агент, получающий много денег и «бездумно швыряющий их налево и направо», вызывает огонь на себя - привлекает внимание контрразведки, а кураторов заставляет излишне беспокоиться. Отвечая на этот посыл, Толкачёв в апреле написал, что *«намерение опрометчиво тратить деньги никогда у него не возникало».* Он уже имеет средства для покупки автомашины и дорогой дачи. Хотя он никогда не хотел иметь машину, но, возможно, купит её - всё будет зависеть от *«моих отношений, складывающихся с сыном».* Он также отметил: *«Ни я, ни моя жена не имеем склонности к жизни «на природе», но не исключаем возможности покупки небольшого дома в Подмосковье».* Возможно, понимая, что его требования о деньгах могут показаться непомерными, «Сфиэ» в апрельском письме подчеркнул: «*Основная моя цель в работе с ЦРУ состоит в передаче максимального количества информации в кратчайшее время. Я знаю, что конец может прийти в любой момент, но это не пугает меня, я буду работать до конца».*

На следующей явке в декабре 1979 года Толкачёв заявил, что понимает, что его требования о величине жалования являются нереальными. Он выдвинул их лишь для того, чтобы выяснить, как высоко оценивает его труд руководство ЦРУ. Принимая от Гюльшнера более 100 000 рублей, заметил, что это значительно больше, чем те *«гроши, которые ему заплатили прежде».* Добавил, что в действительности не нуждается в деньгах, и берёт их не для того, чтобы тратить, а исключительно для хранения. Просил не приносить деньги на следующую встречу. Ещё раз подчеркнул, что деньги для него являются лишь доказательством того, что ЦРУ действительно высоко оценивает его работу.

В мае 1980 года вопрос о размере вознаграждения Толкачёва был окончательно решён. Ему было объявлено, что *«в 1979 г. он получил сумму, равную жалованию президента США, а в последующие годы будет получать даже больше, пока будет добывать информацию, подобную ранее переданной».* Другими словами, работодатели из ЦРУ откровенно

подталкивали Толкачёва работать по принципу пилы: «Ты - нам, мы - тебе».

Гюльшнер проинформировал «Сфиэ», что все заработанные им деньги будут депонированы в американском банке, и станут доступными для него в любое время, как только он определится с выездом в США. В то же время этот депонент будет приносить ему ежегодно 8,75 % дохода, и этими деньгами он может уже сейчас распоряжаться по своему усмотрению.

В одном из своих сообщений Толкачёв написал, что хочет пожертвовать некоторую часть денег российскому диссидентскому движению. Прежде он не поднимал этот вопрос потому, что вопрос о его гонораре не был ещё решён, а он *«не хотел делить шкуру не убитого медведя».* Сейчас, когда соглашение о выплате ему конкретных сумм достигнуто, он хотел бы изыскать возможность и отдать часть заработанных им денег семьям диссидентов, пострадавших от репрессий советской власти. Самое сложное - найти безопасный путь, и в этом деле ему может помочь только Центральное разведывательное управление.

Однако в Лэнгли намерение «Сфиэ» помочь «российскому диссидентскому движению» восприняли как уловку коммерсанта, пытающегося броскими лозунгами прикрыть желание урвать куш посолиднее. Кураторы агента в штаб-квартире ЦРУ были уверены, что «помощь семьям диссидентов» - не более, чем высокопарные слова, игра в благородство, и существуют они напоказ и только для них. А в его душе - лишь меркантилизм и надежда по максимуму конвертировать в денежные знаки свой потенциал сотрудника сверхсекретного НИИ «Фазотрон».

На ближайшей явке Гюльшнер вручил Толкачёву письмо, изготовленное в Лэнгли:

> «Дорогой друг! Отдав деньги семьям подвергнувшихся репрессиям диссидентов, не рассчитывайте на ответный поцелуй! Знайте, что, передавая нам созданные Вами нематериальные ценности в виде аутентичной информации, Вы служите благородной цели уравнять шансы двух супердержав для сохранения мира на Земле. Своим альтруистским жестом в адрес советских диссидентов Вы подвергаете себя опасности, и нас это, в силу взятых на себя обязательств, не может не беспокоить. Ибо у нас нет больших забот, чем обеспечение Вашей безопасности и комфортных условий для Вашей плодотворной работы во имя выбранной Вами великой цели. Да хранит Вас Господь!»

Ах, эта фотосъёмка!..

Толкачёв не уставал обременять заботами своих кураторов из Лэнгли. Помните, как категоричен был он в своём отказе сноситься с сотрудниками московской резидентуры ЦРУ через тайники? Так вот, он взбрыкнул ещё раз, когда в феврале 1979 года ему для пересъёмки технической документации была передана миниатюрная фотокамера, которую он должен был использовать на своём рабочем месте. Он заявил, что, похоже, его работодателям наплевать на качество снимков, которые

он должен им предоставить, ибо того освещения, которое имеется в его рабочем помещении, совершенно недостаточно для фотосъёмки. Кроме того, камеру из-за её размеров (спичечный коробок) ему очень трудно устойчиво держать в руках. Да и вообще, она щёлкает слишком громко, и, ко всему, он вынужден подкладывать под неё книги, чтобы при съёмке выдерживать дистанцию в 30 см. Высказав претензии, Толкачёв потребовал передать ему обычный 35-мм фотоаппарат.

Пояснил, что ему удобнее переснимать документы дома, куда он обычно уходит из института на обеденный перерыв. Там ему никто не мешает - жена находится на работе, а сын - в институте. Идя навстречу пожеланиям агента, в июне 1979 г. Гюльшнер передал ему 35-мм фотокамеру «Pentax ME» и портативный штатив для её крепления к спинке стула.

Результаты не заставили себя ждать. Для сравнения: на явках в апреле и июне 1979 года Толкачёв передал десяток кассет, отснятых миниатюрной камерой, и большинство из них оказались нечитаемыми. А после того, как ему был вручён «Pentax ME», он на явках, состоявшихся в октябре и декабре 1979 года, передал более 150 кассет, экспонированных в домашних условиях, и все они были великолепного качества. К кассетам было приложено описание того, что он фотографировал.

Между тем в штаб-квартире ЦРУ продолжали размышлять, как заставить Толкачёва производить фотосъёмку документов непосредственно на рабочем месте, а не таскать их домой, рискуя быть задержанным с поличным на выходе из института. С этой целью в октябре 1979 года ему были переданы две усовершенствованные шпионские фотокамеры, созданные Отделом технического обеспечения ЦРУ. В декабре ему были переданы ещё четыре такие камеры, закамуфлированные под амулеты, авторучки и противогриппозные нюхательные карандаши. Они не могли привлечь внимание коллег Толкачёва, так как в Союзе свирепствовала эпидемия гриппа. Одной такой камерой можно было сделать 100 снимков…

Передача Толкачёву шпионских фотокамер пришлась как нельзя кстати. В декабре 1979 года в «Фазотроне» были введены новые правила режима секретности. Прежде сотрудники института могли брать из библиотеки неограниченное количество секретных документов и пользоваться ими весь рабочий день. Теперь же при получении документов нужно было оставлять в библиотеке пропуск в институт. Толкачёв не смог брать документы домой, т.к. при выходе из института должен был предъявлять пропуск, поэтому в течение нескольких месяцев он не мог отсылать в ЦРУ экспонированные кассеты с фотографиями секретных документов. Он также сообщил в ЦРУ, что единственным безопасным местом для фотосъёмки является мужской туалет института, где он имеет возможность переснимать документы четырьмя камерами из шести имеющихся у него.

С учётом новых правил режима секретности Толкачёв предложил ЦРУ изготовить ему дубликат пропуска в институт. Его он будет оставлять в

библиотеке в обмен на документы, а по оригиналу выходить из института на обеденный перерыв и дома проводить фотографирование. Для этого он сделает вид, что потерял свой пропуск, и, таким образом, сможет передать его сотруднику ЦРУ для изготовления дубликата. В ответном послании его попросили дать цветное фото пропуска и описать, из какого материала он сделан. Как вдруг в феврале 1980 года были введены дополнительные правила по режиму, которые тут же создали массу неудобств для женщин, составлявших большинство сотрудников института. Теперь они были лишены возможности выходить в город за покупками в обеденный перерыв. Сотрудницы не могли сдавать документы и получать взамен пропуск по той причине, что у работниц библиотеки в это время также был обеденный перерыв. Возмущение женского коллектива института было так велико, что отдел КГБ, обслуживавший «Фазотрон», вынужден был отменить новые правила режима. Их отмена позволила Толкачёву возобновить вынос и пересъёмку документов у себя дома. Уже в июне 1980 года Толкачёв передал оператору почти 200 кассет - самое большое количество документов, которое он приносил на явку за всё время работы на ЦРУ!

Ведомственные восторги

Высокопоставленные военные и гражданские чиновники - потребители информации, поставляемой Толкачёвым, заливались соловьями, давая ей высочайшую оценку. Так, в меморандуме Министерства обороны от 17 декабря 1979 года, направленном Директору ЦРУ, отмечалось: *«На основании информации вашего источника ВВС США полностью пересмотрели свой многомиллиардный проект для одного из своих последних самолётов.* (Имеется в виду самолёт-невидимка «Стелс». - *Примеч. авт.)*

В марте 1980 года на совещании руководителей ЦРУ информация, полученная от «Сфиэ» о последнем поколении советских ракет «земля - воздух», заслужила высшую похвалу: *«Мы никогда прежде не добывали такой подробной и точной информации об этих системах ракет до их развёртывания».* И далее: *«Эта информация не только подтверждается данными, полученными техническими средствами разведки, но и дополняет их весьма важными деталями, которые не могут быть добыты никакими другими средствами».*

В апреле 1980 года во внутреннем меморандуме ЦРУ информация Толкачёва об успешных испытаниях советских радарных систем для самолётов истребителей была названа *«уникальной»* - подобные данные США пытались получить многие годы, но они были недоступны для технических средств разведки.

В июне 1980 года Толкачёв передал ЦРУ исчерпывающие сведения по новым авиационным разработкам, а также обширные данные по модификации одного из советских истребителей и, наконец, документы по нескольким новым типам военно-воздушных ракетных систем. Внутренний меморандум ЦРУ в связи с этим отмечал: *«Даже если Толкачёв будет разоблачён завтра, то переданная им информация*

останется ценной ещё не менее 8-10 лет. Именно столько лет потребуется СССР на создание, проведение испытаний и технологического развёртывания, чтобы заменить всё то, что выдано ЦРУ агентом».

В сентябрьском 1980 года меморандуме Министерства обороны отмечалось: *«Данные, предоставленные «Сфиэ», не имеют срока давности, они повышают эффективность американских военных систем и способствуют сохранению жизни наших людей и оборудования. Информация источника является своего рода вектором для определения нужного направления в многомиллиардных американских НИОКР, её ценность в этом деле огромна».*

Суммируя вышесказанное, аналитики ЦРУ в справке, составленной на имя Директора, пришли к следующему заключению: *«Сянваря 1979 по июнь 1980 г. «Сфиэ» добыл и передал нам чрезвычайно большое количество невероятно ценной разведывательной информации для американских военных. Его информация, безусловно, способствует победе США в случае возникновения военной конфронтации и принесёт поражение Советскому Союзу».*

«Если смерти, то мгновенной…»

В среде спецслужбистов бытует мнение, что оптимизм в разведке происходит от недостаточной информированности состава, поэтому в контрразведке преобладают пессимисты. Думается, что эта неоднозначная истина не относилась к работодателям «Сфиэ». Они, будучи реалистами, с самого начала операции «Толкачёв - ЦРУ» отдавали себе отчёт в том, что рано или поздно ей придёт конец. Вопрос был в том, когда и как. Закончится ли она захватом Толкачёва советской контрразведкой, или агента придётся вывозить в США при возникновении опасности его провала? Учитывая беспримерную ценность информации Толкачёва, которая обезоруживала СССР и помогала США стать лидером на мировой арене, в Лэнти не могла не печься о его судьбе. Кураторы были готовы вывезти Толкачёва с семьёй на территорию США. Но при этом им хотелось отсрочить этот вариант на более поздний срок, чтобы полностью реализовать ресурс «Сфиэ» и максимально использовать его доступ к советским секретам военной и государственной важности!

Мысль о том, что когда-то пробьёт час расставания с ЦРУ, приходила в голову и Толкачёву. Реакция его на это была своеобразной. Она сначала удивила, а затем обрадовала его кураторов. Так, в сообщении, переданном в ЦРУ в апреле 1979 года, Толкачёв категорично потребовал выдать ему капсулу с ядом, заявив: *«Я не намерен разговаривать с органами КГБ в случае задержания».* Своё требование он повторил в октябре 1979 года, и с тех пор не переставал поднимать этот вопрос во всех своих сообщениях в ЦРУ. Сначала в штаб-квартире его задумку отвергли с порога, однако в дальнейшем пришли к выводу, что Толкачёв не отступит и будет настаивать на своём. Но Стэнсфилд Тернер, пристально следивший за успехами чрезвычайно плодовитого агента, категорически запретил снабжать его ядом, о чём Толкачёв был поставлен в известность на очередной явке. Узнав об этом решении,

«Сфиэ» 7 июня 1980 года передал через Гюльшнера письмо на имя Директора ЦРУ, в котором детально описал, какому риску он подвергается, и в этой связи настаивал немедленно снабдить его *«средством для совершения самоубийства».*

Кроме того, в письме Толкачёв посетовал, что ему поставлено большое количество разведывательных задач, большую часть из которых он не в состоянии решить, т. к. не имеет прямого доступа к нужным документам. Для решения этих задач ему приходится просматривать многие материалы в библиотеке института. Однако эти материалы не имеют никакого отношения к теме, над шторой он непосредственно работает. Чтобы ознакомиться с указанными материалами, он обязан расписаться в особом регистрационном журнале. Хуже того, он должен предварительно получать разрешение от другого института или ведомства, чьи документы хочет просмотреть.

Толкачёв особо отметил, что если КГБ когда-нибудь заподозрит утечку информации из проектов, над которыми он работает, то в результате проверки документов и разрешительных подписей на их получение он сразу же станет главным подозреваемым. Следующим шагом КГБ будет осмотр его квартиры, *«и тогда вещи, которые я прячу от моей семьи, я никогда не смогу спрятать от КГБ. Если Вы глубоко вникнете в ситуацию, в которой я нахожусь, Вам будет легче понять моё стремление как можно скорее получить «средства защиты». Имея в наличии «средства для самоубийства», я смогу сохранить в тайне весь набор действий и методов, с помощью которых я выполнял Ваши поручения».*

В письме от 7 июня 1980 года Толкачёв дал положительный ответ на предложение ЦРУ вывезти его вместе с женой и сыном в США. Настоятельно просил разработать операцию по вывозу как можно скорее, а также сообщить ему, что он должен предпринять для её осуществления.

Идя навстречу требованиям «Сфиэ», ЦРУ снабдило его ядом. На очередной явке Гюльшнер передал ему авторучку «Ленинград», в которую была вмонтирована капсула с ядом моментального действия.

Со слов Барри Ройдена, бывшего сотрудника Оперативного директората ЦРУ, доводы Толкачёва в пользу передачи ему *«средства для самоубийства»* вызвали у его кураторов восторг и умиление. *«Невероятно,* - отмечалось в аналитической записке ЦРУ, - *но «Сфиэ», в случае провала, не только заботился о личной судьбе, но и особо подчеркнул важность того, чтобы советские органы госбезопасности не смогли установить, что именно он передал нам, и этим самым затруднить их усилия по оценке и восстановлению нанесённого им ущерба».*

Однако среди высших чинов Лэнгли нашлись и такие офицеры, которые скептически оценили жест агента и смотрели на него, как на австралийского аборигена, который, неведомо зачем, просит научить его играть на арфе...

На наш взгляд, все рассуждения Барри Ройдена и иже с ним о каком-

то категорическом запрете адмирала Тернера выдавать яд Толкачёву - не более, чем святочная сказочка для не посвящённых в закулисье американской разведки. Последующие - в 1985-1991 годах - задержания и допросы шпионов, «таскавших каштаны из огня» в пользу США, подтвердили правоту аналитиков КГБ, что всем своим агентам - советским гражданам ЦРУ в обязательном порядке вручало ампулы с моментально действующим ядом. Делалось это вовсе не из гуманных побуждений. Руководство Управления заботилось не об облегчении участи провалившихся наймитов во время их пребывания в «лубянских застенках». Отнюдь! ЦРУ беспокоили *последствия разоблачена и безопасность работавших со шпионами американских операторов.* В Лэнгаи пеклись лишь о том, чтобы достоянием Комитета госбезопасности не стали сведения о методах работы с агентами, о способах их зашифровки, объёме выплат, способах поддержания связи, ухищрениях и т. д. и т. п., о которых на допросах мог бы поведать провалившийся «крот».

Дуэль «радиовыстрелами» без секундантов

В сентябре 1980 года штаб-квартира ЦРУ предложила для использования (как возможную для связи с Толкачёвым в случае угрозы его разоблачения) систему под названием *«Коротковолновая связь с агентом» (Shot-Range Agent Communication, SRAC).* Толкачёв мог её применить в двух случаях: если бы ему понадобилось срочно вызвать оператора на встречу или обменяться с ним срочной информацией, без выхода на личный контакт. По мнению технарей ЦРУ, эта система не имела аналогов в мировой практике шпионажа. Она состояла из двух одинаковых устройств - одно для оператора, другое для агента. Каждое устройство было размером в две пачки сигарет, сложенных в длину. К нему прилагались антенна, доска с клавиатурой на русском и английском языках, комплект батарей питания, зарядное устройство и инструкция.

Перед сеансом передачи агент и оператор вводили свои сообщения, печатая текст на клавиатуре. Во время ввода текст автоматически зашифровывался. Устройство могло передать сообщение, состоящее из несколько тысяч знаков. При отсутствии значительных механических преград дальность его действия составляла несколько сотен метров. Устройство было запрограммировано на передачу сообщений выбросом текста в эфир в течение нескольких секунд, так называемым *«радиовыстрелом».* При поступлении текст автоматически проходил через дешифратор, и его можно было читать на экране, вмонтированном в устройство.

При использовании этого способа связи необходимо было выполнить ряд сложных действий. Перед тем как провести сеанс, Толкачёв должен был выставить сигнал мелом в определённом месте в назначенное время (обычно раз в месяц) на той улице, которой его оператор имел обыкновение пользоваться. После постановки агентом сигнала до осуществления радиосеанса необходимо было провести ещё ряд процедур. Так, агент и его оператор должны были выйти на заранее

оговорённые места в обусловленное время. Места должны были располагаться в ограниченном для приёма-передачи сообщений радиусе. При этом визуальный контакт между агентом и оператором исключался. Расстояние и время для *«радиовыстрела»* были запрограммированы в устройствах. Каждый раз при получении сообщения или отсутствии такового Толкачёв должен был подать сигнал, поставив свою автомашину в обусловленном месте мотором в определённом направлении. Такие же действия были предусмотрены и для оператора.

Письменная инструкция по применению этой системы была передана Толкачёву на встрече в октябре 1980 года. Он ответил согласием 14 декабря 1980 года, а уже в марте 1981 года ему было передано устройство вместе с инструкцией и оперативным планом. Для успешного применения этого способа связи требовалось устранить ряд неполадок, возникших в системе. До их исправления было решено других явок с Толкачёвым не проводить. Следующая явка, на которой он вернул устройство, заявив, что оно не работает, состоялась лишь в ноябре 1981 года. Позднее устройство отремонтировали и передали ему вновь. В марте 1982 года агент выставил сигнал о подготовке радиосеанса. Успешный обмен сообщениями был проведён 13 марта. Спустя три дня после очередной встречи Толкачёв, используя радиосвязь, вызвал оператора на экстренную встречу. Он хотел передать свои критические замечания по поводу пропуска в институт, изготовленного для него Отделом технического обеспечения ЦРУ.

Система коротковолновой мгновенной радиосвязи не являлась единственной, использовавшейся в операции «Толкачёв - ЦРУ». В ноябре 1981 года агенту для осуществления односторонней радиосвязи *«от базы к агенту»* (Interim-One-Way Link, IOWL) был передан бытовой коротковолновый радиоприёмник и два одноразовых дешифровальных блокнота с инструкциями. Ему также был передан демодулятор, который на время приёма сообщения присоединялся к приёмнику. Толкачёв должен был настроить приёмник на определённую волну в назначенный день и час и подключить демодулятор, чтобы зафиксировать передаваемое сообщение. Передача длилась 10 минут и состояла из реального сообщения и ложного. После сеанса агент пропускал сообщения через демодулятор и на встроенном экране определял ложное и реальное. Первые три цифры указывали, где расположено реальное сообщение. Оно состояло из пятизначных цифровых групп и декодировалось с использованием одноразового дешифровального блокнота. Используя этот вид связи, Толкачёву мотай передать сообщение, состоящее из 400 пятизначных цифровых групп.

Толкачёв попытался было использовать предложенную радиосвязь, но позднее проинформировал своего оператора, что не может незаметно от семьи настраивать приёмник на нужные частоты в вечернее время. Он также сказал, что не имеет возможности использовать радиоприёмник и в более позднее время, поскольку ложится спать раньше жены и сына.

В результате сеансы радиосвязи были перенесены на утренние часы в

рабочие дни недели, когда Толкачёв мог уйти с работы под благовидным предлогом. Но использованию радиосвязи помешало введение в институте новых правил безопасности, согласно которым требовалось письменное разрешение для выхода из института в рабочее время. В декабре 1982 года Толкачёв вернул оперативному сотруднику всё оборудование, расписание радиосеансов, инструкции и шифрблокнот. В дальнейшем было решено отказаться от этого способа связи для экстренных встреч.

«Высокоэффективные оперативные средства и большое везение, - как говорилось в меморандумах и аналитических справках ЦРУ, - *позволяли проводить не зафиксированные КГБ личные встречи с Толкачёвым. Более 10 встреч были проведены с октября 1980 по ноябрь 1983 г. Несколько явок пришлось отменить из-за усиленного наружного наблюдения за сотрудниками ЦРУ. Однако большинство проводилось в соответствии с нашим планом».*

Способы связи с Толкачёвым приходилось время от времени корректировать. К примеру, в ноябре 1983 года он попросил не звонить ему по телефону домой для вызова на экстренные встречи, потому что телефонный аппарат перенесли в комнату сына и он всегда отвечал на звонки.

Дума об Олеге

Важным фактором в отношениях Толкачёва с американской разведкой было его стремление удовлетворять желания своего сына Олега. Ему, к примеру, нравилась западная музыка, особенно rock-n-roll. На последней встрече с Гюльшнером в октябре 1980 года Толкачёв передал в ЦРУ сообщение, в котором попросил приобрести для сына записи этой музыки и стереооборудование западного производства. Кроме того, он спрашивал, как ему добиться устойчивого прослушивания передач западных радиостанций, которые часто глушились.

На мартовской явке 1981 года Толкачёву были переданы семь магнитофонных кассет с записями звёзд рок-н-ролла. При этом оператор выразил озабоченность (свою и кураторов из Лэнгли), стоит ли из-за каких-то записей подвергать себя риску. Ведь у соседей и друзей сына могут возникнуть вопросы, на которые Толкачёву будет трудно найти ответы. Да и вообще, как вы объясните сыну, откуда взялись записи? На что Толкачёв ответил, что такие записи можно свободно приобрести на московском «чёрном рынке», но он не хочет обременять себя заботами о перезаписи. Он также попросил купить для сына стереонаушники, несколько пластинок модных английских и американских исполнителей, приложив к ним тексты песен на английском языке. Кроме того, он просил переслать ему тексты песен, которые были записаны на ранее переданных семи кассетах.

На явке в марте 1982 года Толкачёв, принеся тысячу извинений, попросил для сына плеер и набор карандашей для черчения разной твёрдости. Для себя он просил импортные бритвенные лезвия. Написал,

что бриться отечественными лезвиями для него неприятная процедура. Он извинялся: *«К несчастью, наша личная жизнь состоит также из разнообразных малых вещей, которые временами оказывают влияние на общее настроение в жизни».*

В феврале 1983 года Толкачёв сделал заказ на различные чертёжные материалы для сына, в том числе специальные чертёжные ручки, чернила, перья и ластики. В апреле 1983 года он заказал для Олега несколько западных книг по архитектуре. Для себя - «Майн Кампф» Гитлера и копию Библии на русском языке, периодические публикации РУМО (военная разведка США) «Советская военная мощь», мемуары Голды Мейер и книги Солженицына. Кроме того, он просил приобрести биографии известных мировых деятелей и подборку романов западных авторов.

Просьбы агента, разумеется, были исполнены, но с соблюдением необходимых мер конспирации, не допускавших расшифровку страны пребывания его работодателей. Так, перед сотрудниками ЦРУ, находившимися в окопах «холодной войны» в странах народной демократии Восточной Европы, была поставлена задача приобретать чертёжные принадлежности и лезвия местного производства и пересылать их в московскую резидентуру. Оттуда они в течение нескольких лет попадали в семью Толкачёвых…

ЦРУ расплачивается царскими червонцами

В декабре 1980 года из-за меркантильности Толкачёва его денежное вознаграждение вновь стало предметом переговоров между ним и ЦРУ. Агент потребовал, чтобы 8,75 % дохода от депонированной суммы выдавалось ему в рублях в конце каждого года сотрудничества. Несмотря на очевидную угрозу его безопасности, это требование было удовлетворено, и в ноябре 1981 года Толкачёву была передана сумма в рублях, эквивалентная 40 000 долларов. Он, однако, возмутился и потребовал, чтобы расчёт в рублях проводился не по официальному, а по курсу «чёрного рынка». Таким образом, теряющей стороной становились американцы, а не он. Оно и понятно: или получать «зарплату» из расчёта 62 копейки за «бакс», или аж 4 рубля за него, любимого. Как говорится, почувствуйте разницу!

Высокопоставленные чины Лэнгаи, имевшие отношение к операции «ЦРУ - Толкачёв», сошлись во мнении, что продаваемая им информация стоит требуемых денег, так как *«агент стоит столько, во сколько обходится»,* и согласились удовлетворять его прихоти со следующего года. Однако у Директора ЦРУ и Хэтгавэя возникли серьёзные опасения по поводу передачи Толкачёву крупных сумм наличности. По их мнению, если агент или члены его семьи начнут тратить непомерные суммы, неизвестно откуда взявшихся денег, то это приведёт к его расшифровке. ЦРУ, исходя из соображений безопасности агента, срочно приняло решение вместо советских дензнаков вручать ему ювелирные изделия с бриллиантами и золотые монеты царской чеканки.

Вопрос обсуждался путём обмена письменными сообщениями.

Толкачёв согласился получить часть заработанных им денег *«очень хорошо сделанными русскими драгоценностями конца XIX - начала XX века».* Отметил, что их наличие, в случае необходимости, он может объяснить полученным от матери наследством. ЦРУ, идя на поводу капризов «Сфиэ», предприняло титанические усилия, чтобы отыскать антикварные магазины в Лондоне, Риме, Париже, Мюнхене, Нью-Йорке, Вашингтоне и Хельсинки, где можно было приобрести указанные предметы. Дело оказалось архитрудным, но многое всё-таки удалось найти и передать Толкачёву…

В декабре 1982 года Толкачёв вновь поставил перед своими работодателями вопрос о вознаграждении, но уже по иному поводу. Он сообщил, что намерен создать *«относительно большой резерв денег на случай непредвиденных обстоятельств». «Если,* - писал он, - *несмотря на все меры предосторожности, случится «полный провал», то никакие деньги мне уже не помогут. Если же случится «частичный провал» - коллеги застигнут меня за пересъёмкой документов или выносом их из института - я смогу за взятку закрыть им рот».*

Штаб-квартира ЦРУ не согласилась с его доводами, и, в конце концов, идея Толкачёва о взятке была бесповоротно отвергнута. А чтобы как-то оправдать перед женой наличие у него больших сумм денег, ему предложили сказать ей, что в начале 1980 года он получил наследство от матери в размере 130 тысяч рублей…

Бегите, Толкачёв, бегите!

Впервые вопрос о нелегальном выводе Толкачёва и его семьи из СССР, в случае возникновения угрозы ареста, обсуждался с ним Джоном Гюльшнером на явке в декабре 1979 года. Агент взял тайм-аут на размышление и в феврале 1980 года ответил, что ему никогда в голову не приходила идея покинуть Союз, но если ЦРУ берётся осуществить это предприятие, то он с удовольствием рассмотрит это предложение. Предупредил, что коль скоро его жена и сын не осведомлены о его *«разведывательной работе»,* то вопрос о выезде в США он просит отложить до тех пор, пока на семейном совете не будет принято окончательное решение.

Со слов одного из операторов Толкачёва, мысль о выезде из СССР всецело овладела им. На явках он периодически устраивал оператору настоящее «промывание мозгов», предлагая множество неосуществимых проектов. При этом Толкачёв якобы не уставал произносить одну и ту же строчку из песни Владимира Высоцкого: *«Париж открыт, но мне туда не надо!»* А однажды он, опять же дискутируя с самим собой, дофантазировался до того, что специально построенный ЦРУ лёгкий самолёт должен приземлиться где-нибудь в сельской местности, чтобы там забрать всю его семью.

Начав обсуждение деталей им же предложенного варианта с самолётом, он вдруг от него отказался. Как выяснилось, он вспомнил, что его жена имеет избыточный вес (150 кг), поэтому лёгкий самолёт будет

не в состоянии переместить их всех через границу…

Тем не менее план вывода Толкачёва из СССР стал мало-помалу претворяться в жизнь. Так, перед сотрудниками ЦРУ в Москве была поставлена задача разработать примерный сценарий побега. А в штаб-квартире ЦРУ занялись изготовлением контейнеров, в которых агент и его семья могли быть нелегально вывезены из страны.

Вопрос о выводе из Союза Толкачёв вновь поднял в январе 1983 года, когда в «Фазотроне» опять ужесточился режим секретности и агенту взбрело в голову, что КГБ рассматривает его в качестве источника утечки секретной информации из института. Резидентура немедленно предложила Толкачёву выехать с семьёй в Ленинград, откуда их нелегально переправят в Финляндию в специально оборудованном автомобиле. Второй вариант предусматривал перемещение семьи из Москвы куда-нибудь в безопасное место, а затем вывоз из СССР самолётом или другим, специально для этого подготовленным транспортным средством.

Варианты плана нелегального вывода Толкачёва из Союза обсуждались с ним на нескольких явках. На встрече, состоявшейся в марте 1983 года, Толкачёву было предложено представить либо детальный план, либо дать свои предложения, которые помогли бы избежать непредвиденных обстоятельств. Свои соображения Толкачёв должен был доложить оператору на очередной встрече в апреле, что помогло бы отработать в деталях окончательный вариант его вывода за пределы страны. Очередная встреча состоялась, как и планировалось, в апреле 1983 года. Но агент отказался принять конверт с описанием альтернативных вариантов плана, заявив, что *«в силу сегодняшней семейной ситуации не хочет в настоящее время рассматривать вопрос о выезде».*

В письменном сообщении в ЦРУ Толкачёв дал подробное пояснение своему отказу покидать СССР. С его слов, несколько знакомых их семьи выехали в Израиль. Позднее они оказались в Америке. Одна из выехавших женщин в письмах жаловалась его жене, что она много потеряла, оставив Москву. Жена, комментируя её слова, якобы заявила, что никогда не покинет родину, потому что будет страдать *«от сильной ностальгии».* Аналогичную реакцию якобы высказал и сын Толкачёва, который заявил: *«Было бы неплохо попутешествовать по западным странам два или три года, но не более того».* При этом Толкачёв подчеркнул, что сын никогда не покинет Советский Союз в поисках лучшей жизни потому, что его друзья останутся здесь. В заключение Толкачёв написал: *«С учётом сложившейся ситуации я не могу думать о выезде, поскольку никогда не покину семью».* Несмотря на всё вышеизложенное, он, как бы это не показалось странным, передал в ЦРУ свои собственные варианты по реализации плана выезда из страны. В ЦРУ это восприняли как сигнал продолжать работу по подготовке вывода семьи за пределы СССР, разумеется, при условии, что в будущем настроения всех членов изменятся в благоприятном для Лэнгли направлении…

Для шпиона нет плохой погоды!

К середине 1980 года операция «ЦРУ - Толкачёв» обрела оптимальный рабочий ритм. В обеденный перерыв агент забирал документы домой и там их фотографировал. Главным фактором, ограничивавшим его работу дома, была погода.

Зимой «Сфиэ» мог выносить большое количество документов, пряча их под верхней одеждой. А летом, что естественно, прятать бумаги было некуда.

Тем временем в штаб-квартире ЦРУ продолжалась работа над созданием поддельного пропуска для Толкачёва, который он мог бы использовать для получения документов в обход правил режима секретности. В октябре 1980 года штаб-квартира ЦРУ сообщила ему о готовности Отдела технического обеспечения изготовить подделку в ноябре. Сразу же Толкачёв передал в ЦРУ подписанную разрешительную карту для получения документов из библиотеки института. Попросил, чтобы технические специалисты изготовили её дубликат. Настоящую карту, с указанием в ней большого количества материалов, которые он брал на дом для фотографирования, он намеревался заменить дубликатом. Делалось это для того, чтобы ввести в заблуждение сотрудников КГБ, обслуживавших НИИ «Фазотрон», относительно документов, которые он получал в библиотеке для снятия с них фотокопий. Пройди гладко замена Толкачёвым настоящей карты на дубликат, в котором не будут значиться использованные им документы, он в случае проверки будет вне подозрений.

Отделу технического обеспечения было дано задание подготовить дубликат карты и фальшивый пропуск в институт. В начале 1981 года они были переданы Толкачёву. В марте ему удалось заменить настоящую карту дубликатом. А фальшивый пропуск в институт он вернул оператору, заявив, что цвет обложки не соответствует реальному. Но в институте в это время вновь сменились правила режима, и Толкачёв смог выносить документы домой, не сдавая пропуск в библиотеку под документы.

В ноябре 1981 года «Сфиэ» сообщил, что пропуск снова надо оставлять в библиотеке, когда берёшь документы. К этому времени ОТО изготовил новый пропуск в институт, который со всеми другими материалами был передан Толкачёву во время личной встречи. Однако уже в следующем месяце он вызвал оператора на внеочередную встречу, чтобы вернуть подделку - цвет опять отличался от реального. Сказал, что в январе и феврале он будет находиться в отпуске, пропуск ему не понадобится, поэтому он может его отдать в качестве образца для изготовления дубликата. Толкачёв также предупредил оператора: если проблема с пропуском не будет решена, то продуктивность его работы значительно снизится. Оператор объяснил агенту, что, по не зависящим от него причинам, следующая встреча может не состояться, поэтому нет гарантии, что ему удастся вернуть пропуск вовремя. При этом он заверил агента, что снижение его активности ничто по сравнению с угрозой разоблачения, которая может возникнуть, если пропуск не будет

возвращён своевременно. Пожав друг другу руки, на том и расстались.

* * *

Несмотря на ужесточение режима секретности в институте и трудности с изготовлением точной копии пропуска, Толкачёв продолжал усердно добывать разведывательную информацию, хотя и в меньших объёмах. В декабре 1981 года он передал несколько 35-мм кассет. В феврале 1982 года - более 10 кассет. На вопрос, как ему удаётся при таком строгом режиме секретности получать столь много информации, ответил, что прибегает к различным ухищрениям, которые полностью объяснить трудно. Иногда, например, оставив свой пропуск в залог под документы, забирал его из библиотеки, не сдавая документы при уходе домой на обед. Объяснял охране, что документы *«находятся у его начальника, который работает с ними».* Документы же были при нём, он приносил их домой и фотографировал. Когда оператор пожурил его, заметив, что это опасно, агент ответил: «А что, вообще-то, не опасно?»

В марте 1982 года Толкачёв вызвал оператора на незапланированную встречу для дополнительного обсуждения вопроса о фальшивом пропуске, который всё ещё был на изготовлении в ОТО ЦРУ. Он передал клочок бумаги, который оторвал от обложки пропуска, чтобы можно было точнее определить его цвет. Таким образом, с ноября 1981 по май 1982 года по инициативе агента было проведено несколько личных встреч для решения вопроса о пропуске.

На майской явке 1982 года оператор, не вдаваясь в подробности, сообщил Толкачёву, что ЦРУ, исходя из требований его безопасности, приняло решение прекратить с ним контакты на некоторое время. На самом же деле речь шла о безопасности самого оператора, так как с некоторых пор повседневное наружное наблюдение за ним было значительно усилено. Дело дошло до того, что во второй половине 1982 года он был вынужден отменить несколько плановых встреч с «Сфиэ». В декабре 1982 года для восстановления личных контактов с Толкачёвым резидентура впервые применила метод «Джек в коробке».

На декабрьской встрече агент сообщил, что использовать изготовленный в ЦРУ пропуск удалось только один раз. И всё из-за того, что цвет пропуска опять был изменён и, таким образом, сделанная в ЦРУ подделка оказалась бесполезной. Кроме того, Толкачёв, как и его коллеги по институту, должен теперь получать письменное разрешение на выход из института в рабочее время, за исключением выхода на обеденный перерыв.

Таким образом, он не сможет бывать дома в утренние часы - время сеанса коротковолновой связи. Несмотря на трудности, которые имели место прежде, «Сфиэ» попросил передать ему фотокамеру для пересъёмки документов на работе. Однако в штаб-квартире ЦРУ придерживались другого мнения. Там предположили, что советской контрразведке стало известно об утечке в США секретной информации из проектов, над которыми работал Толкачёв. Поэтому резидентуре было

рекомендовано прервать связь с ним на 6 месяцев. Однако всё то время, что он будет находиться вне связи, зарплата ему будет выплачиваться, не говоря уж о тех 8,75 % с его депонента…

На встречах с Толкачёвым в феврале и марте 1983 года обсуждались поиски наиболее эффективных путей получения разведывательной информации в обстановке усиления режима секретности в институте. На мартовской встрече агент передал кусок картона, оторванный от обложки нового пропуска в институт, и его фото, с тем чтобы Отдел технического обеспечения использовал их для изготовления поддельного пропуска. Он также сообщил, что ему удалось пронести в институт 35-мм фотокамеру и три дня кряду незаметно для окружающих фотографировать документы за своим рабочим столом. Своё сообщение подкрепил двадцатью экспонированными 35-мм кассетами…

Учитывая стремление агента быть по-прежнему результативным и, несмотря ни на что, продолжить фотосъёмку секретных документов на рабочем месте, в ЦРУ приняли решение снабдить его в мае модернизированной фотокамерой третьего поколения, закамуфлированной под брелок для ключей. Одновременно в целях его безопасности руководство ЦРУ обязало резидентуру запретить Толкачёву вынос документов из института для пересъёмки.

Глава 4. «Красная селёдка»

Шпион у шпиона тайну украл

В марте 1981 года по инициативе Гарднера Гаса Хэтгавэя в Москву в порядке эксперимента над проектом под кодовым названием «Чистая лазейка» прибыл молодой офицер, разведчик «глубокого прикрытия» (наши контрразведчики и сыщики наружного наблюдения называли таких разведчиков «подснежниками» или «тихобздуями»).

Его появление имело предысторию. Депо в том, что Хэттавэй, возглавив московскую резидентуру, обратил внимание, что его разведчики практически лишены возможности покидать здание посольства незамеченными. Всякий раз за ними увязывалась «наружка». В то же время несколько человек, так называемые «чистые» дипломаты, занимавшие невысокие посты в посольстве, могли беспрепятственно передвигаться, Куда им вздумается.

Одной из причин, почему КГБ всегда знал, за кем следить, а кого можно оставить без присмотра, заключалась в том, что разведчики всегда работали только в помещениях, предназначенных для ЦРУ. Кроме того, будучи в почтенном возрасте - от 40 до 45 лет, - они уже успевали побывать в других странах, то есть «засветиться».

Как правило, советская контрразведка задолго до приезда того или иного церэушника в Москву уже располагала на него исчерпывающей информацией.

Идея Хэттавэя состояла в том, что новичка-церэушника, никогда

ранее не работавшего за границей по линии разведки, вычислить намного сложнее. Особенно если он будет молод - 30-35 лет - и не будет не только участвовать в повседневных «играх» своих коллег, но и посещать помещений резидентуры, а весь рабочий день будет заниматься чисто посольскими делами.

На «тропу войны» разведчики «глубокого прикрытия» должны выходить только в решающий момент, и то лишь если имеется абсолютная гарантия, что они не «засветятся».

Разведчикам «глубокого прикрытия» вменяется в обязанность молниеносно появиться в нужном месте в нужное время и так же молниеносно исчезнуть. Они обязаны действовать, как призраки. Вместе с тем результаты их действий всегда должны быть не только материальны, но и весьма осязаемы.

Об их принадлежности к разведке осведомлены только в штаб-квартире ЦРУ, резидент и посол США в Москве. Использовать такого «подснежника» можно лишь в случае крайней необходимости - когда шефу резидентуры понадобится, чтобы кто-то из его офицеров покинул посольство, не увлекая за собой «хвост».

Проект Хэттавэя «Чистая лазейка» был успешно апробирован, и на смену первопроходцу решено было послать следующего молодого офицера - Эдварда Ли Говарда. Он полностью удовлетворял всем требованиям, предъявляемым к кандидатам на эту должность. Ко всему прочему, жена Эдварда Мэри Говард прошла 6-недельный курс разведывательной подготовки на «Ферме» - в знаменитой разведшколе в Кэмп-Пири, учебном центре ЦРУ в штате Вирджиния, и работала секретарём начальника Оперативного департамента ЦРУ.

Так как трудно было прогнозировать, с какими чрезвычайными обстоятельствами Говарду придётся столкнуться в Москве, он был тщательно проинформирован не только обо всех наиболее важных операциях, проводимых американской резидентурой ЦРУ в Москве, но и о наиболее оберегаемых источниках, в числе которых фигурировал и Адольф Толкачёв.

Однако в московские окопы «холодной войны» Говард так и не попал, поскольку в апреле 1983 года рутинный тест на полиграфе показал, что он лгал относительно употребления в прошлом психотропных препаратов и чрезмерного увлечения алкоголем. Его отвели от поездки в СССР и в мае уволили из ЦРУ без объяснения причин.

У него начались запои, по ночам он стал донимать бывших коллег телефонными звонками, выражая им своё неудовольствие и критику в адрес руководства Лэнгли за то, что оно разрушило его мечту стать национальным героем, а другим он себя и не мыслил, верой и правдой служа ЦРУ…

В августе 1983 года в советское консульство поступило заявление от Говарда о выдаче ему туристической визы для поездки в СССР. В конверт он вложил письмо с просьбой о встрече с представителем КГБ для

передачи информации, которая может представлять интерес для советской стороны. Местом встречи он предложил здание Капитолия в Вашингтоне - довольно смелый шаг, учитывая предполагаемый характер встречи, но не такой уж и безрассудный, если иметь в виду, что контрразведчики из местного отделения ФБР вряд ли заподозрят, что предусмотрительный и осторожный сотрудник КГБ предпочтёт для встреч со своим агентом эту кишащую людьми туристическую Мекку.

Однако руководство вашингтонской резидентуры КГБ, опасаясь попасть в ловушку ФБР, приняло решение не рисковать и на встречу не выходить. Тем более, что был период обострения пропагандистской войны между США и СССР, и раскрытие американской контрразведкой вербовочной акции русских в священном для всех граждан США месте - здании Конгресса - вызвало бы в стране вал протеста и негодования.

Год спустя после первой попытки Говарда установить контакт с КГБ Центр пересмотрел решение вашингтонской резидентуры и дал «добро» на встречу.

Выяснилось, что сделать это непросто. В феврале 1984 года, во время ссоры в баре, Говард выхватил пистолет и выстрелил в потолок. Суд признал его виновным. В прошлом судимостей он не имел, поэтому его освободили под подписку о невыезде, ограничившись пятилетним условным наказанием и назначением принудительного лечения в психиатрической клинике. Во всём случившемся, как и в своих психических расстройствах, бедняга по-прежнему винил только ЦРУ.

Вместе с любимой женой Мэри и малолетним сыном Эдвард переехал в местечко Эль-Дорадо близ Санта-Фе, столицы штата Нью-Мексико, нашёл там подходящую работу - устроился экономистом в законодательном собрании штата, но так и не смог побороть в себе обиду на Управление. Ведь работа в ЦРУ представлялась ему полной приключений и блеска, а он со временем непременно должен был стать героем Америки…

Когда сотрудники резидентуры нашли новый адрес Говарда и напомнили ему о его письме, он с энтузиазмом отреагировал на предложение о сотрудничестве. Ему было предложено выехать в Вену для встречи с человеком, который, возможно, станет его оператором.

Через три месяца Говард, нарушив подписку о невыезде, приобрёл недельный тур и вылетел в Европу якобы для закрепления реабилитационного курса.

…21 сентября 1984 года, прибыв в Вену, Говард переступил порог советского консульства и встретился с указанным ему человеком. С первой минуты общения он выразил готовность поделиться известной ему информацией о деятельности московской резидентуры ЦРУ, действовавшей под прикрытием посольства США. Вместе с тем Говард не был бы американцем, если бы за оказание необычной услуги не потребовал денег, - он готов был довольствоваться ничтожными 150 тысячами долларов.

Сделка состоялась.

Говард стал обладателем требуемой суммы, а Комитет госбезопасности - информации особой важности.

Кроме прочих сведений Говард представил данные о Толкачёве и о совершенно секретном проекте «Чистая лазейка», который к тому времени перестал быть проектом, превратившись в полновесную секретную операцию, регулярно проводимую резидентурой ЦРУ в Москве.

Получив требуемую сумму, Говард поместил деньги на секретный счёт в швейцарском банке и уже 23 сентября в компании любимой жены шумно праздновал акт возмездия над ненавистным Управлением у себя дома в Эль-Дорадо.

Говард полагал, что сделка носила единовременный характер, но в КГБ считали по-другому. И хотя контракт не был оформлен письменным договором о взаимных обязательствах, Комитет не собирался в дальнейшем отказываться от услуг добровольного рекрута, постоянно держа его в поле зрения.

В скором времени у Говарда появится возможность в этом убедиться…

Хождение Говарда по мукам

1 августа 1985 года в двенадцатом часу дня Гарднер Гас Хэттавэй, по возвращении из СССР ставший главой контрразведывательного подразделения в Лэнти, получил срочную телеграмму из резидентуры ЦРУ в Италии. В то утро в американское посольство в Риме явился полковник Юрченко Виталий Сергеевич и объявил о своём желании работать на Соединенные Штаты.

Хэттавэй полистал свой рабочий блокнот и удовлетворённо хмыкнул - послужной список перебежчика впечатлял. До 1975 года он служил в Третьем управлении КГБ (военная контрразведка), а уже в 1980 году полковник Юрченко, перейдя в Первое главное управление (ЛГУ - внешняя разведка) исполнял обязанности офицера безопасности советского посольства в Вашингтоне. Вернувшись по окончании командировки в Москву, он получил должность заместителя начальника 5-го отдела управления «К» (внешняя контрразведка) 111 У, который курировал деятельность советских зарубежных организаций и работающих в них граждан СССР.

Во время совместной работы в Вашингтоне между Юрченко и резидентом Дмитрием Якушкиным установились дружеские отношения - логично, что по возвращении в Москву, став в 1982 году начальником 1-го (американского) отдела, Якушкин убедил руководство ПТУ назначить Юрченко его заместителем. До недавнего времени Юрченко вместе с Якушкиным намечали и реализовывали разведывательные операции на территории США и Канады. Ничего себе улов!

Таких размеров «золотая рыбка» со времён полковника Пеньковского ещё не попадала в американские сети!

В тот же день, поздно вечером, Хэттавэй получил ещё одну телеграмму из Рима. Юрченко сообщил, что шестью месяцами ранее в Вене некий американец связался с сотрудниками местной резидентуры КГБ и передал им имена нескольких советских граждан, работавших на ЦРУ. Сам Юрченко никогда не встречался с этим добровольным информатором, но знал, что тот некоторое время работал в ЦРУ и неожиданно был уволен накануне командировки в Москву.

Никогда не терявший самообладания Хэттавэй, поняв, что речь идёт об Эдварде Ли Говарде, выругался и со словами: «Этого ублюдка надо обезвредить, пока он не натворил новых бед!» - схватил телефонную трубку прямой связи с директором Управления Уильямом Кейси.

* * *

Получив сигнал в отношении Эдварда Ли Говарда лично от Директора ЦРУ, Федеральное бюро расследований занялось поиском доказательной базы для его ареста. Одновременно за домом отступника было установлено негласное наблюдение, что, впрочем, не осталось незамеченным супругами Говард, даром что экс-церэушниками. Полтора месяца спустя, не имея никаких юридических оснований для задержания подозреваемого, как и не сумев добыть никаких других доказательств вины Говарда, кроме заявлений Директора ЦРУ Уильяма Кэйси, фэбээровцы пошли напролом.

19 сентября 1985 года три сотрудника ФБР прибыли в Санта-Фе, сняли номер в отеле «Хилтон», пригласили туда Говарда и в течение восьми часов допрашивали его в надежде расколоть и вырвать признание. Тщетно, ибо окончательно озлобившийся церэушник-расстрига всё отрицал. Когда же Говард вообще отказался говорить без своего адвоката, фэбээровцы согласились отпустить его, пообещав не беспокоить до конца недели.

Поддержка фэбээровцам пришла с совершенно неожиданной стороны. 20 сентября ТАСС со ссылкой на информацию, поступившую из Комитета госбезопасности СССР, передало сообщение об аресте Адольфа Толкачёва и его признании в шпионаже в пользу Соединенных Штатов Америки.

Эдвард понял, что крест ему готов, и дело за малым: осталось принести гвозди и молоток. Не дожидаясь окрика «с вещами на выход», он сумел оторваться от фэбээровцев, следивших за домом, и вместе с женой на своём скоростном авто помчался за город. За рулём сидела Мэри. За одним из поворотов Говард катапультировался из машины, сделав это так, как если бы был в Москве и двигался на явку с агентом. Мэри тут же усадила рядом с собой куклу, заранее приготовленную мужем.

Трюк сработал, преследователей удалось обмануть, а Эдвард Ли Говард на маршрутном автобусе добрался до аэропорта в Альбукерке, где сел в самолёт, вылетавший в город Таксон, затем отбыл в Сан-Луис, а через несколько часов оказался в советском консульстве в Нью-Йорке,

откуда тайно, через Данию и Финляндию, был благополучно доставлен в Москву…

А вот как отзывался о Говарде экс-председатель КГБ СССР Владимир Крючков:

«По прибытии в Советский Союз Говард был окружён заботой и вниманием, ему был предоставлен дом в посёлке Жуковка под Москвой с круглосуточной охраной. Начался непростой период адаптации американца к условиям советской действительности.

Будучи широко образованным и интеллектуально развитым человеком, он, однако, имел крайне неустойчивую психику, был легко ранимым человеком. Настроение Говарда менялось по нескольку раз в день, причём без всякой видимой на то причины. От безудержного веселья через минуту могло не остаться и следа и он впадал в депрессию, доброжелательность и общительность легко переходили в замкнутость и даже агрессивность. В часы нервных срывов с ним могли общаться только наиболее близкие ему сотрудники КГБ.

Но такие приступы проходили сравнительно быстро, и тогда перед нами вновь представал умный и тактичный собеседник, внимательно внемлющий советам и пожеланиям, дотошно выясняющий все интересующие его вопросы.

Говард обладал широкими познаниями в экономике, неплохо разбирался в финансовых вопросах, а бизнесменом он был, вообще, от Бога.

Имея значительные денежные накопления на счетах западных банков, Говард активно играл на разнице курсов валют и никогда не оставался в проигрыше.

С его согласия несколько высокопоставленных советских специалистов банковского дела ознакомились с его методикой и приёмами извлечения дохода в игре на валютной бирже и дали им высокую оценку. Неоценимую помощь принесли и представленные им сведения о практике работы с вкладами частных лиц в банках некоторых западных стран.

Говарда с полным на то основанием можно назвать смелым человеком с развитым авантюрным началом и любовью к бесшабашному, не всегда оправданному риску.

Несмотря на привязанность к жене и сыну, Говард через некоторое время общения терял к ним интерес, испытывал потребность в смене обстановки, ему явно нужны были новые впечатления и собеседники. В погоне за сменой обстановки и насыщением новыми впечатлениями Говард объездил весь Советский Союз, побывав на Кавказе, в Сибири, на Украине и в Прибалтике.

Говард несколько раз под чужой фамилией выезжая в страны Западной Европы для решения своих личных вопросов. Всякий раз он с восхищением отмечал отменное качество изготовленных для него в Оперативно-техническом управлении КГБ СССР документов. Но полное удовлетворение и неподдельный восторг Говард испытал, когда с нашими документами посетил Соединенные Штаты.

Вернувшись в Жуковку, при встрече со своим кураторам, Говард, находясь в крайней степени возбуждения, буквально прокричал: «Я оттрахал ЦРУ, я умыл ФБР и надрал задницу его шефу Эдварду Гуверу!»

Говард, несомненно, был патриотом своей страны, любил родину, тяжело переживал разлуку с ней. Всё время пребывания в Советском Союзе мысленно возвращался к той несправедливости, которая, по его мнению, была допущена по отношению к нему. И в самом деле, его лишили заработка, расторгли договор, поломав тем самым все материальные расчёты семьи. Говард скрупулёзно подсчитал нанесённый ему ущерб и в разговорах не раз возвращался к этой теме.

Вообще Говард всегда крайне болезненно реагировал на малейшее ущемление своих прав. Поэтому за шесть лет жизни в СССР он так и не смог свыкнуться со многими проявлениями сугубо советского уклада жизни, например, со сферой обслуживания, которая возмущала его с первого дня. Он частенько устраивал разборки в магазинах, наивно пытаясь втолковать продавцам такой понятный для него, американца, принцип торговли: «клиент всегда прав».

После распада СССР Говард лишился заботливого покровительства в лице Комитета, и я не могу исключать, что однажды его могут «сдать», как это уже сделали с рядом других секретных помощников советской разведки».

…Необходимо отметить, что опасения экс-председателя КГБ ещё раньше настигли самого Эдварда Говарда. Накануне развала Советского Союза он стал добиваться разрешения на выезд в какую-нибудь спокойную цивилизованную страну. Распоряжением Бакатина он был отправлен в Венгрию, но вскоре понял, что это решение было ошибочно либо по причине излишнего оптимизма, либо из-за сознательного намерения отправителя «сдать» его американской Фемиде. Что, кстати, вполне допустимо, если учесть, скольких иностранных источников, верой и правдой много лет работавших в пользу СССР, Бакатин, этот горе-председатель, лишил денежной подпитки и обрёк на нищенское существование!

Как только Говард ступил на венгерскую землю, американская администрация предприняла серию попыток заполучить его живьём. Под непрекращающимся давлением США венгерские власти вынуждены были выслать Говарда из страны, и в декабре 1991 года он оказался в Швеции. Но и там спокойной жизни у него не случилось. В августе 1992 года он был арестован по подозрению в шпионаже. А в сентябре, когда дело было закрыто, шведские власти депортировали Говарда в Россию.

По возвращении на «малую родину», в Москву, Говард с семьёй занял просторную квартиру на Чистых прудах, в Кривоколенном переулке, 4. Известно, что в 2001 году он открыл свой бизнес, став владельцем небольшой страховой компании. Преуспевает…

«Золотая рыбка», сенсации приносящая

Юрченко на военно-транспортном самолёте доставили из Италии в

США. По распоряжению Директора ЦРУ его поселили в живописнейшем уголке Вашингтона с прудом и сосновым лесом, в комфортабельном двухэтажном особняке с прислугой. Ему было обещано, что по завершении допросов он получит в личное пользование особняк с мебелью и челядью.

Более того, Управление назначило перебежчику пожизненное жалованье в размере 70 тысяч долларов в год, разумеется, при ежегодной индексации с учётом инфляции.

После того как были в известной мере урегулированы финансовые и бытовые вопросы, Юрченко был подвергнут детальному опросу. Но не так-то прост оказался беглец! С первой же минуты он, взяв инициативу в свои руки, ошарашил церэушников огромным объёмом ценнейшей, поистине сенсационной информации.

Так, он рассказал о ходе расследования, проводимого руководством Первого Главного управления, причин предательства Олега Гордиевского, назначенного и.о. резидента в Лондоне.

Не теряя набранного ускорения, сообщил об использовании «шпионской пыли», которую сотрудники Седьмого управления КГБ (наружное наблюдение) наносили на одежду иностранных дипломатов и на обивку внутренних салонов их автомобилей (в основном - американцев) в Москве для выслеживания их контактов из числа советских граждан и иностранцев, находящихся в столице.

Поведал Юрченко и о подробностях похищения в Вене в декабре 1975 года Н. Артамонова, бывшего офицера ВМФ СССР, бежавшего в США в 1959 году и по заданию ЦРУ вступившего в контакт с КГБ весной 1966 года.

В дополнение к сведениям о Говарде Юрченко раскрыл американцам планы действий КГБ в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, например, объявления всеобщей воинской мобилизации. В частности, он рассказал о серии проведённых в 1985 году совещаний в Карлсхорсте (Восточный Берлин), в штаб-квартире представительства КГБ в ГДР, где обсуждались такие меры, как оборудование на территории Западной Европы тайников и секретных складов с оружием. В бытность свою заместителем начальника 5-го отдела управления «К» 111 У он отвечал за подготовку такого плана действий. Он был осведомлён, какая агентура привлекалась для реализации этого плана и какие разведывательные операции были для этого уже осуществлены.

Вконец устав от темпераментного беглеца, который, подобно Санта-Клаусу, вываливал из своего бездонного мешка откровения о проделках КГБ, Церэушники объявили перерыв на обед.

Оставшись наедине с Хэттавэем, Юрченко признался, что основная причина его побега заключается в том, что он потерял голову от любви к некой Валентине, жене советского дипломата, работающего в посольстве СССР в Монреале.

Последние два года их роман развивался хотя и поступательно, но

довольно неравномерно по причине их эпизодических встреч.

Однако Юрченко уверенно заявил, что между ним и Валентиной имеется договорённость, что как только он устроится в Соединенных Штатах, она тут же бросит мужа и станет его, Юрченко, женой. Для этого ему требуется лишь одно: съездить в Канаду и привезти оттуда возлюбленную.

Хэттавэй обещал, что руководство ЦРУ примет и это его условие.

* * *

Должность, которую совсем недавно занимал Юрченко, предполагала его осведомлённость не только о деталях секретных операций КГБ в США, но и, что важнее, об американцах, работающих в пользу СССР. Поэтому первый вопрос, который был задан Юрченко после обеденного перерыва, звучал так:

«Располагаете ли вы какими-либо данными, свидетельствующими о том, что в американском разведсообществе действуют советские «кроты»?

Юрченко отреагировал мгновенно, будто только и ждал этого вопроса. Рассказал, что в январе 1980 года, заступив на дежурство в вашингтонской резидентуре, принял какого-то американца с окладистой рыжей бородой по его просьбе. Незнакомец вошёл в посольство через парадное крыльцо. А чтобы сбить с толку контрразведчиков из ФБР, перед выходом из здания сбрил свою весьма примечательную бороду, переоделся в типичную для советских служащих одежду и, смешавшись с группой посольских русских, уехал на их автобусе.

«Рыжебородый» якобы настаивал на том, что работает аналитиком в АНБ. В подтверждение своих слов сообщил, что является автором той самой «Энциклопедии параметров связи», где в течение 1975-1979 годов были собраны все советские радиосигналы, которые американские станции перехвата принимали, а затем передавали в штаб-квартиру АНБ для анализа и дешифровки.

После этого «рыжебородый» перешёл к финансовой составной своего визита - попросил свести его с распорядителем кредитов резидентуры, то есть с её руководителем или его заместителем.

В заключение Юрченко заверил сотрудников ЦРУ, что дальнейшая судьба «рыжебородого» ему неизвестна, и он никогда более с ним не общался, так как им занялся заместитель резидента Виктор Черкашин.

* * *

Завершив опрос Юрченко, Церэушники вместе с контрразведчиками из ФБР составили список подозреваемых. Он состоял из 580 фамилий. Методом постепенного отсева удалось выйти на «рыжебородого доброжелателя». Им оказался сотрудник аналитического департамента АНБ Рональд Уильям Пелтон. Из архива ФБР были извлечены плёнки с записями телефонных переговоров, и он был идентифицирован как лицо,

звонившее в советское посольство 14 и 15 января 1980 года.

«Заходите к нам на огонёк!»

В 1980-е годы посольство СССР в Вашингтоне располагалось в доме № 1125 на 16-й улице, всего в трёх кварталах от Белого дома. Окна посольского особняка всегда были наглухо задраены, потому что всем служащим было известно, что сотрудники ФБР денно и нощно ведут видеонаблюдение за входом, а уж то, что посольские телефоны «находятся у штатников на прослушке», вообще было аксиомой. Дежурные дипломаты, чтобы охладить пыл шутников или провокаторов из числа звонивших в посольство, употребляли стандартную фразу: «Не лучше ли вам зайти к нам на огонёк!»

14 января 1980 года исключением не стало. В 12.32 вашингтонского времени в приёмной посольства раздался звонок:

- Я… э-э… из… словом, из федеральный правительство Соединенных Штатов, - по-русски произнёс неизвестный.

- Не лучше ли вам, члену федерального правительства, зайти к нам на огонёк? - поддержал, как ему казалось, шутку дежурный.

- О’кей, зайду завтра э-э… вечер, когда будет темно…

Но уже в 9.00 следующего дня этот человек позвонил вновь и сказал, что прибудет через минуту. Сомнения в его психическом здоровье отпали, как только он, представившись сотрудником АНБ, потребовал встречи с офицером безопасности посольства.

* * *

Тогда установить визитёра американским контрразведчикам не удалось. Позже директор ФБР Уильям Г. Уэбстер скажет: *«Мои ребята видели его со спины, когда он входил в здание, но как он вышел - осталось загадкой. Не исключаю, что его вывезли в багажнике посольского автомобиля».*

Магнитофонная запись телефонных звонков и рапорты американских контрразведчиков оказались на архивных полках, и дело застопорилось. Продолжение оно получит в августе 1985 года с появлением в США Виталия Юрченко….

«КОКОН» на стратегическом кабеле

Одной из самых секретных разведывательных программ ЦРУ начала 1970-х было использование подводных лодок. Они систематически проникали в наши территориальные воды, едва не вторгаясь в расположение военно-морских баз.

Венцом своих разведывательных изысков ЦРУ считало сверхсекретный проект «Ivy Beils» - съём информации с наших подводных кабельных линий связи. Американцы исходили из того, что мы, уверовав в неуязвимость подводных кабелей, либо будем применять простейшие шифры, либо вести переговоры открытым текстом. Для перехвата

переговоров как раз и использовались субмарины. Минусом являлось то, что они были вынуждены длительное время неподвижно стоять над кабелем. Это, конечно, грозило расшифровкой операции. Необходимо было заменить субмарины на стационарный аппарат, способный работать в автономном режиме и «сливать» накопленную информацию приходящей на «явку» подводной лодке. В итоге такой аппарат по заданию ЦРУ был создан специалистами АНБ.

Аппарат, получивший название «КОКОН», воплотил в себе последние достижения радиоэлектронных технологий и был способен «снимать» информацию с кабеля без вскрытия его внешних оболочек. «КОКОН» представлял собой сигарообразный контейнер, в хвостовой части которого располагался миниатюрный атомный реактор, служивший источником питания для бортовой радиоэлектронной системы.

С конца 1960-х ЦРУ проявляло повышенный интерес к сведениям о результатах запусков наших межконтинентальных баллистических ракет, которые поражали цели на камчатском полигоне, а также к базе атомных подводных лодок, расположенной также на Камчатке.

В августе 1972 года, действуя со специально оборудованной подводной лодки, глубоководные водолазы ВМС США установили «КОКОН» на стратегическом кабеле, проложенном по дну Охотского моря от Камчатки до главного штаба Дальневосточного военного. округа (ДВО).

В течение следующих восьми лет американские субмарины регулярно с интервалом в 6-8 недель снимали записанные кассеты и устанавливали новые, на которых регистрировались все переговоры между базой на Камчатке и военно-морским начальством во Владивостоке.

Операция прикрытия

В последней декаде апреля 1980-го, когда закончились зимние штормы в Охотском море, американские разведывательные спутники зафиксировали скопление советских судов вблизи Камчатского полуострова. Сначала в ЦРУ этому не придали значения, полагая, что речь идёт о рыболовецких судах, ведущих промысел. Но когда американская подводная лодка через неделю прибыла в этот район для замены плёнок, выяснилось, что «КОКОН» исчез!

* * *

1980 год. Командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Владимир Сидоров дал интервью, которое было опубликовано в газете «Дальневосточная правда» накануне празднования 35-й годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне. В частности, адмирал сказал:

> «21 апреля мне позвонили с Камчатки и сообщили, что из-за недисциплинированности рыбаков (район, где пролегает кабель, в навигационных картах обозначен как запретный для промысла рыбы) полуостров лишён связи с материком. Попросили прислать специалистов, чтобы найти обрыв и восстановить связь. Я дал указание перебросить в район предполагаемого обрыва кабельное судно

«Тавда». Ночью оперативный дежурный главного штаба ДВО доложил мне, что во время поиска обрыва на кабеле был обнаружен и носовым краном «Тавды» поднят огромный контейнер неизвестного предназначения. Вес контейнера - 7 тонн, длина - 5 метров. Когда опускали контейнер на палубу, заметили, что его хвостовая часть почему-то нагревается. Как выяснилось позже, нагревание происходило из-за установленного там малогабаритного ядерного реактора.

Но самое удивительное было в другом. При более тщательном обследовании обнаружили, что на металлическом корпусе контейнера выбито «Privacy of US Goverment» (Собственность правительства США). Заявляю со всей ответственностью: это - не халатность или беспечность. Это - наглость и уверенность американцев в собственной безнаказанности, а может быть, даже вызов нам, славянам!

В Магаданскую гавань судно по погодным условиям зайти не могло, поэтому контейнер доставили на камчатский военный аэродром. Там его освидетельствовали эксперты из КГБ и специалисты флота. Все пришли к выводу, что он взрывоопасен. Кто-то предложил, от греха подальше, вывезти контейнер за пределы аэродрома и взорвать. Однако после дополнительных консультаций с Центром решили не взрывать его, а отправить самолётом в Москву. Так и поступили. А контейнер на время транспортировки обложили свинцовыми пластинами, чтобы воспрепятствовать распространению радиации…»

…Через три дня публикация в «Дальневосточной правде» стала предметом обсуждения на совещании руководства Центрального разведывательного управления. Приглашённый на совещание глава АНБ вице-адмирал Бобби Рэй Инмэн категорически отрицал случайность как причину обнаружения «КОКОНА». Он заявил:

«Русские точно знали, где и что искать. Обстоятельства обнаружения «КОКОНА «рыбаками, как и интервью адмирала - суть акты одного спектакля, имя которому операция прикрытия. С её помощью КГБ шифрует истинный источник информации!»

«Рыжебородый доброжелатель»

В октябре 1979 года Пелтон не прошёл плановую аттестацию, так как рутинный тест на полиграфе показал, что он соврал, отвечая на вопрос об употреблении наркотиков. Дело, возможно, и замяли бы, - как-никак, он проработал в Агентстве 14 лет, - если бы не его натянутые отношения с непосредственным начальством. Его понизили в должности и лишили допуска к секретной информации. В результате его месячное жалованье сократилось вдвое. К Рождеству у него скопилось столько долгов, что он вынужден был объявить себя банкротом. Спустя три недели Пелтон переступил порог советского посольства в Вашингтоне и выразил готовность поделиться известной ему совершенно секретной информацией. За оказание необычной услуги Рональд просил у заместителя резидента Черкашина каких-то 35 тысяч долларов. Сделка состоялась.

«Доброжелатель» стал обладателем требуемой суммы, а КГБ СССР -

информации особой важности.

Кроме прочих сведений Рональд Пелтон представил данные о самой главной на то время тайне АНБ: как, реализуя проект «Ivy Beils», его коллегам удалось подключиться к кабелю связи, пролегающему в Охотском море между Камчаткой и Владивостоком. Более того, он назвал координаты района подключения.

Полковник Черкашин, чтобы получить дополнительную информацию по этому вопросу, сделал вид, что сомневается в достоверности информации:

> «Верится с трудом, что такое вообще возможно. Ведь речь идёт о колоссально дорогостоящей и очень рискованной операции ВМС США».

Реплика возымела действие.

Пелтон, пожав плечами, добавил, что к моменту его визита в посольство проект «Ivy Beils» перестал быть проектом, превратившись в полновесную секретную операцию, регулярно проводимую ЦРУ в советских территориальных водах, там, где есть секретные кабели.

…Операция «Ivy Beils» была серьёзным разведывательным успехом США, на осуществление которой американцы израсходовали сотни миллионов долларов, и Белый дом в будущем планировал её значительно расширить. Устранение этой угрозы безопасности СССР обошлась нам в 35 тысяч долларов, выплаченных Пелтону за предоставленные сведения…

* * *

После того как ФБР установило Пептона как лицо, посетившее 15 января 1980 года советское посольство, он был взят в активную разработку, и 24 октября 1985 года сотрудник ФБР Дейв Фолкнер допросил его в номере отеля «Аннополис-Хилтон», продемонстрировав в ходе допроса фотографию Геннадия Василенко, его оператора из вашингтонской резидентуры КГБ. Под тяжестью улик Пелтон признался, что в январе 1980 года инициативно предложил свои услуги КГБ и давал подробную информацию о деятельности и элементах безопасности АНБ в 1970-е годы.

В частности, им был передан совершенно секретный документ объёмом в 60 машинописных страниц, в котором рассматривались средства связи, считавшиеся в АНБ наиболее эффективными. Кроме того, Пелтон выдал пять систем сбора данных электронной разведки, самой ценной среди которых была операция «Ivy Beils».

* * *

Сотрудничество Пелтона с КГБ СССР было весьма плодотворным и взаимовыгодным. В 1980-1985 годы он предоставил в распоряжение Комитета ценнейшие разведывательные сведения, накопленные им за полтора десятка лет работы в Агентстве национальной безопасности.

18 июня 1986 года значение переданной Рональдом Уильямом Пелтоном информации Комитету госбезопасности сначала оценило жюри

присяжных, признав его виновным в шпионаже в пользу СССР, а затем и судья Хью Синклер, приговоривший «рыжебородого доброжелателя» к трём пожизненным срокам.

…Справедливости ради необходимо добавить, что так же, как Эдвард Ли Говард, Рональд Уильям Пелтон имел все шансы оказаться в Москве в соответствии с планом по защите добровольных помощников КГБ. Не произошло это исключительно по вине самого Пелтона. Будучи предупреждён сотрудниками вашингтонской резидентуры КГБ о возможном аресте, он проявил беспечность и в назначенное время не прибыл в обусловленное место.

Бегство из «американского рая»

В Вашингтон из Монреаля Юрченко вернулся в удручённом состоянии и вскоре впал в глубокую депрессию, из которой его не удалось вывести, даже устроив ужин с Директором ЦРУ Уильямом Кейси, что само по себе являлось признанием заслуг перебежчика.

В руководстве Управления стали размышлять, что бы такое предпринять для поднятия духа Юрченко. В итоге решили вручить ему чек (!) на миллион долларов и организовать встречу с президентом США Рональдом Рейганом.

Единовременное пособие в размере миллиона долларов - подсчитали Церэушники - обойдётся дешевле, чем пожизненное содержание Юрченко.

Кроме того, сам факт вручения миллиона долларов перебежчику может иметь далеко идущие коньюктурные и кадровые последствия - об этом обязательно станет известно потенциальным перебежчикам из числа нынешних сотрудников русских спецслужб. Да узнай они об этом - от желающих получить свой миллион отбоя не будет! Они в очереди стоять будут, и это попросту обескровит этого монстра под названием Комитет госбезопасности!..

…В субботу 2 ноября 1985 года Виталий Юрченко и молодой сотрудник ЦРУ Том Хеннен, сопровождавший беглеца для предотвращения возможных актов возмездия со стороны КГБ, отправились в Джорджтаун, фешенебельный район Вашингтона, чтобы пообедать в ресторане «Au Pied du Cochon», славившемся своей изысканной французской кухней (кстати, сегодня перед входом в ресторан висит мемориальная доска с текстом: *«Здесь 2.11.1985 г. состоялась Последняя вечеря Виталия Юрченко»).*

Покончив с десертом раньше своего телохранителя, Юрченко не спеша вытер губы крахмальной салфеткой, рассеянно оглядел полупустой зал и тихо сказал:

- Меня что-то подташнивает… Вы не будете возражать, если я выйду из зала и подожду вас на свежем воздухе?

- Вы вольны в выборе места, которое вернёт вас в нормальное состояние, - ответил Хеннен.

Через несколько минут телохранитель, почуяв неладное, бросился на поиски Юрченко, но вскоре понял, что опоздал.

Не знал он другого - да и откуда, если и всё руководство Лэнгли будет в оторопи, узнав, что Юрченко, завершив свою миссию перебежчика, теперь должен сменить амплуа и выступить разоблачителем происков флагмана разведсообщества США - Центрального разведывательного управления!

Хорошая мина при плохой игре

1 августа 1985 года в вашингтонскую резидентуру на имя полковника Черкашина Виктора Ивановича, заместителя резидента по контрразведке, из Центра за подписью Крючкова поступила шифртелеграмма. В ней сообщалось, что заместитель начальника американского отдела Первого шавка полковник Юрченко, находясь в служебной командировке в Риме, исчез, и следует полагать, что он дезертировал. Остальная часть телеграммы была посвящена тому, как следует оградить нашего «суперкрота» в системе ЦРУ Олдрича Эймса от возможной опасности.

Несмотря на то что Юрченко участвовал в разработке и руководстве секретными операциями КГБ, мишенью которых являлись США и Канада, в телеграмме Крючкова говорилось, что перебежчик не входил в жёстко контролируемый круг офицеров, занимавшихся Эймсом, - лишь семь высших офицеров Комитета были осведомлены о его существовании. Однако нельзя было исключать вероятность, что в результате преступной болтовни до Юрченко докатились какие-то слухи.

«Крючков в своей телеграмме, - вспоминал Черкашин, - *дал мне указание. Во-первых, я должен был сообщить Эймсу, что КГБ, в связи с осложнившейся ситуацией, готов организовать его побег из Соединенных Штатов, если он захочет».*

Словом, Комитет готов был повторить в Вашингтоне то, что американцы провернули в Москве с Шеймовым, а англичане - с Гордиевским.

Во-вторых, Крючков потребовал выяснить, надо ли в целях прикрытия Эймса направлять в США спецподразделение КГБ «Альфа» для физического уничтожения Юрченко. То, что такая операция будет проведена без сучка и без задоринки, несмотря на усиленную охрану перебежчика мордоворотами ЦРУ и ФБР, сомнений у нашего руководства не вызывало. Было известно, что «Альфа» справится с любым заданием, сколь бы невыполнимым оно могло показаться на первый взгляд…

Для выполнения указания Черкашину предписывалось вызвать Эймса на экстренную встречу, однако тот был занят допросами перебежчика (Юрченко) и смог прибыть на явку лишь спустя четыре дня. К тому времени Эймс убедился, что ему ничего не угрожает, поэтому предложения Крючкова с ним не обсуждались.

В то время полковнику Черкашину казалось, что бегство Юрченко нанесло сильнейший удар по престижу Крючкова, загнав его, без

преувеличения, в угол и поставив вопрос о досрочной отставке.

Как выяснится позже, сложившаяся ситуация не только была заранее отрежиссирована самим Крючковым, но и полностью им контролировалась…

Генеральная репетиция кремлёвского спектакля

Несколькими неделями позже Юрченко инициативно позвонил в резидентуру.

«Он спросил меня, - вспоминал Черкашин, - *чего ему следует ожидать, если он вернётся в Москву? Я связался с Крючковым, и тот велел обещать перебежчику всё, что угодно, лишь бы заполучить его обратно».*

Юрченко не ограничился одним звонком. В ходе последующего заочного общения с Черкашиным он отшлифовывал легенду своего похищения в Риме церэушниками.

Виктор Иванович сделал вид, что принял предложенные изменником правила игры, заверив его, что руководство Комитета осознаёт всё коварство противника и что по возвращении на Родину его встретят как героя, уж не говоря о том, что всё будет прощено.

Согласно плану, в разработке которого самое деятельное участие принимал Крючков, в ходе пресс-конференции для иностранных журналистов Юрченко должен был выступить в роли разоблачителя козней американских спецслужб.

Первую публичную «исповедь блудного сына» предполагалось провести в конференц-зале посольства.

«Как только Юрченко, - вспоминал Черкашин, - *появился в посольстве, я и резидент Андросов расцеловали его, сжав в своих объятиях. Мы встретили его с геройскими почестями.*

Крючков лично одобрил подобный спектакль, отдав, впрочем, ещё одно указание: организовать «самоубийство » Юрченко, в случае если он решится на повторный побег.

Обнимая перебежчика, я сказал ему: Виталий Сергеевич, мы вынуждены приставить к вам охрану, ибо вы понимаете, что ФБР способно на всё - даже вломиться на территорию посольства - лишь бы вы вновь оказались в их руках. А вообще, начинайте готовиться к пресс-конференции...

Юрченко поблагодарил меня за заботу, хотя, и я это видел, он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что происходит!»

* * *

4 ноября 1985 года в советском посольстве в Вашингтоне в преддверии расширенной пресс-конференции для иностранных журналистов царило необыкновенное оживление. Ещё бы! Сотрудник КГБ, тремя месяцами ранее переметнувшийся к американцам, намерен вернуться в родные пенаты!

Юрченко сообщил собравшимся, что ЦРУ похитило его в Риме и три месяца накачивало наркотиками, чтобы сломить волю и добиться выдачи государственных тайн.

Как бы между прочим, походя, оратор сначала выставил на всеобщее посмешище Директора ЦРУ Уильяма Кейси, заявив, что тот вечно пьян и никогда не застёгивает ширинку.

Затем в истеричном тоне, переключаясь с английского на русский и обратно, он поимённо, одного за другим, обвинил всех своих «тюремщиков» - начальника отдела СССР и стран Восточной Европы ЦРУ Гербера, работавших с ним следователей и других высокопоставленных чиновников из разведсообщества США, имевших отношение к его делу, за исключением одного - Олдрича Эймса.

Это был явный промах, на который руководители ЦРУ, следившие за телетрансляцией, хотя и обратили внимание, но расценили по-своему. Им было известно, какое деятельное участие в судьбе перебежчика принимал их коллега, поэтому тот факт, что Юрченко не упомянул его имени в связи со скандалом, было воспринято ими как выражение общечеловеческой благодарности.

Вторую ошибку возвращенец допустил, когда сообщил присутствовавшим, что в ЦРУ его хотели представить американской общественности как изменника Родины, для этого, в частности, вынудили его подписать контракт, по которому он якобы получил 1 миллион долларов.

Гарднер Гас Хэттавэй, не сводивший глаз с экрана, услышав эту реплику, не удержался и удовлетворённо потёр руки - такая реклама Центральному разведывательному управлению дорогого стоит - потенциальные перебежчики толпой повалят из СССР!

Для вашингтонской резидентуры оставалась ещё одна, и довольно серьёзная, проблема. В соответствии с существующими правилами Госдепартамент США настоял, чтобы Юрченко один встретился с официальным американским представителем и лично подтвердил свою историю. Американцы заявили, что у них нет серьёзных причин задерживать Юрченко в Америке, но они хотят убедиться, что он возвращается в Москву добровольно.

В резидентуре хотели, чтобы эта встреча прошла в посольстве, но чиновники Госдепартамента настояли на своей штаб-квартире. Поэтому на следующий после наделавшей много шума пресс-конференции Юрченко в сопровождении дипломатического сотрудника посольства прибыл в Фогги Ботом - район центрального Вашингтона, где находится Государственный департамент Соединенных Штатов. Там он вновь подтвердил свою историю и занятую в связи с ней свою позицию.

Вообще-то, в Лэнгли были в шоке от твёрдого решения Юрченко вернуться в Советский Союз. Прикормленные ЦРУ издания развернули широкую кампанию в прессе с целью полностью скомпрометировать «дважды беглого» в глазах Москвы. В публикациях смаковались его

панибратские отношения с главами ЦРУ и ФБР, подробно живописались все выданные им секреты.

Генерал Крючков «снимает пенки»

Операция с бегством и возвращением Юрченко значительно укрепила позиции Крючкова в глазах Политбюро. Он сумел весьма ловко отчитаться о её результатах и представил членам партийного ареопага перебежчика как исполнителя его, Крючкова, гениального плана по дезинформации противника (ещё одна «красная селёдка»!).

Главный разведчик СССР по должности, он же - плавный крючкотвор Первого главного управления генерал Крючков пошёл ещё дальше.

По его настоянию и ходатайству, в августе 1986 года с десяток генералов были удостоены высшей награды СССР - ордена Ленина, ещё десятки офицеров внешней разведки получили другие знаки отличия. Причём сделано это было не в приватной обстановке, как того требовали законы ведомственных традиций, но с исключительной помпой в условиях ошеломляющей гласности.

Награждён был и Виталий Юрченко. Высшая ведомственная награда - знак «Почётный сотрудник госбезопасности» украсила его грудь.

Крючков устроил грандиозное представление, чтобы все в Кремле думали, что Первый главк отлично сработал под его началом.

Таким образом, он, нацелившись на кресло председателя КГБ СССР (которое вскоре после возвращения Юрченко занял), активно зарабатывал «очки» в глазах тогдашнего генсека Горбачёва…

* * *

Спустя девять лет история с Юрченко получила неожиданное продолжение и заставила рассмотреть все события и связанного с ними главного фигуранта под совершенно иным углом зрения.

21 февраля 1994 года около своего дома в Арлингтоне (штат Вирджиния) был арестован Олдрич Эймс, возглавлявший отдел контрразведки в управлении СССР и стран Восточного блока ЦРУ. Ему было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Советского Союза, а затем России. В ходе расследования было установлено, что Эймс пошёл на контакт с КГБ в апреле 1985 года.

По официальной версии Лэнгли, Эймс передал КГБ сведения на 12 «кротов» - сотрудников советских спецслужб, «таскавших из огня каштаны» для ЦРУ, - и более 20 иностранных агентов в Москве, работавших в пользу США. Кроме того, он сообщил более чем о 50 операциях американского разведсообщества против СССР, получив в качестве гонорара 4,6 миллиона долларов.

Чтобы отвести возможные подозрения от Эймса, в 1985 году была разработана операция прикрытия (другими словами, в американские воды была запущена «красная селёдка»), главную роль в которой предстояло сыграть Виталию Юрченко. Он исполнил свою партию блестяще!

Действительно, причиной всех своих агентурных потерь в Москве ЦРУ считало Эдварда Ли Говарда, а провал операции «Ivy Beils» списало на Рональда Пелтона. Эймс, таким образом, был выведен из-под удара. Но вот эффект от продвинутой американцам «дезы» оказался смазанным, и вот почему.

К началу добровольного сотрудничества Эймса с советской разведкой прежние, андроповские, запасники были основательно истощены, а руководство КГБ имело в своём послужном балансе отрицательное сальдо. Это - и массовый исход сотрудников Комитета в противоборствующий лагерь, и неспособность создать систему контрразведывательных мер противодействия устремлениям противника, и отсутствие новой концепции государственной безопасности, которая соответствовала бы переменам в политической и оперативной обстановке.

Всё это заставляло руководство Комитета, и в первую очередь председателя Владимира Крючкова, зарабатывать «очки» любой ценой. Поэтому он с таким рвением стал реализовывать информацию, предоставленную Эймсом. Дюжина офицеров советских спецслужб, на которых Эймс дал наводку, что они шпионят в пользу США, были арестованы и спешно расстреляны.

Трудно представить, чтобы генералу Крючкову не приходило в голову, что он подставляет Эймса. Но, прежде всего, он пёкся о себе и собственной карьере. Если бы он заботился об интересах государства, он приказал бы, выражаясь языком профессионалов, «держать их на длинной верёвке», то есть заставил бы разоблачённых Эймсом «кротов» работать против США в качестве тройных агентов. В этом случае ЦРУ никогда бы не узнало, что пострадало от внезапной измены…

Глава 5. Операция «Хоровод»

Агент ЦРУ найден. Что дальше?

Получив наводку от Говарда, наши контрразведчики осторожно выяснили, к разработке каких научных программ и проектов конструктор Толкачёв имеет непосредственный доступ, а к каким проявляет повышенный интерес, не обусловленный служебной необходимостью, заказывая спецлитературу в секретной библиотеке Всесоюзного НИИ радиопромышленности «Фазотрон».

Выяснилось, что его интерес к сведениям, составляющим военную и государственную тайны, беспределен, а доступ к ним неограниченный. Было от чего схватиться за голову - за последние пять лет через руки Толкачёва прошло множество документов под грифом «Совершенно секретно» и «Особой важности».

Значит, решили эксперты, оригинальные идеи, с которыми успел ознакомиться шпион, уже нашли достойную оценку за океаном и теперь усовершенствуются в тамошних секретных лабораториях, или же, будучи материализованы, уже работают на нашего противника.

Чёрт подери, всё, что нами достигнуто в результате неимоверных усилий и лишений, за бесценок скуплено американцами, а своими успехами в военной радиоэлектронике они обязаны нам и своему агенту!

В воображении контрразведчиков возникали картины дорогого ресторана, где за столами с крахмальными скатертями сидят богатые посетители-американцы, а на кухне не покладая рук, только и успевая смахивать пот со лба, трудятся русские повара-учёные. Между кухней и залом снуёт половой по кличке «Сфиэ», подтаскивая клиентам на блюдечке с голубой каёмочкой деликатесы согласно сделанному заказу…

Вскоре панические настроения сменились трезвым расчётом. Центр приказал: «Носа не вешать, разработать план мероприятий, нейтрализующих или сводящих до минимума нанесённый урон!»

И умные головы Комитета вспомнили об операции «Хоровод».

Операция «Хоровод»

Впервые «Красная селёдка» - операция по введению в заблуждение главного военного противника под кодовым названием «Хоровод» - была успешно запущена в мутные воды американских спецслужб в 1955 году. Да так удачно, что в итоге позволила нам опередить Соединенные Штаты в области ракетостроения и освоения космоса на целое десятилетие.

…Во время авиационного парада, проводившегося в третье воскресенье августа 1955 года, в присутствии иностранных дипломатов и военных атташе стран, с которыми мы находились в состоянии «холодной войны», над Красной площадью в течение 15-20 минут на сверхнизкой высоте, звено за звеном, пролетала армада тяжёлых бомбардировщиков нового типа. Этих самолётов оказалось гораздо больше, чем могли предполагать иностранные разведчики, действовавшие в Москве под дипломатическим прикрытием. В результате у них сложилось впечатление, что с конвейеров наших авиазаводов самолёты такого сверхмощного типа сходят десятками и сотнями, как сосиски на мясокомбинате.

В действительности одна и та же эскадрилья этих самолётов-монстров летала по кругу, через каждые три минуты вновь и вновь появляясь над головами ошеломлённых иностранцев.

Цель этого отвлекающего манёвра заключалась в том, чтобы создать видимость, будто СССР намерен увеличить мощь своих наступательных сил, бросив весь ресурс своего военно-промышленного потенциала на производство сверх-тяжёлых бомбардировщиков, то есть упор в вероятной войне мы собираемся сделать на использовании авиации. В действительности же Советский Союз ускоренными темпами строил межконтинентальные баллистические ракеты.

Обман удался.

В итоге Соединенные Штаты, несмотря на то, что в их распоряжении находилась вывезенная из послевоенной Германии технология производства ракет и её создатель Вернер фон Браун, перестали уделять

должное внимание развитию ракетостроения, а занялись разработкой новых типов самолётов, массированным выпуском и усовершенствованием средств ПВО - русские же в вероятной войне намерены наносить авиационные удары сверхмощными бомбардировщиками!

Успешно проведённая в 1955 году операция «Хоровод» имела серьёзные и далеко идущие последствия. Настолько серьёзные, что запуск Советским Союзом в октябре 1957 года первого искусственного спутника Земли привёл администрацию США и американские спецслужбы в состояние шока. Они не могли поверить, что мы способны так быстро прийти в себя после войны, и уж тем более в такой короткий срок создать столь мощную ракету-носитель. США бросились вдогонку, но время-то упущено!

* * *

Триумф операции по дезинформации главного противника стал особенно очевиден по прошествии шести лет, когда 12 апреля 1961 года в космосе первым оказался русский, а не американец!

Через неделю Аллен Даллес, глава Центрального разведывательного управления, был отправлен в отставку. И хотя формальным поводом для его устранения считалась неудачная попытка свергнуть коммунистический режим на Кубе, в американской администрации все хорошо понимали, что президент Кеннеди не может простить ему просчётов шестилетней давности и отставания в разработке космических систем…

Операция «Хоровод», проведённая Главным разведывательным управлением (военная разведка) Генштаба ВС СССР совместно с Комитетом госбезопасности, стала классикой контршпионажа и искусства дезинформации.

Игра по-крупному

Играть, так уж играть по-крупному, решили в КГБ СССР. Нанести удары нужно было одновременно в нескольких направлениях.

Прежде всего, надо было превратить Толкачёва в канал продвижения противнику внешне заманчивых, но по сути дезориентирующих или тупиковых идей. Таким образом, мы бы сумели замкнуть исследования американцев на «негодный объект», заставив их распылить материальные ресурсы и научный потенциал.

Планируя использовать «Сфиэ» в своих целях, КГБ исходил из того, что тот, за время многолетнего и безупречного обслуживания своих заокеанских хозяев, заслужил их безусловное доверие и настолько приучил их к употреблению изысканных яств - сверхценных сведений, - что они, не задумываясь, проглотят и другие, но уже приготовленные на комитетских кухнях. Почему бы и нет? Ведь глотают же больные вместо наркотических таблеток плацебо - пилюли-пустышки. Главное - чтобы пациент доверял эскулапу!

И началось.

Толкачёв, оставаясь «официантом», стал ещё и мальчиком, подающим мячи на поле, где шёл решающий матч за первенство между двумя командами: Комитетом госбезопасности СССР - с одной стороны, ЦРУ и военно-промышленным комплексом США - с другой.

* * *

Толкачёв снабдил американцев подробной информацией об электронных системах управления, используемых нашими истребителями МиГ, а также о контрмерах, применяемых ими для того, чтобы ускользать от американских самолётов и радаров.

До разоблачения «Сфиэ» ЦРУ успело аккумулировать на его счетах в американских банках более пяти миллионов долларов - ничтожная сумма по сравнению с той, что могла быть затрачена США на соответствующие исследования в области электроники. Таким образом, шпион сэкономил американским налогоплательщикам сотни миллиардов долларов!

* * *

Американцы поделились секретами, полученными от «Сфиэ», со своим основным союзником на Ближнем Востоке - Израилем - и вскоре арабы, чьи военно-воздушные силы были на 99 процентов укомплектованы советскими военными самолётами, обнаружили их уязвимость и досягаемость для средств израильской ПВО.

Измена прибыльна. Никогда ещё за всю историю Соединенным Штатам не удавалось заполучить более рентабельного агента. Прибыль, полученная США от совместного предприятия «ЦРУ - Сфиэ», составила несколько сот миллиардов долларов.

Измена убыточна. Многомиллиардные контракты на поставку советской авиатехники и средств ПВО арабским странам были сорваны…

* * *

В ходе изучения абонентских карточек секретной библиотеки КИИ «Фазотрон» контрразведчики установили, что, начиная с 1981 года, Толкачёв неизменно проявлял повышенный интерес к технологии создания нашими специалистами бомбардировщика-невидимки. Именно в это время американцы начали активно разрабатывать свой вариант летательного аппарата, который невозможно засечь радарами. Американский «Стелс» был полным аналогом нашего «Невидимки». Мы значительно опережали США в этом направлении, поэтому услуги «Сфиэ», подрядного поставщика сверхсекретных сведений, относящихся к нашему проекту, явились бы для противника подарком судьбы.

Хотите секретов самолёта-невидимки? Их есть у нас!

В течение десяти месяцев (с октября 1984 г. по июнь 1985 г.) Толкачёв исправно снабжал своих заокеанских заказчиков сведениями, состряпанными по рецепту КГБ на специальных «кухнях» - в секретных лабораториях филиалов Всесоюзного НИИ «Фазотрон» Министерства радиопромышленности СССР. На американских учёных и техников,

работавших над проектом «Стелс», вдруг обрушился шквал информации.

«Водокачка», «артезианская скважина» - вот лишь некоторые из кличек, которыми наградили в штаб-квартире ЦРУ Толкачёва, имея в виду обилие получаемых от него материалов, относящихся к новому летательному аппарату. Американским экспертам потребовался не один год, чтобы сделать заключение, что калейдоскоп данных, полученных ЦРУ от своего агента, - всего лишь искусительные миражи, уводящие от магистрального пути...

В итоге нам с помощью «Сфиэ» удалось помешать завершению работ над «Стелсом» в намеченные американцами сроки и вынудить военно-промышленный комплекс США пойти на неоправданно высокие затраты.

Другими словами, мы «выставили» противника из денег - да раскошелится похититель невесты!

Но самое главное состояло в том, что благодаря усилиям Комитета американский вариант нашего «Невидимки» представлял для нас угрозу не большую, чем дирижабль. В этом американские генералы смогли убедиться уже во время первых полётных испытаний «Стелса».

Обескураживающее открытие: «Стелс» являлся невидимкой только для американской национальной системы ПВО!

Да это же самолёт-самоубийца, а не чудо XXI века - русские собьют его при первом же вылете! Это же груда металлолома по баснословной цене (в первоначальном варианте «Стелс» весил 180 тонн, на его создание было затрачено около (!) 30 млрд долларов). И это - только на единственный экземпляр!

Как случилось, что «Стелс» оказался мертворождённым дитятей?! Объяснения просты. Не в силах заставить американцев вообще отказаться от идеи создания летательного аппарата, который невидим для радаров, мы постарались, чтобы он был заведомо уязвим для наших средств ПВО. Для этого Толкачёву в секретной библиотеке подсовывалась специально разработанная техническая документация. Остальное доделывал «человеческий фактор».

Доложенческий пыл - он интернационален и не имеет идеологической окраски. Стараясь как можно быстрее отчитаться о завершении строительства чудо-самолёта, инженеры корпорации НОРТРОП - главного подрядчика-изготовителя - зачастую бездумно, механически копировали ту самую технологию, которую им поставлял «Сфиэ», даже не подозревая, что своими же руками загоняют в боевые ангары ВВС Соединенных Штатов троянского коня.

На корректировку данных, попавших в лаборатории корпорации НОРТРОП стараниями Комитета госбезопасности, американцы затратили в общей сложности около восьми лет. Впервые «Стелс» был применён лишь в 1991 году в ходе боевых действий против Ирака, во время проведения операции «Буря в пустыне».

...Американцы любят шутить, что джентльмен - это человек, который,

увидев, как рядом стоящая женщина уронила чашку, толкает на пол и её, чтобы ей легче было поднять осколки. Похоже, в случае с созданием американцами самолёта-невидимки КГБ по отношению к ЦРУ поступил в духе этой шутки - по-джентльменски…

* * *

Как часто новое - хорошо забытое старое? Опыт 1955 года был блестяще использован Комитетом по прошествии тридцати лет, в 1985 году, когда Виталий Юрченко предложил свои услуги руководству Центрального разведывательного управления.

Он обрушил на ЦРУ вал ценнейшей информации, которая не оставляла сомнений в его искренности - сообщил о предательстве Говарда (правда, исказил дату его появления в венской резидентуре КГБ, чтобы американцы не догадались, что Толкачёв почти год работал под нашим контролем), а также «сдал» фэбээровцам изменника Пелтона!

Юрченко играл беспроигрышно, так как ему было известно, что и Говард, и Пелтон находятся под опекой КГБ, и их, случись что, ожидает тёплое убежище в СССР.

Он подтвердил догадки ЦРУ об использовании «шпионской пыли», которой обрабатывалась одежда американских дипломатов в Москве для выслеживания их контактов из числа советских граждан.

Кроме того, Юрченко подробно рассказал церэушникам о секретной лаборатории КГБ по изготовлению смертельных ядов. Ещё один секрет Полишинеля…

Никогда КГБ не заходил так далеко, сознательно выкладывая противнику свои секреты. Руководство ЦРУ не могло не поверить Юрченко, ибо никогда не получало столько достоверной информации сразу и из одного источника.

Зачем нужна была такая раскормленная «красная селёдка»?

Когда-то бывший начальник контрразведки в Лэнгли Джеймс Джезус Энгтон, страдавший манией преследования, внушил своему руководству, что ЦРУ нашпиговано «кротами» КГБ. В каждом новом перебежчике Энглтон подозревал «подставу» советских спецслужб.

В этом смысле показателен казус с Юрием Носенко, сотрудником КГБ, который в 1964 году попросил политического убежища в США и в качестве аванса выдал нашу систему прослушивания американского посольства в Москве. Однако по настоянию Энгатона, заподозрившего в Носенко «подставу» КГБ, изменник подвергся изнурительным допросам и тестированию на полиграфе. И не где-нибудь, а в заключении, где в общей сложности провёл четыре года!

С тех пор лексикон отечественных спецслужб пополнился выражением «носенский казус» или «носенский синдром», что означает перебежчик-горемыка, предатель-неудачник.

…Именно для того чтобы исключить повторение «носенского казуса»

в случае с Виталием Юрченко, Комитету и пришлось пойти на беспрецедентное оголение своих секретов. Этот спланированный стриптиз преследовал далеко идущие цели, так как на карту были поставлены приоритеты чрезвычайной важности, которые по своей ценности многократно превосходили и Говарда, и Пелтона, и «шпионскую пыль», и лаборатории по изготовлению ядов, вместе взятые. И дело не только в зашифровке нашего скрытого «участия» в создании американского самолёта-невидимки «Стелс».

«Красная селёдка», материализованная в облике Виталия Юрченко, основной своей целью имела камуфляж нашего суперагента Олдрича Эймса. Достаточно сказать, что к моменту появления Юрченко в штаб-квартире ЦРУ Эймс представил в КГБ сведения на десяток старших офицеров КГБ и ГРУ, и даже на одного генерала (дальше будет больше!), работавших в пользу США. Такой ценный источник стоил того, чтобы печься о его сохранности, не считаясь с затратами. Ведь ущерб от передачи сведений, наносящих ущерб безопасности СССР, выданными Эймсом «кротами», вообще не поддаётся какой-либо оценке, поскольку невозможно сказать, сколько стоит сама безопасность! А с помощью Олдрича Эймса нам удалось перекрыть опасные каналы утечки жизненно важной для безопасности СССР и Российской Федерации информации…

…Свидетельствует заместитель резидента КГБ в Вашингтоне Виктор Черкашин:

> «После всего случившегося ЦРУ так и осталось в неведении, был ли в действительности Юрченко самой крупной добычей, которую Управлению удалось поймать в сети за десятилетия, прошедшие со времени предательства полковника Пеньковского, или беглец являлся агентом-двойником русских? ЦРУ потратит годы, тщательно анализируя все поднятые по делу Юрченко материалы, пытаясь выяснить, насколько и в каких объёмах можно доверять полученной от него информации, а также установить, был ли он целенаправленно внедрён советской разведкой, чтобы во время неизбежных допросов собрать сведения о деятельности ЦРУ и ФБР. Было выдвинуто много версий, почему вообще советская разведка предприняла эту операцию, и не являлось ли раскрытие Юрченко некоторых сведений оперативной необходимостью для сокрытия более важной информации.
>
> Трудно сказать, как много американцев поверило в историю похищения Юрченко, но его возвращение домой подмочило репутацию ЦРУ. В американском обществе бытовало мнение: либо Управление стало жертвой операции лжи, блестяще проведённой офицером советской разведки, либо оно бездарно позволило ускользнуть одному из самых важных перебежчиков. Президент США Рейган так охарактеризовал замешательство Америки по делу Юрченко: «Я считаю, что любой американец может быть озадачен действиями человека, который мог бы жить в Соединенных Штатах, но почему-то вернулся в Россию».

Как бы там ни было, - подводит итог Черкашин, - *самый важный результат проведённой операции с Юрченко в главной роли состоял в том, что, вынудив ЦРУ и ФБР бесконечно долго выяснять причины*

случившегося с ними казуса, а также суматоха, поднятая возвращением «беглеца» в Союз, отвлекли их на продолжительное время от разоблачения Эймса и Хансена...»

* * *

Уже находясь в Москве, Юрченко и Говард через западных журналистов поддерживали на плаву «красную селёдку», продолжая вводить в заблуждение секретные службы главного противника относительно нашей осведомлённости о проблемах американцев при создании «Стелс».

Лишь спустя пять лет после первоначальной неудачи со «Стелс» американские кардиналы от контрразведки, подвергнув тщательному анализу все обстоятельства работы над проектом, пришли к заключению: *«Да, КГБ провёл ещё одну дьявольски изощрённую операцию, которой нам противопоставить НЕЧЕГО...»*

Глава 6. Перебежчик-горемыка

В 1962 году список сбежавших на Запад предателей пополнил сотрудник Второго главного управления КГБ Юрий Иванович Носенко. Правда, в отличие от других перебежчиков, ему пришлось очень долго доказывать искренность своих намерений.

Его отец Носенко Иван Исидорович, любимец Сталина, беззаветно преданный вождю министр судостроения, скончался от сердечного приступа в 1954 году, когда узнал о решении Н. Хрущёва сократить ассигнования на Военно-морской флот страны, в частности, отказаться от строительства двух авианосцев.

Юрий Носенко, как и положено отпрыску номенклатурного родителя, ни в чём не испытывал затруднений. В 1942 году он поступил в Нахимовское училище, а в 1944-м - в Военно-морскую академию. После того как он нечаянно прострелил себе левую руку, его комиссовали и уволили на гражданку. Немедля он поступает в МГИМО и после окончания института приступает к службе в ГРУ, а в 1953 году переводится в МТБ, в 1-й отдел Второго главного управления, который осуществляет контрразведывательное противодействие операциям спецслужб США.

Покровительство со стороны Д.Ф. Устинова, первого заместителя Хрущёва и председателя ВСНХ, высшее образование, полученное в самом престижном вузе страны, помогли Юрию быстро продвинуться по служебной лестнице (в 1950-х - начале 1960-х годов только 30 % сотрудников Второго шавка имели высшее образование, а иностранными языками, вообще, владели единицы) и бывать за рубежом. В 1957-1962 годах он выезжал в краткосрочные командировки в Англию, на Кубу, в Швейцарию, что по тем временам было немыслимой удачей и даже роскошью для сотрудников советских спецслужб.

Отношение сослуживцев к Носенко было отрицательным. Полковник Л. Ефремов, выражая мнение коллектива одного из подразделений Второго шавка КГБ, в 1961 году отзывался о нём так:

«Юрий Носенко - избалованный условиями жизни человек, ведущий себя с сослуживцами высокомерно и грубо, игнорирующий начальника отделения, к тому же склонный к употреблению спиртных напитков. Дружбу Носенко стремится водить с людьми, занимающими высокое положение. Вербовку иностранцев проводил на компрометирующих материалах, ибо для осуществления её на идеологической основе он недостаточно подготовлен».

…Находясь в Женеве, Носенко обратился к американскому дипломату с просьбой о конфиденциальной встрече. Дипломат известил об этом резидента ЦРУ в Берне, и в конце концов Носенко попал к Джорджу Кайзвальтеру, знаменитому «охотнику за скальпами» - вербовщику потенциальных предателей из числа сотрудников советских спецслужб. К тому времени в активе Кайзвальтера уже были вербовки Петра Попова и Олега Пеньковского, оба - полковники ГРУ, а также генерал-майора ГРУ Дмитрия Полякова.

Носенко изъявил готовность передать ЦРУ секретную информацию за 900 швейцарских франков. Он также попросил достать ему лекарство для дочери, страдавшей бронхиальной астмой и в то время находившейся на излечении в больнице.

На все условия Кайзвальтер ответил согласием, и тут «инициативника» понесло…

Носенко передал Кайзвальтеру сведения о вербовочных подходах КГБ, как состоявшихся, так и намечаемых, к нескольким дипломатам-англосаксам с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Среди названных Носенко лиц был посол Канады в СССР Джон Уоткинс, сотрудник разведывательного управления Адмиралтейства (министерство ВМС) Великобритании Джон Вассал и Джозеф Олсоп, обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», близкий друг президента США Джона Кеннеди.

Также Носенко снабдил Кайзвальтера развёрнутой информацией о прослушивающих устройствах в здании американского посольства на Садовом кольце. Более того, он указал конкретные места, где они размещены. Всего их было 42, и находились они в бамбуковых трубках за обогревательными батареями.

Таким же способом прослушивалась и дипмиссия ФРГ, где посол, намереваясь издать свои мемуары, каждый вечер диктовал секретарю отчёт о событиях дня, включая переписку с Бонном, НАТО и послами других стран, не подозревая, что вещает прямо в микрофоны звукозаписывающей студии КГБ.

Предатель рассказал Кайзвальтеру и о системе использования «шпионской пыли» - порошка, наносимого на одежду или почтовую корреспонденцию с целью отследить их перемещения.

Помимо этого Носенко подробно сообщил об операциях КГБ в Женеве, что было весьма важно для американцев с разведывательной точки зрения, так как там постоянно проводились всякого рода международные

форумы.

В заключение с добровольным «кротом» был выработан план будущих встреч. Носенко согласился на дальнейшие контакты при одном условии: они не должны происходить на территории СССР, где, по его мнению, это чрезвычайно опасно. Было решено, что, оказавшись за рубежом, он пошлёт телеграмму на контролируемый ЦРУ адрес.

О переходе к противнику он не заикался, наоборот - стремился вернуться домой к больной дочери.

На прощание предателю в качестве вознаграждения был вручён отрез ткани на платье для жены. Он также был удостоен дружеского похлопывания по плечу лёгкой (во всех отношениях) руки Кайзвальтера, после чего благополучно отбыл в Москву…

* * *

В следующий раз Носенко прибыл в Женеву 20 февраля 1964 года в составе советской делегации по разоружению. Он отправил по обусловленному адресу в Нью-Йорке телеграмму и вскоре встретился со своим оператором из ЦРУ Джорджем Кайзвальтером.

Поскольку убийство президента Кеннеди 22 ноября 1963 года всё ещё было у всех на слуху, а комиссия Уоррена по его расследованию только начала работу, то первые вопросы Кайзвальтера, разумеется, касались Ли Харви Освальда, подозреваемого в совершении покушения.

Носенко сумел убедить своего куратора, что лично вёл оперативную разработку Освальда, когда тот в октябре 1959 года приехал в Москву и попросил разрешения остаться в Советском Союзе.

Носенко утверждал, что коль скоро Освальд был признан психически неуравновешенной личностью, то он не мог быть использован в качестве агента и поэтому не представлял интереса для КГБ. Ему отказались предоставить статус беженца, но в конце концов уступили его домогательствам, лишь потому, что он попытался свести счёты с жизнью. В итоге Освальд с женой Мариной обосновались в Минске. Марина глупа, необразованна, настроена антисоветски. Всё это вместе взятое ускорило принятие Комитетом положительного решения выпустить их из СССР, когда они подали ходатайство о выезде в США.

Носенко имел возможность изучить дело оперативного наблюдения за американцем, так как после убийства Кеннеди начальник Второго шавка генерал-лейтенант Грибанов затребовал все материалы из Минска в Москву.

Носенко клятвенно заверил Кайзвальтера, что КГБ никогда не делал к Освальду подходов с целью его оперативного использования:

> «При всей моей ненависти к нему, я не могу свидетельствовать против собственной совести. Я знаю суть дела и подтверждаю, что Советский Союз никоим образом не причастен к убийству президента США и ко всей этой истории!»

Кроме дела Освальда Носенко дал пояснения по поводу ареста Пеньковского. По его словам, выход КГБ на шпиона и последующий его провал явились стечением в высшей степени случайных обстоятельств.

В ходе планового наружного наблюдения за сотрудниками иностранных посольств было установлено, что жена разведчика СИС Джаннет Чизхолм несколько раз выходила на контакт с неким советским гражданином. Выяснив, что им является полковник ГРУ Пеньковский, КГБ установил за ним круглосуточное наблюдение. Для этого даже были отправлены на отдых соседи из квартиры этажом выше жилища наблюдаемого. А чтобы произвести обыск в квартире Пеньковского, его на несколько дней поместили в госпиталь, спровоцировав желудочно-кишечное расстройство.

В результате обыска были обнаружены улики, свидетельствовавшие о его шпионской деятельности: фотоаппарат «Минокс», копии секретных материалов, которые он подготовил для передачи американцам, шифровальный блокнот, деньги и паспорт на другое имя, но с фотографией Пеньковского.

После нескольких встреч Носенко стал намекать Кайзвальтеру, что был бы не прочь остаться на Западе. Поинтересовался своими перспективами в случае положительного решения вопроса.

Оператор ответил, что по указанию Директора ЦРУ в банке открыт счёт на имя Носенко, на который уже внесены 50 000 долларов. В случае продления контракта ежегодно на него будут добавлять по 25 000 долларов. А за помощь в разоблачении Вассала к первоначальной сумме будут добавлены ещё 10 тысяч долларов.

4 февраля 1964 года Носенко сообщил, что его срочно вызывают в Москву. Кайзвальтеру он объяснил, что это может означать одно - он разоблачён и его ждёт арест и расстрел. В связи с этим он просит защиты у ЦРУ. Спустя много лет он признается, что всё это выдумал, чтобы подтолкнуть американцев к более решительным действиям.

Кайзвальтер сообщил о сложившейся ситуации в штаб-квартиру ЦРУ, и оттуда немедленно пришёл ответ: «Согласны!»

Надо сказать, что значительную роль в принятии руководством ЦРУ решения о заключении контракта с предателем и о его натурализации в США сыграла информация Носенко об Освальде, которая нейтрализовала опасения о том, что он является подставой КГБ.

В тот же день, 4 февраля, Носенко были вручены американские документы, его в цивильном платье перевезли через швейцарскую границу в ФРГ и поселили на конспиративной квартире ЦРУ в пригороде Франкфурта-на-Майне. Там с ним встретился начальник советского отдела ЦРУ Дэвид Мэрфи, который подтвердил денежные обязательства Управления и предупредил Носенко, что тот должен будет пройти проверку на полиграфе, чтобы доказать свою искренность.

Через неделю, 11 февраля 1964 года, Носенко вышел из самолёта на

базе Эндрюс ВВС США, что близ Вашингтона.

В СССР по факту бегства Носенко было заведено уголовное дело под кодовым названием «Ирод». 22 июня 1964 года обвинительное заключение против Носенко, подготовленное в результате проведённых следственных действий, было утверждено заместителем Главного военного прокурора и направлено в Военную коллегию Верховного суда СССР, которая вынесла следующий приговор:

> «Носенко Юрия Ивановича признать виновным в измене Родине и на основании пункта «а» статьи 64 УК РСФСР подвергнуть смертной казни - расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.
>
> На основании статьи 36 УК РСФСР лишить Носенко воинского звания «капитан» и внести предложение в Президиум Верховного Совета СССР о лишении его правительственных наград.
>
> Внести представление Председателю Комитета Государственной Безопасности при СМ СССР о лишении Носенко медали «За безупречную службу III степени».
>
> Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит».

В результате проведённого в КГБ служебного расследования многие сослуживцы перебежчика понесли наказание. Начальник Второго главного управления генерал-майор Грибанов Олег Михайлович был отстранён от должности, а больше сотни сотрудников отозваны из зарубежных командировок и стали невыездными.

* * *

Опасаясь, что ЦРУ не выполнит своих обещаний, Носенко занервничал и стал топить свои переживания в алкоголе, что вскоре перешло в беспрерывный запой, и новая жизнь в Америке превратилась в кошмар.

Джеймс Джезус Энглтон, начальник контрразведки ЦРУ, считал, что побег Носенко служил способом, во-первых, чтобы отвлечь внимание от информации настоящего перебежчика Анатолия Голицына о «кротах» в ЦРУ, во-вторых, чтобы довести до Запада информацию о том, что КГБ не имеет никакого отношения к Освальду и к убийству Кеннеди. Эти подозрения на первый взгляд казались обоснованными.

Действительно, было весьма странно слышать, что КГБ не проявил внимания к Освальду, бывшему морскому пехотинцу, да ещё и служившему оператором радара на военной базе самолётов-разведчиков «У-2» в Ацуги в Японии. К тому же, если Освальд убил президента по собственной инициативе, то вполне вероятно, что советское руководство могло «подкинуть» ЦРУ перебежчика в лице Носенко, чтобы убедить администрацию США в своей непричастности к убийству.

По указанию Энглтона 4 апреля 1964 года сотрудники ЦРУ провели допрос с пристрастием. Носенко был подвергнут проверке на детекторе лжи. А чтобы заставить его говорить правду, было решено независимо от

фактических результатов проверки сказать ему, что её он не прошёл, то есть уличён во лжи.

> «Сотрудники ЦРУ стали кричать, что я вру, и в комнату немедленно ворвались несколько охранников, - вспоминал Носенко. - Они приказали мне встать к стене, раздеться и обыскали меня. После этого повели наверх, в одну из комнат на чердаке. Там была только металлическая кровать, прикреплённая к полу. Мне не сказали, для чего меня поместили сюда и на какой срок. Через несколько дней сотрудники ЦРУ начали допрос. Я старался сотрудничать добросовестно и вечерами даже записывал всё, что мог вспомнить о КГБ. Допросы длились два месяца, и были очень грубы и враждебны. Затем они вообще перестали приходить».

В изоляции Носенко находился с апреля 1964 года по декабрь 1968 года. Особенно тяжёлыми условия заключения были в учебном центре ЦРУ, на так называемой «Ферме», где Носенко содержался с августа 1965 года по октябрь 1967 года.

Носенко доставили туда в наручниках, с завязанными тазами, и поместили в бетонную камеру с решётками на дверях. В камере была только узкая железная кровать с матрацем, а постельное бельё отсутствовало. Днём и ночью за ним наблюдали охранники. Чтобы чем-то занять себя, Носенко тайно из ниток разного цвета смастерил шахматы, но во время регулярно проводившегося обыска они были конфискованы.

Только спустя год с лишним ему разрешили 30-минутные прогулки на свежем воздухе в огороженном бетонным забором дворике и занятия физическими упражнениями.

Всё это время Носенко интенсивно допрашивали, зачастую с применением всё того же детектора лжи. Надо сказать, что все допросы ничего, кроме ничтожных деталей, не добавляли нового к уже сказанному.

Руководство ЦРУ между тем требовало от Энглтона окончательного разрешения сложившейся ситуации.

В 1967 году новый Директор ЦРУ Ричард Хелмс поручил сотруднику управления безопасности Брюсу Соли вернуться к рассмотрению вопроса о причинах ухода Носенко на Запад.

В то же время Энглтон дал поручение своим подчинённым представить план решения проблемы.

Пит Бегли сотрудник, специализировавшийся на операциях против СССР и принимавший непосредственное участие в судьбе Носенко, к тому же разделявший точку зрения Энглтона, что данный перебежчик не что иное, как подстава КГБ, не замедлил с ответом. В своём письме Энглтону он изложил своё видение возможных путей разрешения проблемы.

Так, пунктом 5-м в перечне возможных акций значилась *«ликвидация перебежчика»,* под 6-м - *«сделать его неспособным связно излагать свои мысли»* (для этого предлагался набор психотропных препаратов); под 7-м - *«помещение в дом для душевнобольных, не ввергая его самого в*

беспамятство».

Победила точка зрения Брюса Соли. В октябре 1968 года он представил Директору ЦРУ доклад, в котором оправдывал Носенко. Доклад был тут же подвергнут острейшей критике со стороны Энгатона и приверженцев его точки зрения.

Однако заместитель Директора ЦРУ Руфус Тейлор согласился с выводами Соли: *«Я убеждён теперь, что нет никаких оснований считать Носенко не тем человеком, за которого он себя выдаёт».*

Ричард Хелмс положил конец спорам (и страданиям перебежчика), наградив Соли медалью за работу по реабилитации Носенко и предоставив последнему двухнедельный отпуск во Флориде, но… под охраной двух гориллоподобных сотрудников ФБР.

По возвращении из Флориды Носенко получил документы на новое имя, его зачислили в штат ЦРУ на должность консультанта и (!) выплатили компенсацию (за вынужденный прогул!) в размере 137 052 долларов.

В должности консультанта Носенко проработал до конца 1980-х годов, и всё это время ему, как считали его хозяева в Лэнгли, грозила смертельная опасность, но уже со стороны КГБ, якобы занёсшего его в список предателей, подлежащих ликвидации.

Помилуйте, господа хорошие! На дворе - конец XX века, «сталинские эскадроны смерти» давно упразднены ввиду избыточного числа перебежчиков - сотрудников спецслужб Советского Союза и Российской Федерации, оказавшихся на Западе в 1980-2000-х годах, поэтому о какой ликвидации Носенко, бежавшего в начале 1960-х, может идти речь?!

Глава 7. Вам мат, мистер Толкачёв!

Из докладных записок московского резидента Директору ЦРУ

I 000000

В конце января 1983 года состоялась очередная явка с Толкачёвым. Её провёл Джон Якли, разведчик «глубокого прикрытия», выступавший под прикрытием бухгалтера посольства. Толкачёв передал три миникамеры с экспонированной плёнкой и 16 страниц рукописного текста с ответами на ранее поставленные разведывательные вопросы. Якли снабдил его тремя новыми миникамерами, вручил письменное разведывательное задание, схему новых мест постановки сигналов, а также 100 тысяч рублей и три книги на русском языке, которые агент ранее заказывал.

Толкачёв сообщил, что в его отделе всё спокойно, и сразу же спросил, где обещанный ему 35-мм фотоаппарат. Когда оператор объяснил, почему он не может передать его Толкачёву, тот ответил, что огорчён, но тем не менее подчиняется любому решению, исходящему от руководства ЦРУ. На

вопрос оператора о его здоровье агент посетовал на постоянную зубную боль, которая, по мнению врачей, вызвана перманентным нервным напряжением. На встрече Толкачёв также представил длинный список заказов, включавших лекарства, перевод на русский язык официальных заявлений советских руководителей, о которых ему стало известно из передач радиостанции «Голос Америки», мягкие чертёжные карандаши для сына, а также некоторые материалы (письменные и на кассетах) для сына и его подруги. Сказал, что, понимая трудность выполнения этих просьб, он готов оплатить все расходы из своих депонированных сумм. При прощании Толкачёв предложил провести следующую встречу в июне, что в итоге будет соответствовать трём встречам в год.

В ходе явки Толкачёв рассказал оператору, как он фотографирует документы. Спрятав документы во внутренние карманы пиджака, он несёт их в туалет административного здания института, смежного со зданием, где располагается его отдел. В этом туалете окно большее, чем в других отхожих местах, поэтому там дневного света вполне достаточно для фотосъёмки. Обычно весь процесс занимает 20-25 минут. Он всегда заранее придумывает предлог для посещения этого здания, если вдруг кто-либо из его коллег поинтересуется целью его пребывания в административном корпусе.

К сожалению, фотоплёнку, переданную Толкачёвым на январской встрече, прочесть было невозможно, так как документы он фотографировал в пасмурный день. Узнав об этом, «Сфиэ» очень огорчился, потому что он переснимал *«очень важные документы о советских атакующих истребителях 90-х годов».*

Джон Якли отметил, что на январской встрече в поведении Толкачёва отсутствовали какие-либо признаки беспокойства. Он вёл себя так же спокойно, как и на предыдущих встречах. Предоставленная им письменная информация была такой же качественной и значительной по объёму, как и прежде. Что касается приёмов наружного наблюдения КГБ, выставлявшегося за оперативным сотрудником на этот раз, то в них он не отметил никаких изменений.

Из-за того что принятые нами от Толкачёва на январской встрече снимки *«атакующего истребителя»* оказались нечитаемыми, было решено вызвать агента на внеочередную встречу. Для этого Джон Якли в начале марта выставил визуальный сигнал вызова на встречу. Однако ответного сигнала о готовности прибыть на встречу Толкачёв не поставил.

В середине марта «Сфиэ» подал сигнал о готовности к встрече - с 12 час. 15 мин. до 12 час. 30 мин. держал открытой одну из фрамуг окна, выходящего на зоопарк. Но на встречу почему-то не вышел. В конце марта резидентурой была предпринята попытка провести ещё одну встречу, однако агент не выставил сигнала о готовности к ней. Встреча была отменена. Заботясь о безопасности агента, было решено больше не вызывать его на внеочередную встречу, а провести встречу в июне, согласно утверждённому трафику.

II

Результативность работы Толкачёва с июня по октябрь 1983 года оставляла желать лучшего и свидетельствовала о том, что лучший этап операции «ЦРУ - Толкачёв» остался позади. В период между сентябрём и ноябрём 1983 года пять попыток провести личные встречи с Толкачёвым оказались неудачными. В трёх случаях агент выставлял сигналы о готовности, но на встречи не выходил. В двух других - агент выставлял сигналы о готовности, но его оператор, находясь под чрезвычайно плотным контролем «наружки», отказывался проводить явку, так как рисковал расшифровкой мероприятия.

В середине ноября 1983 года нашему разведчику всё же удалось провести явку со «Сфиэ». Агент вёл себя непринуждённо, с радостью приветствовал возобновление контактов, с его слов: *«Сейчас наши отношения переживают период ренессанса».* Передав сообщение на 16 страницах, пояснил, что не имел возможности сфотографировать ни одного документа на рабочем месте. На встрече Толкачёву были переданы: рекомендации по вопросам безопасности, новое задание в письменном виде, две новые миниатюрные фотокамеры с инструкцией, экспонометр, расписание будущих встреч, несколько изделий из золота, соответствующие его требованиям, а также ряд художественных произведения и книг по архитектуре, которые он заказывал. Подводя итог проведённой явке, оператор подчеркнул, что в целом оценивает проделанную работу положительно, хотя агент и не смог сфотографировать ни одного документа.

III

Из сообщения «Сфиэ», переданного в ноябре, оператор узнал, что в апреле 1983 года в отделе Толкачёва проводилась очень серьёзная проверка соблюдения сотрудниками правил режима секретности. Это настолько напугало агента, что он ожидал ареста буквально с минуты на минуту. Как ему показалось, проверка была вызвана утечкой секретной информации о советской авиационной системе распознавания целей, то есть о секретной системе «свой-чужой». Информацию об этой системе Толкачёв передал в ЦРУ на предыдущей встрече, поэтому был уверен, что в ходе проверки сотрудники службы безопасности института непременно выйдут на него. Его опасения усилились, когда начальник его отдела получил указание составить список всех сотрудников, имевших доступ к информации по этому вопросу.

На следующее утро Толкачёв отпросился с работы и, вскочив в недавно купленный а/м «Жигули», помчался на дачу. Он прихватил с собой все разведывательные принадлежности, включая аппаратуру коротковолновой связи, 35-мм фотоаппарат «Pentax МБ», инструкции по тайникам и сигналам, а также все полученные им книги и деньги в банковской упаковке. По его оценке, *«барахла было так много, что оно едва уместилось в багажнике».* На даче он сжёг всё, что может гореть. Металлические детали выбросил в разных местах на обратном пути домой. Со слов агента, *«больше всего ему жаль сожжённых 420 тысяч*

рублей, ведь всё остальное можно восстановить, но только не сгоревшие деньги».

В своём сообщении в ЦРУ он весьма живописно изложил процесс этого аутодафе:

«...Я никогда и представить себе не мог, что уничтожение денежных купюр может стать не только изматывающей душу и нервы, но и весьма продолжительной во времени экзекуцией. Чтобы сжечь 420 000 рублей, то есть 120 банковских упаковок с 25-рублевыми купюрами, 24 - с 50-рублевыми, мне потребовалось более четырёх часов.

Костёр из дров я разжёг в мангале, где обычно жарил шашлыки. Туда же сложил часть упаковок, в общей сложности, два портфеля типа «дипломат». Я думал, что деньги вспыхнут новогодним фейерверком, - как бы не так! Сначала они вообще отказывались гореть, и мне пришлось плеснуть в мангал бензина из канистры. Вот тут уж начался костёр инквизиции! Только вместо Жанны д'Арк в огне корчился барельеф вождя международного пролетариата. Но огонь вскоре стал ослабевать, и мне вновь пришлось плеснуть бензина. Через некоторое время я заметил, что без бензина купюры не горят, а лишь тлеют. Самое скверное во всём этом было то, что акцию по уничтожению денег мне пришлось проводить в деревянной пристройке к дому (на открытом воздухе этого делать было нельзя - за забором недремлющее око соседа!), поэтому я чуть было не задохнулся от ядовитых продуктов горения. Кто бы мог подумать, что деньги - это зло не только в фигуральном, но и в буквальном смысле?! Когда пачки денег начали тлеть, я, вдыхая отравляющий газ, похоже, испытал то, что довелось испытать французским солдатам под Верденом во время Первой мировой войны, когда немцы устроили им газовую атаку. А может, то же самое чувствовали перед умерщвлением сотни тысяч евреев в Освенциме? Вне сомнений, да! Я, чтобы не отравиться газом от тлеющих купюр, дышал только носом и только через намоченное в воде полотенце. Когда бензин в канистре кончился, я растерялся. Нет, меня охватил ужас! Ибо я понял, что мне не удастся избавиться от оставшихся в багажнике ещё двух «дипломатов» - там ведь было порядка 150 банковских упаковок! Как же быть дальше, спросил я себя?! Отрезвление и способность здраво рассуждать пришли, как ни странно, после того, как я, не закусывая, влил в себя бутылку водки. Что я делаю?! - был первый вопрос, который возник в моём сознании при виде корчащегося в огне профиля Ильича на банкнотах. Зачем я это делаю?! Ведь, чтобы заработать эти деньги, я испортил декалитры своей собственной крови, изорвал километры нервов, я превратил себя в руину, а теперь превращаю в прах итог моей работы за пять лет?! В чём же тогда смысл? В самом процессе приобретения денег?! Нет, как бы там ни было, это самоистязание надо немедленно прекратить! Я залил водой обуглившиеся купюры в мангале, в изнеможении рухнул на пол и тотчас уснул. Проснулся я затемно и не сразу понял, где нахожусь, и что происходит со мной. Было очень холодно. Я вошёл в дом, вытащил из кухонного шкафа бутылку коньяка и прикончил её одним махом. Затем расфасовал уцелевшие 150 банковских упаковок в стеклянные банки и закопал их на приусадебном участке. Наконец, уничтожив имевшийся на даче запас коньяка, я улёгся спать. Утром,

когда я с невероятной поспешностью разбрасывал по участку пепел из мангала, в глазах у меня стояли слёзы от злобы на себя и от собственного бессилия что-либо изменить. Затем я завёл машину и на огромной скорости, не оглядываясь, устремился прочь. Так, наверное, покидают место преступления...»

...После этого эмоционального кризиса Толкачёв постоянно имел при себе ампулу с ядом, которую получил от нас. Он рассуждал так: наиболее вероятным сценарием ареста будет вызов в кабинет начальника, где его и схватят кагэбэшники. Поэтому в течение нескольких дней каждый раз, когда его вызывали к начальнику, он первым делом клал под язык ампулу с ядом, чтобы раскусить её сразу же, как только ему объявят об аресте. Толкачёв написал, что в настоящее время из-за дрожи в руках не может удерживать в руках фотоаппарат, однако письменную информацию по секретным вопросам он продолжит составлять. После каждой отложенной встречи Толкачёв дополнял приготовленное письменное сообщение ещё несколькими страницами. И всякий раз делал приписку, в которой выражал уверенность, что выдержит *«шторм»* и найдёт в себе силы продолжить работу на ЦРУ. Его оператор отметил, что на встрече 16 ноября по его внешнему виду не было заметно, что он перенёс сильнейший стресс, - он был абсолютно спокоен.

IV

В сообщениях московской резидентуры в штаб-квартиру ЦРУ отмечалось, что Толкачёв, несмотря на апрельские события, *«демонстрирует хладнокровие, подтверждая сложившееся о нём мнение как о человеке, который решил передавать информацию во чтобы то ни стало, вплоть до самого конца, даже если этим концом станет его смерть».* В ответном сообщении в Москву было подчёркнуто, что полученная в марте от Толкачёва информация по авиационным системам распознавания целей («свой - чужой») за пределами ЦРУ не использовалась вплоть до июня, поэтому опасения агента об её утечке безосновательны.

В течение следующих нескольких месяцев в штаб-квартире ЦРУ активно обсуждались вопросы обеспечения безопасности Толкачёва при сохранении прежнего ритма поступления от него секретных материалов. Было принято решение в будущем личные встречи свести к минимуму и проводить не более двух явок в год, а взамен увеличить количество сеансов коротковолновой связи. В этой связи планировалось пересмотреть всю систему связи с ним. Большое внимание уделялось вопросу передачи Толкачёву *«обязательного гонорара»,* т. е. годичных процентов от депонированной суммы. Речь шла и о способах передачи этой крупной суммы, и о ситуации, при которой возможна его расшифровка, а она ведь может возникнуть, получи он в своё распоряжении такие большие деньги! В итоге было решено подготовить окончательный план вывоза Толкачёва из страны и вручить ему на следующей встрече.

Штаб-квартира ЦРУ дала указание резидентуре дополнительно проинструктировать Толкачёва по вопросам конспирации при сборе

разведывательной информации. Было подчёркнуто, что он не должен брать документы для фотографирования домой. В ЦРУ решили, что ему надо свести к минимуму написание ежедневных сообщений-рефератов по секретным документам, с которыми он знакомился за рабочим столом. Также было принято решение продолжить передачу агенту миниатюрных фотокамер, предупредив его об использовании их лишь в случае полной уверенности в своей безопасности. В апреле 1984 года Толкачёв вновь выставил сигнал о готовности выйти на личную встречу. На ней он передал две миникамеры с отснятыми кассетами и 39 страниц рукописного сообщения, 26 из которых содержали подробную разведывательную информацию. Он также передал несколько схем советских радарных систем. Все снимки, сделанные камерой, были высокого качества.

На явке Толкачёву были вручены две новые разведывательные фотокамеры, обновлённый план по способам связи, письменное задание, лекарства и книги, которые он заказывал, а также свыше 100 тыс. руб. Он вновь отказался принять план вывоза из Союза, заявив, что не имеет возможности его использовать. На встрече Толкачёв вёл себя спокойно и уверенно. Пояснил, что в его отделе всё успокоилось, дальнейшего развития проверка безопасности не имела. Сказал буквально следующее: *«Видимо, за руку меня вёл сам Люцифер - пронесло, - а ангелы-опричники в лице офицеров КГБ по режиму ничего не заподозрили!»*

В своём сообщении в ЦРУ он признался, что сожалеет об уничтожении шпионских принадлежностей на даче. Заявил, что, по его мнению, встречи вполне безопасно можно проводить даже чаще, чем два раза в год. Просил передать ему несколько миниатюрных фотокамер и восстановить 35-мм фотоаппарат «Pentax ME». Свой полный оптимизма доклад Толкачёв закончил жалобами на здоровье. Он сообщил, что врачи ему поставили диагноз «хронический гастрит», поэтому он просит ЦРУ снабдить его соответствующими лекарствами.

Оператор «Сфиэ», подводя итог встречи, отметил в отчёте, что моральное состояние агента даёт основание надеяться, что операция «Толкачёв - ЦРУ» в дальнейшем *«будет развиваться в нормальном режиме».*

V

С апреля по октябрь 1984 года в ЦРУ время от времени возникал вопрос соотношения между продуктивностью агента и безопасностью всей операции. В результате было решено не выдавать Толкачёву 35-мм камеру, так как выносить документы из института и фотографировать их дома было слишком опасно. С агентом было разрешено проводить в год более двух личных встреч, но только если он сочтёт это безопасным.

Следующая встреча с Толкачёвым состоялась в октябре 1984 года. Он передал две миникамеры с 90 отснятыми кадрами и письменное сообщение на 22 страницах. Ему были вручены три новые миникамеры, различные лекарства, чертёжные чернила для сына, а также список

разведывательных заданий. Толкачёв сообщил, что на работе всё спокойно и его здоровье улучшилось. Вновь настаивал выдать ему «Pentax ME», и, когда ему сказали, что это слишком опасно для него, ответил, что выданное ему разведывательное задание сможет выполнить, лишь взяв фотоаппарат на работу. Несмотря на его требование, ЦРУ отказалось выдать ему 35-мм фотоаппарат. Сотрудники резидентуры возразили, что подобный фотоаппарат имеется в свободной продаже, поэтому агент может его купить. С учётом этого было решено на следующей встрече передать Толкачёву несколько миникамер, чтобы предотвратить любые его попытки приобрести 35-мм аппарат. Далее вернулись к обсуждению вопроса о выдаче причитающихся ему денег, которые должны быть выплачены 31 декабря. После подсчётов пришли к заключению, что с депонированной суммы, составлявшей на 31 декабря 1983 года свыше двух миллионов долларов, Толкачёву надо будет выдать несколько сотен тысяч рублей…

Глава 8. Плутни контрразведки

Приказано «снять»!

Все знают, что такое арест, мало кто знает, что такое «съём» - негласное задержание, - когда в силу разных причин объект оперативной разработки должен неожиданно исчезнуть для своих близких, друзей и коллег по работе. Если же «снимаемый» подозревается в связях с иностранной разведкой, его пропажа должна остаться в тайне от его хозяев. Хотя бы на первое время.

«Снимают» и своих, и иностранцев. Для этого стараются подобрать малолюдное место, но случается, что объект приходится выдёргивать прямо из толпы.

В бывшем Советском Союзе «съёмом» поручено было заниматься специальному подразделению Седьмого управления КГБ СССР, так называемой «Группе А», которая после 1991 года стала известна как «Альфа».

Физически очень крепкие, в совершенстве владеющие приёмами восточных единоборств «альфовцы» с поставленной задачей справлялись мгновенно, без сучка и задоринки. В крайнем случае прохожие могли заметить, как два человека помогают третьему сесть в микроавтобус «скорой помощи», потому что он то ли нетрезв, то ли ему стало плохо.

После «съёма» объекты оказывались либо на Лубянской площади, либо в Лефортовской тюрьме.

* * *

29 мая начальник отделения «Альфы» подполковник Владимир Зайцев был вызван к начальнику Управления генерал-майору Евгению Расщепову.

Это был первый случай, когда молодой офицер оказался в приёмной своего высокого шефа, и поэтому заметно нервничал, лихорадочно

восстанавливая в памяти события последней недели в поисках возможных «проколов», за которые можно схлопотать взыскание.

Генерал, однако, встретил своего подчинённого, как старого приятеля. Угостил чаем и сдобой кремлёвской выпечки, поинтересовался здоровьем близких и делами в отделении.

Через пять минут светской беседы генерал поднялся с кресла и объявил вконец обескураженному подполковнику, что тому предстоит разработать план «съёма» советского гражданина.

- И чтобы у него ни один волос с головы не упал, пока он не «расколется»!

Зайцев понял, что генерал имеет в виду досадный промах - самоубийство Александра Огородника, старшего референта министра иностранных дел Андрея Громыко, и по совместительству шпиона ЦРУ по кличке «Тритон».

Задержанный с применением мер строжайшей конспирации Огородник на первом же допросе согласился с предъявленным ему обвинением в шпионаже в пользу США и вызвался собственноручно изложить обстоятельства вербовки и работы на ЦРУ. Попросил стопку бумаги и свою авторучку «Паркер» с золотым пером, отобранную при аресте. Пояснил, что долгие годы пользуется только ею, поэтому другой ручкой ничего путного написать не сумеет.

Не подозревая подвоха, торжествующие оперативники охотно выполнили пожелание - давно не попадались такие покладистые шпионы. Ещё бы! После задержания Пеньковского «Тригон» был самой крупной птицей, которая угодила в силки контрразведки Союза! Безоговорочная готовность Огородника помочь следствию стала ясна сразу, как только он заполучил свой «Паркер». Выверенным движением он свинтил колпачок, пососал скрытый кончик ручки и замертво рухнул под стол.

Впоследствии эксперты установили, что шпион отравился сильнейшим растительным ядом из семейства кураreподобных, секрет производства которого хранился в лабораториях только двух спецслужб мира - КГБ и ЦРУ. Убойная сила таких ядов во много раз превосходит цианистый калий. Но главное - они не оставляют никаких следов, которые можно было бы обнаружить в ходе аутопсии. В лучшем случае врачи констатируют наступление смерти в результате острой сердечной недостаточности или вследствие отёка лёгких.

- Установочные данные объекта, - прервал размышления Зайцева генерал, - вам сообщат позже. Сейчас отберите самых надёжных бойцов и поезжайте на Успенское шоссе, ознакомьтесь с обстановкой, где будете проводить «съём»…

Задержание

Зайцев покинул начальственный кабинет в глубоком раздумье. Упомянутое генералом Успенское шоссе - средоточие госдач кремлёвских небожителей, поэтому первой мыслью подполковника было, что его

втягивают в некую рискованную политическую игру и он должен будет провести «съём» какого-нибудь «шишкаря» из ЦК или Политбюро. Горбачёв встал во главе государства и партии только три месяца назад, в верхних эшелонах власти поговаривали о каких-то «реформах», в чём они заключались, никто понятия не имел. А ну как новоиспечённый генсек под реформами подразумевает аресты неугодных ему «бойцов старой гвардии» - членов прежнего Политбюро?!

* * *

Через пару дней Зайцева вновь вызвали к Расщепову. По кабинету уверенной поступью расхаживал незнакомец в дорогом, европейского покроя костюме при итальянском галстуке. Он явно превосходил хозяина кабинета и по званию, и по занимаемому положению. Не обращая внимания на присутствие молодого офицера, незнакомец хорошо поставленным командным баритоном время от времени бросал на ходу пару фраз хозяину кабинета и нарочито небрежно стряхивал пепел с английской сигареты.

Сначала Зайцев принял беспардонного эстета за номенклатурщика со Старой площади, но, услышав профессиональный жаргон, понял что перед ним как минимум заместитель начальника Второго Главка КГБ СССР - величина!

Наконец незнакомец удостоил своим вниманием застывшего в дверях Зайцева. Не представившись, вынул из лежащей перед Расщеповым папки чёрно-белую фотографию.

- Это - агент американской разведки, крупный специалист в области радиоэлектроники… Его пора «снять с дистанции». Субботу и воскресенье он проводит с женой за городом, на своей даче. Пьёт не просыхая. Дача находится здесь, - эстет ткнул пальцем в карту. - Через 48 часов я жду план захвата. Анкетные данные объекта узнаете накануне операции!

Зайцева от последней фразы внутренне передёрнуло: «Воистину: конспирация должна быть *конспиративной*!»

* * *

«Если наш клиент напивается при каждом посещении дачи, - на следующий день докладывал Зайцев свои соображения генералам, - то в воскресенье вечером, когда супруги Толкачёвы отправятся в Москву, за рулём, скорее всего, будет находиться жена шпиона. Двух «альфовцев», переодетых милиционерами, я выставлю у дороги, ведущей к даче. Один из них сделает вид, что отчитывает водителя грузовика, припаркованного у обочины. Второй сделает знак супругам остановиться. Как только машина Толкачёвых остановится, из кузова грузовика выпрыгнут мои бойцы, окружат машину и произведут захват…»

…Всё произошло так, как намечал Зайцев. Пока жена соображала, зачем их остановили, а Толкачёв вышел из машины, «альфовцы» не только успели надеть наручники ему, но и порезать в клочья его одежду, чтобы удостовериться, что у него при себе нет яда.

Через несколько часов в Лефортово, так и не придя в себя от шока, «Сфиэ» собственноручно написал признание.

* * *

Последующие четыре дня Толкачёва вывозили в те места Москвы, где он оставлял тайные метки для своего оператора, которые призваны были внушить мысль московской резидентуре ЦРУ, что у «Сфиэ» всё в порядке.

13 июня 1985 года офицер КГБ, загримированный под Толкачёва, в заранее обусловленном месте заложил тайник. Связник, сотрудник посольской резидентуры ЦРУ Пол Стоумбаф-младший, наблюдал за действиями «Сфиэ» из машины. Американец был схвачен, как только изъял из тайника предназначавшиеся ему секретные документы. Одновременно другая группа «альфовцев» на глазах у Церэушника схватила лже-Толкачёва и затолкала его в машину «скорой помощи».

Захват «Сфиэ» на глазах у его связника был просчитанным ходом. Необходимо было создать впечатление, что Толкачёв задержан по вине самого Стоумбафа, который-то и привёл за собой «хвост». Делалось это для того, чтобы скрыть истинный источник информации о шпионской деятельности Толкачёва - Эдварда Ли Говарда…

Из докладной записки московского резидента Директору ЦРУ

«…5 июня, в день запланированной явки в этом месяце, Толкачёв выставил сигнал о готовности выйти на встречу. В указанное время он открыл фрамугу окна, выходящего на зоопарк. Всё, казалось, было, как обычно, но наш разведчик «глубокого прикрытия», который должен был выйти на встречу со «Сфиэ», а это был Пол Стоумбаф, действовавший под прикрытием второго секретаря посольства, обнаружив за собой чрезвычайно плотное наружное наблюдение, решил встречу отменить.

13 июня, в день дублирующей, запасной встречи, снова был принят сигнал агента о готовности выйти на встречу. Стоумбаф, тщательно проверившись и не обнаружив за собой наружного наблюдения, прибыл к месту встречи на Кастанаевской улице. Ровно в 20.00 часов он подошёл к будке телефона-автомата - ориентиру места встречи, - как к нему внезапно подбежали десять человек, одетые в военный камуфляж, и без церемоний скрутили его. Тут же появились некие мужчины в цивильных костюмах, которые, по мнению Стоумбафа, руководили захватом.

Разведчика заковали в наручники, усадили в автомашину-фургон и доставили в приёмную КГБ на Кузнецком мосту, где обыскали. При нём оказались 5 миниатюрных закамуфлированных фотокамер, 4 страницы письменного материала, которые он должен был вернуть Толкачёву, 3 книги по архитектуре, 20 французских и 30 немецких чертёжных ручек для сына агента, большое количество лекарств, сборник из 250 газетных и журнальных статей, о которых просил Толкачёв и, наконец, пакет с 60 тысяч рублей - аванс из того вознаграждения, которое предназначалось агенту за 1985 год.

Процедура выемки и опроса Стоумбафа снимались видеокамерой в присутствии понятых. Следователь КГБ, не получив ответа на свои вопросы, в конце концов уведомил посольство США о задержании нашего разведчика. Пол Стоумбаф был освобождён в 24 часа 20 минут.

Арест оперативного сотрудника ЦРУ освещался в прессе Москвы, но не было никаких упоминаний о Толкачёве или его месте работы. Как и ожидалось, сотрудник ЦРУ, объявленный персоной non grata, с семьёй был вынужден 15 июня покинуть СССР. Только в сентябре Советы официально объявили, что Толкачёв был арестован в июне»…

Сага Роберта Хансена

Глава 1. Сгусток противоречий

Роберт Филипп Хансен родился 18 апреля 1944 года в Чикаго в семье полицейского и домохозяйки.

В детстве он мечтал пойти по стопам отца, но родители хотели дать ему более престижную профессию. Следуя наставлениям родителей, Боб поступил и в 1966 году закончил иллинойский Колледж Кнокс по специальности «химия», там же приобрёл знания русского языка.

В 1968 году женился. Жена - Бонни Вок, набожная католичка и член закрытого консервативного религиозного общества «Opus Dei» (Божий промысел), по слухам, оказывавшего влияние даже на папу римского Иоанна-Павла II. Хансен, который исповедовал лютеранство, под влиянием жены позже перешёл в католичество и стал членом этого общества.

После окончания колледжа Хансен поступил в чикагский Северо-Западный университет, чтобы стать зубным врачом, но вскоре передумал и перешёл на факультет учёта и бухгалтерского дела, который успешно закончил в 1971 году. По окончании университета получил диплом магистра деловой администрации по специальности «Бухгалтерия и информационные системы». Недолго поработав в одной из городских финансовых компаний младшим финансовым консультантом, Хансен, во исполнение своей мечты детства, поступил на работу в департамент полиции Чикаго.

Окончив местную полицейскую академию, он был назначен на должность следователя по финансовым правонарушениям. Через некоторое время его перевели в элитное спецподразделение C-S, основной задачей которого являлось разоблачение коррумпированных сотрудников полиции. Но даже эта ответственная должность не могла удовлетворить честолюбие Хансена, и через три года он подал рапорт о переводе в Федеральное бюро расследований. Учитывая, что Хансен хорошо владел русским языком, по его рапорту было принято положительное решение.

12 января 1976 года он был зачислен в штат ФБР и направлен на учёбу в академию Бюро в Куантико, штат Индиана. Затем Хансен в течение трёх лет работал в отделении Бюро в Чикаго, где

специализировался на преступлениях, связанных с взяточничеством и растратами.

В 1979 году Хансена перевели в нью-йоркское отделение ФБР, где поручили создать автоматизированную базу данных для выявления и отслеживания сотрудников советской разведки.

В ежегодных аттестациях начальство отмечало, что Хансен - *«отличный специалист в области электронно-вычислительной техники, нестандартно мыслящий сотрудник, стремящийся повысить эффективность деятельности ФБР, но имеющий противоречивый характер, иногда мешающий ему находить общий язык с коллегами».*

Помимо своих основных обязанностей Хансен охотно помогал сослуживцам при установке техники прослушивания и скрытного видеонаблюдения. А они считали его эдаким чудаковатым «гением». Может быть, ещё и потому, что он избегал разговоров о женщинах, о спорте или на другие дежурные темы, которые обычно обсуждаются сотрудниками Бюро в курилках и кафетериях. Вместе с тем он мог бесконечно долго доказывать безбожность коммунистического мировоззрения. Хотя доставалось от него и Америке, которую он часто ругал, называя *«сильным, но умственно отсталым ребёнком, поддающимся внушению и поэтому потенциально опасным».* Являясь образцовым католиком, Хансен регулярно с семьёй посещал церковь, а такие заведения, как стриптиз-клубы, называл «прибежищем греха».

Никто не видел его в спортзале - этом культовом месте поддержания хорошей физической формы сотрудников ФБР.

У Хансена, как и у всех, был свой шкафчик для одежды и спортивных принадлежностей, но он всегда пустовал. В отличие от большинства сотрудников Бюро, Хансен никогда не носил положенного ему огнестрельного оружия.

Все работавшие с ним знали его как умного и способного профессионала, но в то же время он не умел сближаться с людьми. Как всякий интроверт, он держал всё в себе. К тому же Хансен имел мрачный вид, предпочтение отдавал костюмам чёрного цвета, покроем напоминавшим униформу героев знаменитого голливудского фильма 1950-х годов «Сотрудник ФБР». За костюмы и за отсутствие чувства юмора коллеги за глаза называли его «Гробовщик» или «Доктор Смерть». Однако никто не слышал от него жалоб на весьма скромное, по меркам многих, жалованье - 46 тысяч долларов в год, - и это при том, что у него на иждивении были шестеро детей и неработающая жена!

Действительно, все близко общавшиеся с Хансеном люди считают, что он меньше всего похож на человека, который мог стать агентом русских разведчиков. Но пройдёт совсем немного времени, и он, специальный агент ФБР, встанет на шпионскую стезю…

* * *

О сложной натуре Хансена красноречиво свидетельствуют его

отношения с некой Присциллой Сью Гейли, танцовщицей стриптиз-клуба, которая была на пятнадцать лет моложе.

Учась в школе, эта взбалмошная девица влюбилась в учителя. Любовный роман закончился абортом, бегством из дому, скоропостижным браком с ещё одним великовозрастным обалдуем, выкидышем и таким же быстрым разводом. Оказавшись без средств к существованию, Присцилла начала работать стриптизершей в баре для шофёров-дальнобойщиков. Со временем она добилась такого успеха, что в 1980 году была признана лучшей стриптизершей родного штата Огайо и получила приглашение работать в престижном клубе «Золотой банан» в Бостоне.

В 1990 году в свои 32 года Присцилла выглядела на 25, выступала в элитном вашингтонском клубе «Смешливый бегемот», имела полдюжины бой-френдов, массу поклонников и, вообще, была всем довольна и наслаждалась жизнью. Иногда, правда, она нюхает кокаин и злоупотребляет алкоголем, но это так, чтобы расслабиться. Да и кто у нас сегодня без греха?! И вдруг во время представления она получает записку с прикреплёнными к ней 10 долларами от… Хансена.

Да-да, от того самого пуританина, кто принародно называл стриптиз-клубы «прибежищем греха». Что это, седина в бороду - бес в ребро? Оказалось - нет, хотя в записке были такие слова: *«Никогда не думал найти такую грациозную и прекрасную женщину в стриптиз-клубе».*

За этим следует ланч тет-а-тет, во время которого Хансен настолько очаровал женщину, что она даёт ему свой домашний телефон. Но он, к её изумлению, его не берёт!

«Спасибо, я знаю и номер телефона, и адрес, - говорит он и добавляет: - Я - *специальный агент Бюро, я видел твоё досье. Оно чистое. Я подумал, ты - тот человек, который может вернуться к нормальной жизни. Мне захотелось помочь тебе в этом».*

Хансен не обманул Присциллу. Через несколько дней он вручил ей 2 тысячи долларов наличными, чтобы она посетила стоматолога и вылечила зубы, а на следующей встрече подарил ей дорогое колье.

Они обедают в дорогих ресторанах, посещают ночные клубы, а также… Национальную галерею, где Хансен показывает Присцилле свои любимые картины испанских и итальянских мастеров.

Они часто обсуждают её будущее, планируя, чем она займётся после того, как бросит ремесло стриптизёрши. Самое удивительное для Присциллы было в том, что *«Бобби от меня ничего не требовал!»*

Лишённая возможности общаться со своими бой-френдами, она вскоре полностью перешла на его содержание, не подозревая, что деньги он тратит не из кассы Бюро, а из собственного кошелька.

Поначалу ей казалось, что Хансен хочет с нею просто дружить, но зачем? Если хозяин клуба не дотрагивался до неё, приберегая для своих друзей и богатых клиентов, под которых он подкладывал её без всяких колебаний, получая огромные комиссионные, то Бобби даже разговоров о

сексе не заводит! В чём же дело?!

В ходе многочасовых бесед Хансен часто повторял Присцилле одну и ту же фразу:

> «Я не хочу с тобой любовных отношений, потому что прелюбодеяние противно Богу, жизнь и мораль человека сильны любовью к Господу, да и, вообще, не будем нарушать существующий между нами пафос дистанции. Я, на правах твоего персонального мессии, со временем подберу тебе подходящую, на мой взгляд, работу, чтобы ты покончила со своим богопротивным ремеслом…»

…Как-то в августе 1991 года, поужинав вдвоём в шикарном мексиканском ресторане «Хаймалито», Бобби сделал Присцилле сказочный подарок: вручил конверт, в котором находилась кредитная карточка «Американ экспресс» и ключи от «мерседеса».

После ареста Хансена ФБР установило, что за «мерседес» он заплатил 10 тысяч долларов, а общие его расходы на Гейл и превысили 100 тысяч долларов. Её сестра, допрошенная в качестве свидетеля, утверждала, что в то время у Присциллы не было никаких забот: «Стоило возникнуть какой-то пустячной проблеме, надо было лишь поднять телефонную трубку, и всё тут же, как по мановению волшебной палочки, устраивалось!»

Но ничто не вечно под луной. Чёрт дёрнул Присциллу отправиться в родной городок Колумбус, чтобы отметить с родными Рождество и сообщить им, что она уезжает во Францию, где Хансен подыскал ей работу. Тут-то и пришёл конец её счастливой жизни. Встретившись со старыми дружками, она пустилась во все тяжкие, злоупотребляя алкоголем и наркотиками.

Конечно, она не знала, что играет с испепеляющим огнём! Испытательный период наставления заблудшей овцы на путь истинный закончился также неожиданно, как и начался.

«Здесь вам - не тут!» - заявил Хансен, примчавшись в Огайо. И, найдя Присциллу в невменяемом состоянии в наркопритоне, отобрал кредитку и прекратил с нею всяческие отношения.

Дело в том, что по договорённости с Бобби Присцилла могла использовать кредитную карту только для обслуживания своего авто. Она же сделала покупки по кредитке, о чём немедленно банк известил владельца «Американ экспресс», то есть Хансена. Когда позднее Присцилла была арестована в связи со злоупотреблением наркотиками и позвонила Хансену, умоляя помочь, он, не произнеся ни слова, бросил трубку.

После осуждения Хансена Присцилла заявила репортёрам: *«Это был самый милый человек на Земле. Я всегда считала, что он - мой ангел-хранитель, спустившийся ко мне с розового облака. Я в шоке от того, в чём его обвиняют. Он не похож на человека, который мог бы сделать что-то неправильное».*

Глава 2. Смена псевдонимов

Однажды, это было в ноябре 1979 года, Хансен запросто вошёл в офис советской внешнеторговой организации «Амторг», которая использовалась Главным разведывательным управлением (ГРУ) Генштаба ВС СССР в качестве прикрытия, и предложил свои услуги в качестве информатора. А чтобы подтвердить свою готовность к сотрудничеству, он выдал генерал-майора ГРУ Дмитрия Полякова, работавшего на ЦРУ, и список советских дипломатов, подозреваемых ФБР в принадлежности к разведывательным органам СССР.

В 1980 году Бонни, подозревая супруга в любовной связи на стороне, исподволь стала следить за ним. И однажды ночью, нагрянув в подвал их дома в пригороде Нью-Йорка Скарсдейле, застала его за подготовкой агентурного донесения сотруднику ГРУ. Чтобы убедить жену, что он пишет отнюдь не любовное послание, Хансен признался в сотрудничестве с русскими, однако заверил её, что водит их за нос, передавая ничего не значащую информацию.

Будучи истовой католичкой, Бонни заставила Боба исповедаться в своём грехе пастору местной церкви, а затем добилась обещания, что он прекратит связь с русскими. В качестве доказательства своей решимости он должен перевести все деньги, полученные от ГРУ - около 30 000 долларов, - на счёт церкви. В последующие годы крупные суммы денег, заработанные нелегально, Хансен регулярно переводил известной монахине матери Терезе, активно занимавшейся благотворительной помощью больным детям в бедствующих районах Азии и Африки.

В 1981 году Хансена перевели в управление разведки центрального аппарата ФБР в Вашингтоне, а вскоре повысили в должности - назначили начальником отделения. Через некоторое время он получил назначение в финансовое управление Бюро, где занимался анализом финансовых поступлений и подготовкой секретных проектов бюджетных ассигнований Конгресса США для ФБР.

В 1983 году Хансена назначают руководителем специального подразделения Бюро, в задачу которого входит оценка и анализ информации о деятельности советской разведки на территории США. Он также становится членом комитета ФБР, координирующего работу американских спецслужб по противодействию советской разведке с использованием технических средств. Большая часть информации, к которой имеет доступ Хансен, поступает из ЦРУ.

В сентябре 1985 года Хансена вновь переводят в Нью-Йорк и повышают в должности. Теперь он - руководитель контрразведывательных операций в нью-йоркском отделении ФБР, что значительно расширяет его доступ к секретной информации. Он отвечает за проведение операций с использованием технических средств в отношении советских сотрудников ООН и консульства.

Через десять дней после назначения на эту должность Хансен, войдя в почтовое отделение Центрального вокзала, направил сотруднику

советского посольства Виктору Дегтярю, проживавшему в городке Александрия, штат Вирджиния, запечатанный пакет. В нём находился конверт с надписью: *«Не вскрывать! Немедленно передать конверт Черкашину Виктору!»*

Хансен отлично знал, кому отправлять пакет с вложенным в него письмом с секретными сведениям и предложением о сотрудничестве.

Дело в том, что Виктор Дегтярь был сотрудником линии «КР» (внешняя контрразведка) вашингтонской резидентуры ПГУ КГБ и работал под дипломатическим прикрытием.

В тот же день пакет с нераспечатанным письмом Дегтярь привёз в посольство и передал полковнику Черкашину, возглавлявшему в вашингтонской резидентуре службу контрразведки.

На конверте не было никаких следов, указывавших на отправителя письма, но не вызывал сомнения тот факт, что его автор был далеко не новичок в мире шпионажа. Он действовал беспроигрышно, используя почтовый канал, так как знал наверняка, что ФБР снижает интенсивность слежки за разведчиками, когда они дома, и тем самым рисковал меньше, чем если бы вступил в прямой контакт с кем-нибудь из оперработников. Кроме того, адресуя письмо полковнику, отправитель демонстрировал свою осведомлённость о занимаемом Черкашиным положении в вашингтонской резидентуре. Единственное, чего он не мог предполагать, что этому письму суждено сыграть трагическую роль в судьбе многих мастодонтов американских спецслужб. Но случится это лишь через 16 лет…

…Вскрыв конверт, Виктор Иванович с удивлением обнаружил, что послание адресовано лично ему:

> «Мистер Черкашин! В самое ближайшее время я отправлю мистеру Дегтярю пакет с документами. Они имеют отношение к некоторым в высшей степени секретным проектам различных подразделений Разведывательного сообщества США. Все они - оригиналы, чтобы упростить доказательство их подлинности.
>
> Должен предупредить о том риске, которому я подвергаюсь, и о котором Вы можете не знать. С точки зрения интересов нашего долгосрочного сотрудничества, пожалуйста, имейте в виду, что круг лиц, обладающих такой степенью допуска, как я, крайне ограничен. Поэтому эти документы, собранные вместе, сразу укажут на меня. Я надеюсь, что такой опытный сотрудник, как Вы, будет обращаться с ними надлежащим образом. Я полагаю, что этих документов достаточно, чтобы оправдать выплату мне 100 000 долларов.
>
> В последнее время Вашу службу постигла серия неудач. Предупреждаю Вас, что мистер Борис Южин (линия «ПР», Сан-Франциско), мистер Сергей Моторин (линия «ПР», Вашингтон) и мистер Валерий Мартынов (линия «Х», Вашингтон) были рекрутированы нашими специальными службами.
>
> Сообщение о деталях того, как и сколько мне Вы должны будете платить, а также информация относительно наших контактов, будут

посланы лично Вам. Моё имя и положение, которое я занимаю в Разведывательном сообществе США, должны оставаться неназванными для обеспечения моей безопасности».

В постскриптуме таинственный «доброволец» предложил довольно простой способ проведения тайниковых операций:

«Я готов рассмотреть Ваши предложения, но я не хочу, чтобы всё выглядело уж слишком по-шпионски. Я добавляю цифру «6» (то есть Вы её вычитаете от обусловленных дат, месяцев, дней и часов соответствующих мероприятий обеих сторон)».

Далее в письме содержалась информация о сбежавших к американцам советских гражданах. Автор также охарактеризовал несколько операций, которые были проведены на территории США против советской разведки с использованием новых технических средств. Были приведены данные о расходах правительства США на разведывательную деятельность, включая расходы на Агентство национальной безопасности, ЦРУ, ФБР и военную разведку.

Письмо не было подписано.

Волкодав контрразведки полковник Черкашин, до командировки в США руководивший операциями в резидентурах КГБ в Индии и в Ливане, не спешил оценивать важность полученных сведений. Всё казалось ему слишком невероятным, чтобы этому можно было поверить. Возникал вопрос: является ли предложение реальным или это провокация американцев, призванная с помощью агента-двойника втянуть вашингтонскую резидентуру, а если повезёт, то и весь Комитет, в заведомо провальное предприятие, а затем и загнать их в ловушку?

Ведь в активе Черкашина уже была апрельская вербовка начальника контрразведывательного подразделения отдела работы против Советского Союза (SE) ЦРУ Олдрича Эймса. Вербовка, которая была более чем достаточным достижением за весь срок службы полковника в разведке.

Получение письма с таким набором сенсационной информации, да ещё и от профессионала, выглядело абсолютно неправдоподобно! Может быть, письмо - дело рук самого Эймса, и послано оно в целях самозащиты? Ход его мыслей мог быть таким: если переписка между русскими разведчиками и московским Центром перехватывается ФБР, то получение им «доказательства» в виде письма, что вашингтонская резидентура имеет двух ценных источников, поможет снизить подозрения в отношении него, Эймса. Да, есть от чего закружиться голове!

Черкашин вспомнил, что 1985-й называют «годом шпиона», и махнул рукой - будь, что будет!

И действительно, 16 октября, спустя полторы недели после получения Дегтярем письма от анонимного автора, всё повторилось снова. Но на этот раз почта доставила Дегтярю увесистый пакет, который он незамедлительно отвёз в посольство и передал Черкашину.

Как и было обещано автором посланий, в пакете находилось большое количество секретных документов.

На этот раз новые материалы незнакомца наглядно продемонстрировали полковнику, что он имеет дело с сильным и волевым профессионалом, решившим стать шпионом. Аноним принял все меры, чтобы его личность невозможно было установить. Сделано было это от осознания того, что наибольшую для него опасность представляют «кроты» - агенты ЦРУ и ФБР, действующие внутри советской разведки.

...Кстати, потребовалось целых 16 лет, чтобы Черкашин, да и всё руководство Службы внешней разведки России, наконец узнали имя автора полученного письма.

Да, вот ещё. Ни полковник Черкашин, ни его коллеги из ПГУ не подозревали, что за шесть лет до установления контакта с КГБ. Хансен сотрудничал с ГРУ, подписывая свои донесения псевдонимом «Raxnon Garcia».

Как бы там ни было, в вашингтонской резидентуре новому источнику присвоили псевдоним «Karat», однако чаще в документах использовалось слово «Source» - «Источник».

Первым из указанных «Источником» предателей будет нейтрализован агент ФБР «Гоз» - в миру Сергей Моторин. Потом придёт черёд Валерия Мартынова. Имя Дмитрия Полякова вновь всплывёт лишь в начале 1986 года во время новой волны разоблачений, инициированной Олдричем Эймсом.

Глава 3. Агент ФБР «столичного» розлива

Вашингтонская резидентура

В начале 1980-х годов резидентура КГБ в прямом смысле слова находилась под крышей посольства СССР в Вашингтоне, а её глава руководил операциями с верхнего этажа каменного посольского особняка, который построила в начале века, хотя никогда там и не жила, г-жа Джордж М. Пульман, вдова магната, занимавшегося производством спальных вагонов для железных дорог. Это прямоугольное четырёхэтажное здание было приобретено у неё под посольство последним царским правительством и по наследству перешло к советским дипломатам.

Все окна особняка были наглухо задраены. Фотография посольства в доме № 1125 на 16-й улице - всего в трёх кварталах от Белого дома - неизменно появлялась в качестве иллюстрации к статьям в прессе о работе КГБ в Вашингтоне в частности, и в США вообще. Под снимком - дежурная подпись: «Шпионское гнездо».

Это весьма помогало направить мыслительный процесс американского налогоплательщика в нужное спецслужбам русло.

Для обывателя это было заколдованное место. На крыше небольшого посольского особняка, зажатого с двух сторон высокими зданиями,

действительно устрашающе смотрелись многочисленные пауки антенн, в том числе и спутниковой связи.

Нередко сотрудникам посольства, как «чистым» дипломатам, так и «сидящим под корягой» - действующим под дипломатическим прикрытием - разведчикам, доводилось слышать от вашингтонских аборигенов, что с соседних крыш американские контрразведчики - сотрудники ФБР - бомбардируют наше здание электромагнитными импульсами, чтобы прослушивать разговоры в помещениях и по стуку пишущих машинок считывать документы.

Кроме того, внутри здания работали наши собственные электронные системы защиты. К примеру, кабинет резидента, как и положено, представлял собой бронированную комнату (на оперативном арго - «подлодку») в комнате обычной, вокруг которой действовало электромагнитное поле. Разумеется, с точки зрения здоровья, особенно мужской потенции, всё это было далеко не безопасно.

На четвёртом этаже в четырёх тесных комнатушках трудились около 40 офицеров резидентуры КГБ.

Каждый отдел - политическая разведка, внешняя контрразведка, научно-техническая, а также оперативно-техническая разведка - решал свои конкретные задачи.

На секретный этаж вёл один вход, и его защищала прочная стальная дверь, имевшая цифровой код.

В помещение запрещалось входить в пиджаке или пальто. Эта мера безопасности была направлена против попыток возможных «кротов» тайком пронести миниатюрную фотокамеру.

Все кабинеты были экранированы, чтобы исключить прослушивание ведущихся внутри разговоров.

Что касается автомобилей, принадлежавших нашим дипломатам, как «чистым», так и «подснежникам», то их багажники взламывались с неизменной регулярностью. Хотя, справедливости ради, надо признать, что при этом ничего не похищалось. Сам по себе этот факт свидетельствовал, что взломщики были «ведомственными».

Массу неудобств для наших разведчиков создавала и планировка Вашингтона, который представляет собой прямоугольник, поделённый на квадраты. Машинам ФБР очень удобно следовать за наблюдаемым объектом по параллельным улицам…

…Объектом особого внимания местной контрразведки был престижный многоквартирный дом в богатом вашингтонском пригороде Чеви-Чейс, где проживали служащие советского посольства и сотрудники резидентуры.

Дом, он же жилой комплекс под названием «Айрин», был государством в государстве. Видеокамеры и швейцары денно и нощно несли охрану у входных дверей.

Репортёры бульварной газеты «Нэшнл инквайерер», да и респектабельной «Вашингтон пост», в поисках сенсационных документов неоднократно проверяли содержимое мусорных пакетов, которые выставлялись по утрам у «Айрин».

Идея покопаться в чужой помойке не была оригинальной, так как изучением советского мусора не гнушалась и американская контрразведка. С практической точки зрения делать это сотрудникам ФБР было очень удобно, так как советские дипломаты, журналисты и разведчики свои полиэтиленовые мешки выносили во двор, где стояли контейнеры, откуда их регулярно изымал спецгрузовичок, разумеется, состоявший на балансе ФБР…

В «Айрин» не сдавали квартиры жильцам с собаками, кошками и малолетними детьми. Жильцы были обязаны застелить % квартиры коврами, чтобы не беспокоить соседей с нижнего этажа. Все прегрешения жильцов фиксировались в отдельной карточке, которая хранилась в управлении домом вместе со второй связкой ключей.

Строгий порядок соблюдался и во многом другом. На Рождество, например, жильцам присылали список обслуживающего персонала дома с указанием счёта, на который надо было перевести деньги в качестве вознаграждения.

Однако этот строгий порядок не мешал сотрудникам американских спецслужб в любое время проникать в облюбованную ими квартиру. «Домушники» по должности, они беспардонно оставляли следы своей любознательности в отсутствие временных хозяев: окурки в пепельнице, сдвинутые с привычных мест вещи, пятна на ковре.

Однажды жена резидента Станислава Андросова, войдя в свою квартиру, обнаружила клубы сигарного дыма, плотно застилавшие все пять комнат. Очевидно, те, кто посетил апартаменты, ретировались так поспешно, что не успели проветрить помещение.

Вызванный комендант дома невозмутимо заметил, что впредь сигарного дыма не останется. Что ж, и на том спасибо!

Советские граждане, обитатели «Айрин», постоянно ощущали на себе присутствие «кокона» - наружного наблюдения, - не покидавшего их ни днём ни ночью. Настоящая война нервов.

Всем нашим гражданам было рекомендовано при выходе из дома никогда не возвращаться, ибо это могло быть расценено «топтунами» как проверка их бдительности, что, в свою очередь, могло бы вывести их из равновесия, а это уже было чревато изрезанными покрышками на арендованном автомобиле и ещё Бог весть чем!

…Как-то утром, на третий месяц проживания в «Айрин», жена Андросова, спустившись в гараж, вдруг вспомнила, что ключи от машины оставила на прикроватной тумбочке. Не медля ни секунды, поспешила к лифту.

Первое, что она увидела, войдя в спальню… башмаки как минимум

сорок восьмого размера, торчавшие из-под кровати. Лежавший там «Гулливер» пыхтел и чертыхался. Работал он с таким усердием, что даже не услышал, как за нею захлопнулась входная дверь…

Мгновенно оценив ситуацию, женщина рискнула и бесшумно - благо, напольный ковёр скрадывал шаги - подкралась к тумбочке, схватила ключи и исчезла, как призрак.

Только в лифте она вспомнила наставления мужа. Возникли и вопросы: фэбээровец что-то искал под кроватью, или же устанавливал там какую-то спец-аппаратуру?!

Из майора КГБ - в агенты ФБР

Объектами особого внимания ФБР всегда были вновь прибывшие из СССР сотрудники посольства. Основная задача Бюро на первом этапе - выяснить, кто они, - «чистые» дипломаты или же «подснежники» - те, для кого дипломатический статус был прикрытием для отправления своих основных, читай: разведывательных обязанностей.

Майор КГБ Сергей Моторин (сын секретаря Томского обкома КПСС) исключением для вашингтонского отделения ФБР не стал. Не прошло и шести месяцев с тех пор, как он приступил к исполнению служебных обязанностей в резидентуре, и американцы решили «потрогать его за вымя» - выяснить его ценностные ориентиры, уровень профессиональной подготовки, опыта работы и т. д. Попали в «десятку». Став жертвой шантажа со стороны фэбээровцев, Моторин был завербован ими на… водке.

Американские контрразведчики проследили за Мотриным, когда тот, явившись в магазин, торгующий электроникой в пригороде Вашингтона, попытался приобрести в кредит дорогущий теле-видео-моноблок.

Хозяин магазина, агент американской контрразведки, просьбу Моторина отклонил, но о визите молодого русского дипломата и о его затруднительном финансовом положении немедленно сообщил своему оператору.

Фэбээровцы на скорую руку сверстали план ловушки.

Было так.

Владелец магазина позвонил Моторину и предложил бартер: часть стоимости электроники (950 долларов) он согласен получить натурой - водкой «Столичная», которую дипломат приобретёт через посольство по 4,5 доллара за бутылку (цена водки в американских магазинах равнялась 12 долларов).

Моторин предложение принял. Когда он, обменяв (!) дюжину ящиков «Столичной» на вожделенный моноблок, погружал его в машину, появились фэбээровцы с видеокамерами в руках. Они вежливо, но жёстко напомнили ему, что он является нарушителем американского и советского законодательства, и если делу будет придан ход, то его попросту выдворят из страны.

Казус предложили замять в ответ на согласие выполнить парочку конфиденциальных поручений. Уезжать ох как не хотелось, и Моторин согласился...

Особенности «съёма» шпиона-супермена

На ФБР «Гоз» - под этим псевдонимом Моторин проходил в секретных платёжных ведомостях американской контрразведки - проработал около года.

В конце 1984 года он вернулся в Союз и приступил к работе в управлении «А» (активные мероприятия) ИГУ. Установленное за ним наблюдение результатов не дало, так как ещё в США он условился со своими кураторами из ФБР, что в Москве на связь выйдет только в экстраординарном случае. Чтобы взять изменника с поличным, была разработана операция, согласно которой ему поручили подготовить активное мероприятие против сотрудников московской резидентуры ЦРУ. Для этого ему вручили документы, якобы полученные в Вашингтоне агентурным путём. когда Моторин попытался выйти на контакт с американским разведчиком на проспекте Мира, его «сняли» бойцы «Альфы».

В момент «съёма» у Моторина обнаружили контейнер с секретными материалами, который он собирался передать американцу.

* * *

При подготовке «съёма» Моторина ответственный за проведение мероприятия заместитель командира «Альфы» подполковник Владимир Зайцев, прежде всего, учитывал психологию объекта. Психологию супермена, коим тот себя считал. Самомнение небезосновательное: рост 192 см, атлетическое телосложение, каждое утро забавлялся, как теннисным мячиком, двухпудовой гирей, к тому же владел приёмами карате. Вылитый Шварценеггер! Уж он-то с полным основанием мог сказать о себе: «Я - *здоров, него скрывать, пятаки могу ломать...»*

Вместе с тем Зайцев не мог сбрасывать со счетов моральное состояние Моторина. Двигаясь на встречу с американским разведчиком, он наверняка будет начеку, в каждую секунду готовый к отражению возможной атаки. У него же, что называется, «все импульсы наружу»!

Поэтому, прежде всего, надо было усыпить бдительность объекта. Подойди к нему гренадеры, сродни ему, он, учуяв опасность, мог бы свалку устроить, глупостей наделать. А вот этого «Альфа» позволить себе не могла ни при каком раскладе!

Изюминка «съёма» Моторина состояла в том, что к нему должны были приблизиться не Шварценеггеры, а тщедушные прохожие. Разумеется, только внешне тщедушные.

...Когда Зайцев представил отобранных для «съёма» бойцов своего подразделения генералу из руководства Управления «1С», тот возмутился:

«И что, - завопил чин, указывая пальцем на одного из бойцов, - *вот этот мальчишка справится с гренадером Моториным?! Да он - культурист, разметает вас всех, как котят!!»*

Ещё как справились - пикнуть не успел, как его спеленали!

Принцип бойцов «Альфы»: «Порхать, как бабочка, и жалить, как пчела». Но при этом сначала работает голова, а руки и ноги вступают в бой потом. Хотя и голова при этом не дремлет.

«Снять» объект - это ещё не всё, это лишь начало. Мало провести задержание без шума и без пыли, главное - усадить перевёртыша лицом к лицу со следователем ещё до того, как он успеет опомниться и прийти в себя от шока. Лишь в этом случае он без промедления начнёт давать правдивые показания.

Вот где профессионализм высшей - «четыре девятки» - пробы! «Шоковая терапия», которой в совершенстве владеют бойцы «Альфы», - искусство, а не конвульсивное подёргивание руками и ногами.

Кстати, приёмы «шоковой терапии» до сих пор строго засекречены. Оно и понятно: шпионаж, он ведь ещё не упразднён, ну и «съемы» продолжаются.

...Как признался следователь Добровольский, который вёл дело Моторина, в его практике не было случая, чтобы обвиняемый в шпионаже перевёртыш в качестве своего оправдания привёл какие-то другие, кроме идеологического, мотивы. Лишь один - Сергей Моторин - сказал, как на духу:

> «Ну что поделаешь, дал слабинку, польстился на классную аппаратуру... За это и ответ держу...»

Следствие доказало факт сотрудничества Моторина со спецслужбой США, а военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его за измену Родине к расстрелу.

Глава 4. Горький аромат предательства

Триедин в одном лице

Командировка подполковника Мартынова Валерия Фёдоровича в Вашингтон по линии «НТР» (техническая разведка) считалась очень престижной и давала шанс сделать в разведке блестящую карьеру.

На восточном побережье США расположено множество исследовательских лабораторий, промышленных фирм, информационных центров и библиотек, используя которые, молодой и предприимчивый офицер мог получить интересующие нас научно-технические материалы. Здесь часто проводились конференции и презентации, их посещение или участие в них открывали широкие возможности по установлению полезных с точки зрения разведки контактов.

Имея такие перспективы, амбициозный подполковник не сомневался в своём светлом будущем. Тем более, что был он, в отличие от Моторина,

готового поволочиться за любой приглянувшейся барышней, трудяга и усердно «пахал» вашингтонские просторы. Вместе с тем был он неопытен, что проявилось в 1982 году на научной конференции при установлении им контакта с американским «учёным». Мартынов, не заметив как, попал в расставленные сети - стал фигурантом совместной операции ФБР и ЦРУ «Courtship», целью которой являлась вербовка советских граждан, работавших в Вашингтоне.

Считая своего нового знакомого перспективной оперативной связью, Мартынов стал развивать с ним отношения.

Активную разработку Мартынова американцами не заметили и в московском Центре, скорее всего, потому, что молодой разведчик был весьма убедителен в своих отчётах, умело преподносил прогресс в развитии отношений со своим новым «другом». Тем временем отношения Мартынова с «учёным» углубились настолько, что американцы решили «пора!» и перешли в наступление, в результате которого подполковник был завербован.

ФБР приобрело в его лице агента под псевдонимом «Pi-menta», ЦРУ - «Gentile», а если учесть ещё и рабочий позывной подполковника - «Павел» - то выходит, Мартынов стал триедин в одном лице.

…Американцы, чтобы подсластить пилюлю, предложили «новобранцу» увенчать знакомство с «учёным» его «вербовкой», сделав его своим «агентом», через которого они смогли бы «гнать дезу» советской стороне. Передаваемая через «учёного» информация будет достаточно привлекательна и сумеет убедить московский Центр, что Мартынов добился безусловного оперативного успеха. Тот не возражал и в течение следующих трёх лет исправно каждые две недели встречался с сотрудником ЦРУ Родом Карлсоном и специальным агентом ФБР Джимом Холтом. Встречи проводились на различных конспиративных квартирах, всего их было более пятидесяти, в основном в той части штата Вирджиния, которая носит название «Кристалл-сити».

Действительно, по прошествии года усилия ФБР по дезинформации Центра с помощью «учёного» увенчались успехом: вскоре Мартынов был назначен руководителем линии «Х» резидентуры.

Мартынов отчитывался перед американскими работодателями о деятельности резидентуры за истёкший период, включая результаты операций и их оценку Центром, сообщал о полученных из Москвы указаниях, не забывая сдабривать их сплетнями и байками, циркулировавшими в Ясеневе. Он также давал ФБР наводки на возможных кандидатов вербовочных подходов и разработок.

Часть передаваемой противнику информации Мартынов черпал из висящей на стене у кабинета резидента Андросова карты Вашингтона, где отслеживалась текущая оперативная обстановка, в частности, результаты перехватов переговоров бригад наружного наблюдения ФБР и места их рассредоточения.

Резидент ставит разведчиков... на карту

Станислав Андреевич Андросов на пост главы вашингтонской резидентуры был назначен в 1982 году, главным образом благодаря своим дружеским связям с Владимиром Крючковым, в то время начальником Первого главного управления КГБ (внешняя разведка).

Крючков руководил ПГУ уже одиннадцать лет и за это время значительно политизировал его. Двигаясь к этой цели, он вынудил уйти в отставку нескольких заслуженных ветеранов разведки, таких, например, как Борис Соломатин, заменив их преданными ему бывшими партийными функционерами, пришедшими в органы госбезопасности в результате так называемого «партийного набора». Именно эти «варяги», исходя из опыта прежней работы, способствовали тому, что вскоре была предана забвению одна из основополагающих заповедей разведки: «Шпион - не бюрократ. Его дело - добывать документы, а не красиво составлять их». Бывшие партийные чинуши, возомнив себя Лоуренсами Аравийскими и Рихардами Зорге, переставили всё с ног на голову, и, надо сказать, многие из них преуспели и возвысились, имея бойкое перо вместо оперативного дара.

Андросова считали клевретом Крючкова, и многие находившиеся под его началом профессионалы, истоптавшие десятки пар башмаков на крысиных тропах разведки, смотрели на него с презрением, отчасти из-за нелепого инцидента, продемонстрировавшего всему личному составу резидентуры профессиональную несостоятельность их руководителя.

В конце 1983 года Андросову взбрело в голову установить возле своего кабинета огромную карту Вашингтона. Каждому сотруднику, покидающему посольство, предписывалось отмечать булавкой на карте то место, куда он направлялся. Теперь резидент, окинув карту беглым взглядом, мог в любой момент установить, где находятся его бойцы. Эту заведомо негодную инициативу Андросов реализовал без согласования и в отсутствие Черкашина, который отвечал за контрразведывательное обеспечение деятельности резидентуры.

В марте 1984 года Черкашин вернулся из отпуска и при виде карты пришёл в ужас.

«Если среди наших сотрудников заведётся «крот», то ему достаточно будет каждое утро смотреть на карту, и ФБР будет абсолютно точно знать, где в этот день работают наши люди!» - возмутился Черкашин.

Однако после пятнадцатиминутной перебранки он понял, что резидент не в силах расстаться со своей идеей и будет носиться с нею до полного изнеможения, как обезумевшая от горя мать с мертворождённым ребёнком.

Слова Черкашина оказались пророческими, и очень скоро он сумел доказать резиденту собственную правоту.

Дело в том, что полковнику были известны радиочастоты, которыми пользовались в вашингтонском отделении ФБР для поддержания связи с «топтунами», находящимися на «маршруте», то есть ведущими слежку за

офицерами резидентуры.

Слушая переговоры по радио центральной диспетчерской службы Бюро со своими «топтунами», подчинённые Черкашина - сотрудники отдела собственной безопасности - всегда знали, за кем есть «хвост», а за кем его нет.

Проанализировав все сводки радиопереговоров более чем за год, Виктор Иванович пришёл к заключению, что до мая 1982 года ФБР не знало точно, кто именно из служащих посольства является сотрудником КГБ, кто офицером ГРУ, а кто «чистым» дипломатом. Когда в какой-либо из дней ФБР устанавливало слежку за десятью нашими дипломатами, только четверо из них оказывались разведчиками.

Однако с мая процент попадания в «десятку» у ФБР резко увеличился. Самое худшее было то, что нередко «наружка» объявлялась в условленном месте даже раньше нашего разведчика!

Объяснение складывающейся ситуации для Черкашина было очевидно: противнику удалось осуществить агентурное проникновение в резидентуру. И главным свидетельством тому была адресная организация слежки ФБР за нашими разведчиками.

Своими соображениями полковник немедленно поделился с резидентом, но понимания не встретил. Андросов с порога отверг гипотезу, что среди сотрудников действует «крот», и тогда Виктор Иванович провёл эксперимент.

На следующее утро на общем совещании он объявил, что к булавкам на карте будет добавлена ещё одна. Ею будет обозначен некий «особо законспирированный» разведчик, в настоящее время работающий в посольстве под надёжнейшим прикрытием и выполняющий чрезвычайно ответственное задание Центра. Никто, кроме посла, резидента и его заместителя по контрразведке, якобы не знает, кто из сотрудников является этим «суперразведчиком».

Черкашин также оповестил всех, что каждый день будет лично отмечать его местонахождение, чтобы другие сотрудники невзначай не привели фэбээровских ищеек туда, где он работает.

В течение следующей недели Виктор Иванович усердно перемещал спецбулавку по карте. Разумеется, на самом деле никакого «секретного человека из Центра» не было и в помине, ибо делалось всё исключительно в проверочных целях.

Через три дня после начала эксперимента по радио был перехвачен разговор между бригадой фэбээровской «наружки» с центральной диспетчерской. «Топтуны» ожидали «спецсотрудника» на том самом месте, которое Черкашин отметил булавкой. Туда они прибыли, получив задание сделать фотоснимки нового сотрудника резидентуры.

Теперь Черкашин имел на руках все козыри, чтобы убедить резидента, что его идея с картой в корне ошибочна и, кроме вреда, ничего не приносит. Бесспорной оказалась и гипотеза полковника, что ФБР

внедрило в резидентуру своего «крота». Но кто он? Черкашин составил перечень всех сотрудников, работавших в мае 1982 года, и сопоставил его со своим собственным рабочим списком. Имя Валерия Мартынова явно выделялось.

В апреле 1984 года Черкашин представил Андросову множество косвенных доказательств того, что «кротом» может быть Мартынов, а к концу месяца составил проект телеграммы на имя Крючкова о ситуации, сложившейся в резидентуре. В тексте отсутствовали какие-либо фамилии сотрудников, подозреваемых в принадлежности к агентуре ЦРУ и ФБР, не было и предложений по их выявлению. Просто излагались результаты проведённого изучения материалов перехватов радиообмена бригад наружного наблюдения ФБР (но без ссылки на эксперимент!) и найденных радиомаяков в машинах оперработников.

Выводы напрашивались сами - ФБР располагало информацией, которую не могло получать на основе исключительно слежки за нашими разведчиками, а лишь с помощью «крота», инфильтрованного в коллектив резидентуры.

Ознакомившись с телеграммой, Андросов тихо произнёс:

> «Виктор Иванович, не обвинит ли нас Центр в шпиономании и разжигании атмосферы недоверия в разведке? Боюсь, что наши соображения не найдут понимания и поддержки... Моё предложение - не отправлять телеграмму, а подождать до мая, когда из Москвы прибудет с плановой проверкой один из заместителей Крючкова. Вы как, не против?»

На том и остановились.

Когда приехал проверяющий, Черкашин поначалу чувствовал себя окрылённым, полагая, что тот оценит сделанные им разоблачения, но вместо этого заместитель Крючкова схватился за голову и завопил:

> «Вы что, чёрт подери, не знаете, что сейчас творится в Москве?! Да если наружу хоть слово просочится о том, что в вашингтонской резидентуре действует американский шпион, карьере Крючкова тут же придёт амбец, да и весь Первый главк будет опозорен! Вы забыли, что разведка никогда не выносит дерьмо из собственной избы?! Уж лучше пусть кто-то нагадит внутри, чем наружу!!»

Черкашин понял, что паркетные генералы хорошо воюют только под ковром, но так как изменить что-либо было не в его силах, он, мысленно послав резидента и проверяющего в общероссийском направлении, внешне смирился и уступил.

Ларчик открывался просто: двумя месяцами ранее умер Юрий Владимирович Андропов, и Крючков остался без могущественного покровителя. Генеральным секретарём ЦК КПСС избрали давнего соперника Андропова - Константина Черненко, и Крючков был очень обеспокоен тем, что ему придётся оставить пост главы внешней разведки, так как знал, что Черненко готов избавиться от него при малейшем промахе.

В итоге посиделки в кабинете Андросова закончились тем, что заместитель Крючкова велел перевести Мартынова на участок работы, те бы он был лишён допуска к засекреченной информации (легко сказать, но ведь воплотить в реальность это указание невозможно!), и в конце концов - отправить негодяя в Москву, чтобы там с ним разобрались по-тихому.

Таким образом, дворцовые интриги, которые плели Крючков и его приспешники, заставили всех офицеров вашингтонской резидентуры (только ли их одних?!) в течение последующих почти полутора лет ходить по острию лезвия, а изменнику позволили снабжать своих американских хозяев оперативно значимой информацией…

Отозвать предателя в Москву под благовидным предлогом не представлялось возможным, поэтому Виктору Ивановичу ничего не оставалось, как ждать удобного случая…

* * *

Спустя десятилетия полковник Черкашин дал свою оценку казусу с Мартыновым:

> «Допускаю, что Мартынов полностью не представлял себе возможных последствий своих действий. По мнению ФБР и ЦРУ, он пошёл на сотрудничество с ними из-за идеологических расхождений с политикой СССР. Он также не был удовлетворён своей работой в разведке и вынужден был «терпеть» её из-за привилегий, которые, как он считал, ему заслуженно полагались.
>
> Американцы платили Мартынову 200-400 долларов в месяц, что даёт основание предположить, что деньги не были основным мотивом его предательства. В действительности его главной целью было сделать карьеру в системе КГБ, в полной мере обеспечить свою семью, дать детям хорошее образование, чего, как он рассчитывал, можно добиться, сотрудничая с американцами. Говоря проще, он находил вполне приемлемой сделку по схеме: предательство Родины - благополучие семьи. Шпионаж для Мартынова был разновидностью бизнеса, который, полагал он, никогда не будет раскрыт. Он был уверен, что советская разведка просто не в состоянии вербовать в США агентов, способных выявить факт его связи с ЦРУ и ФБР.
>
> Мартынова вряд ли можно характеризовать как особо цепного агента для американских спецслужб. Не считая сведений общего характера и того, что он знал о работе линии «Х» в резидентуре (а она, линия, не была основным объектом внимания ЦРУ и ФБР), Мартынов имел весьма ограниченный доступ к интересующей американцев информации. Передаваемые им материалы не имели никакого отношения к вопросам национальной безопасности или международных отношений СССР. Разведывательная информация, которую он сообщал в ЦРУ и в ФБР - расположение, структура, численный состав резидентуры, режим её работы и т. п., - представляла интерес только разве что для действовавших против нас контрразведывательных подразделений ФБР.
>
> И последнее: горькая ирония предательства Мартынова заключалась в том, что довольно жёсткий и подчас эффективный

контрразведывательный «прессинг» ФБР затруднял нам вести разведывательную работу в Вашингтоне, а это отражалось на положительных результатах резидентуры и, как следствие, ограничивало и его, «крота», собственную шпионскую деятельность, а, значит, и размер его гонорара. Тем не менее, американцы возлагали большие надежды на то, что Мартынов продолжит работать с ними и в будущем, когда займёт более высокое место в иерархии советской разведки.

Когда Эймс в мае, а Хансен в октябре 1985 года подтвердили мои догадки о предательстве Мартынова, я был потрясён, поняв, что он и является тем «кротом», поисками которого я занимался более года. Действительно, с мая 1982-го ФБР стало устанавливать слежку целевым порядком и только за сотрудниками резидентуры, оставив в покое «чистых» дипломатов. Стало ясно, что Бюро располагает точной информацией о ведомственной принадлежности служащих советского посольства.

Вместе с тем, сознание того, что я был прав в моих подозрениях относительно внедрённого в резидентуру «крота» противника, не принесло мне никакого удовлетворения - только горечь и напряжение. Горечь оттого, что теперь мне придётся жить и работать с мыслью, что мой товарищ по службе, который мне даже нравился, продавал меня и всех нас в резидентуре вот уже в течение трёх лет.

Несколько месяцев я бился над проблемой, под каким предлогом отправить Мартынова в Москву.

Самый простой вариант - отпуск. Но он только недавно из него вернулся. Поэтому отправить его в отпуск снова было бы глупо, это вызвало бы у него обоснованное подозрение. Имелись и другие варианты, например, получение награды в Центре за хорошие показатели в работе либо необходимость присутствия в Москве для решения каких-то, неожиданно свалившихся, семейно-бытовых проблем. Но дело всё в том, что разведчик-профессионал Мартынов был прекрасно осведомлён о таких приёмах нашей контрразведки. Он распознаёт малейшую фальшь или несуразность предложения вылететь в Москву и тут же рванёт в ФБР.

Кроме того, затруднительно было контролировать действия членов его семьи, поскольку они все вместе проживали вне жилого комплекса «Айрин», арендуя квартиру в пригороде Вашингтона, и в случае опасности могли быстро исчезнуть.

Следовало также считаться с возможностями американского «хозяина» Мартынова - ФБР, которое постоянно отслеживало обстановку вокруг своего агента, и незамедлительно приняло бы исчерпывающие меры по его спасению, появись на его горизонте что-либо подозрительное.

Вернувшийся из отпуска резидент присоединился к моим поискам вариантов надёжной доставки Мартынова в Москву.

Наши предложения мы направили в штаб-квартиру ЛГУ, где тоже ломали голову над этой проблемой.

Одна из идей состояла в передаче Мартынову на связь агента,

проживающего в Мексике, - там изменника было бы легче нейтрализовать и вывезти в СССР. Но в итоге мы отказались от этой идеи - всё выглядело нелогично и искусственно, а, значит, подозрительно. Ибо, если бы, в самом деле, речь шла о передаче на связь Мартынову нового источника, об этом, учитывая существующую практику, с ним должны были говорить во время его недавнего пребывания в Москве. С другой стороны, даже если бы мы смогли реализовать эту идею с Мексикой, ФБР, несомненно, организовало бы какую-нибудь схему защиты его там. Для начала, например, американцы держали бы его под постоянным наблюдением, предусмотрев для предателя сигналы в случае грозящей ему опасности.

Маскируя нашу осведомлённость о двурушничестве Мартынова, мы, к сожалению, не имели права ограничить его доступ к секретной информации, а остальные сотрудники резидентуры не получили каких-либо указаний по соблюдению повышенных мер безопасности. Не произошло никаких изменений и в устоявшемся распорядке работы резидентуры. Всё шло, как обычно, и Мартынов, как всегда, получал всю оперативную почту, поступавшую в Вашингтон по линии «Х». Он также мог вести любые разговоры на темы, интересующие его американских боссов, со своими коллегами по резидентуре, которые, увы! не догадывались об истинных целях инициатора этих разговоров.

Опыт подсказывал мне продолжать придерживаться прежней линии поведения в отношении предателя, если я не хотел проиграть в этой схватке со спецслужбами противника.

В общем, резидент и я более чем на полгода замерли в ожидании удобного, а главное - оправданного повода, чтобы под убедительным для американцев предлогом отправить Мартынова в Москву.

Как вдруг у ворот жилого комплекса посольства возник Юрченко, и я почувствовал, что Фортуна не только повернулась ко мне лицом, но и схватила меня за руку - ведь теперь я знал, как отправить в Москву предателя Мартынова! Да-да, негодяя и горе-перебежчика Юрченко будет этапировать в столицу нашей Родины не кто-нибудь, а разведчик резидентуры, пользующийся огромным доверием и наделённый большими полномочиями - Валерий Фёдорович Мартынов! Ну, уж вам, коллеги из ФБР и ЦРУ, никогда не догадаться о наших истинных планах - лишь бы, не дай Бог, самому себя на радостях не выдать!

Следующие два дня были самыми напряжёнными. Я должен был проследить, как Юрченко поднимется на борт специально за ним присланного самолёта «Аэрофлота», и что рядом с ним будет находиться Мартынов.

Как вдруг 7 ноября, за два дня до запланированного возвращения Юрченко домой, Мартынов на несколько часов исчез из помещения резидентуры…

Меня пробила лёгкая дрожь. Успокоил я себя тем, что Мартынову необходимо получить напутствия от своих операторов, после чего он непременно вернётся. Так и случилось. К концу рабочего дня Мартынов появился в посольстве и внешне казался невозмутимым. Тем не менее, ночью я глаз не сомкнул. Имитировал Мартынов своё спокойствие? Для

чего - чтобы поверили, что ничего необычного не происходит? Может быть, он планирует сбежать на следующий день?!

Разумеется, для меня было естественно предположить, что Мартынов размышляет о причинах, побудивших руководство резидентуры включить его в команду по сопровождению Юрченко. А может, его спокойствие объясняется тем, что он знает: он ни в коем случае не поднимется на «борт», улетающий в Москву?!

Сомнения, сомнения, сомнения…

…Прибыв в аэропорт, автобус без каких-либо препятствий подъехал прямо к самолёту. Уезжающие стали прощаться. Ко мне, улыбаясь, подошёл Мартынов и протянул руку. Я, пожимая ему руку, по привычке воспитанного человека смотрел ему в глаза. Ни один мускул не дрогнул на моём лице, впрочем, и на его тоже - он по-прежнему улыбался во весь рот…

Это был самый тяжёлый случай за всё время моей работы в разведке. Мартынов, этот милый, уравновешенный и улыбающийся человек, которого мы с женой любили, как родного, - летит на смерть. Должен ли я был так поступать, притворяясь и разыгрывая добросердечие?!

«Хватит, Виктор, слюни пускать! Мартынов - враг, предатель. А ты должен исполнять свой воинский долг!» - прикрикнул я внутренне на самого себя.

…Во время полёта Мартынов, изрядно выпив и захмелев, без конца донимал сидящего через проход пресс-секретаря посольства одним и тем же вопросом:

«Олег Юрьевич, как вы думаете, за благополучную доставку в Москву перебежчика, с которым я вынужден сидеть рядом, мне положен орден или медаль?»

«Я совершенно не знаком с положениями, которыми руководствуется ваше начальство при награждении своих сотрудников, но полагаю, что поощрения вы заслуживаете…»

«Вы, Олег Юрьевич, ответили как настоящий дипломат, спасибо!»

…По пути в Москву самолёт, как обычно, сделал посадку в аэропорту Шеннон в Ирландии для дозаправки. Обычно пассажиры ожидают окончания этой процедуры в здании аэропорта.

«Отставить! Только не в этот раз!» - приказал сотрудник резидентуры КГБ в Ирландии, одетый в форму пилота «Аэрофлота».

Спустя десять часов, 9 ноября самолёт благополучно приземлился в «Шереметьево-2».

Мартынов, как только вышел из самолёта, был «снят» бойцами группы «Альфа» и доставлен в Лефортовскую тюрьму.

Двумя неделями позже жене Мартынова сообщили, что её муж сломал ногу и находится в больнице. Первым же рейсом вместе с детьми она вылетела в Москву.

«Чёрт! - подумал я, - теперь штатники поймут, что их агент

раскрыт и арестован».

Но, как выяснится позже, ничего подобного им в голову не приходило.

ФБР узнало об аресте своего «крота» лишь год спустя. Джим Холт, у которого на связи и находился «Gentile», рассказал мне позже, что Бюро стало проявлять беспокойство в связи с его исчезновением лишь весной 1986 года и, наконец, узнало о его аресте осенью от своего осведомителя. В ФБР была создана специальная комиссия из шести членов под кодовым названием «Anlace», чтобы разобраться в причинах провала Мартынова, Моторина и других своих агентов. Но в сентябре 1987 года, после десяти месяцев безрезультатных усилий обнаружить источник утечки информации, приведший к их аресту, комиссия была распущена.

Я находился уже в Москве, когда над Мартыновым шёл суд, и был вызван в качестве свидетеля обвинения. Он признал себя виновным и дал исчерпывающие показания относительно своей шпионской деятельности.

После того, как изменник был расстрелян, я вместе с рядом других офицеров ПГУ (исключая, разумеется, резидента Андросова) получил выговор за недостаточную бдительность, не позволившую своевременно разоблачить американского агента в вашингтонской резидентуре. Это - единственный выговор в моём личном деле за сорок лет службы в органах государственной безопасности СССР».

Глава 5. Рекордный забег «крота»

Месть - холодное блюдо, со сроком годности 25 лет

7 июля 1986 года на одной из тихих московских улочек бойцами «Альфы» был «снят» генерал-майор в отставке Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР Дмитрий Федорович Поляков, когда он в парадном мундире при всех регалиях направлялся в Военно-дипломатическую академию, чтобы произнести напутственное слово очередным выпускникам, будущим военным разведчикам. Какой фарс! Нет, не фарс, - трагедия. Ведь через некоторое время досье на всех этих выпускников генерал - агент «Топхэт» и «Бурбон» - передал бы в США своим хозяевам. И участь цвета нашего офицерства была бы решена в ФБР или ЦРУ…

Дмитрий Поляков служил американцам не потому, что стал жертвой шантажа и собственного малодушия, отнюдь. Генерал был предателем по убеждению.

Отвергая политические ориентиры советского правительства времён хрущёвской «оттепели», Поляков считал, что руководство СССР незаслуженно попирает и предаёт забвению идеалы сталинской эпохи, за которые он 1419 дней сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Были и другие, более тривиальные причины, побудившие подполковника, а со временем - генерал-майора, служить сначала

американской контрразведке - ФБР, а затем Центральному разведывательному управлению.

Тщеславие все двадцать пять лет, что он «таскал каштаны из огня» для американцев, подпитывало его рвение на шпионском поприще.

А основным побудительным мотивом, толкнувшим Дмитрия Полякова в объятия американских вербовщиков была месть. Месть за погибшего младенца-сына...

* * *

В ноябре 1961 года, когда Поляков работал в нью-йоркской резидентуре ГРУ, в Соединенных Штатах свирепствовала эпидемия гриппа. Младший из его трёх сыновей простудился, получил осложнение на сердце, спасти его мота только срочная дорогостоящая операция. Поляков обратился к руководству резидентуры за материальной помощью, чтобы сына прооперировали в нью-йоркской клинике. Запросили штаб-квартиру ГРУ, оттуда ответили отказом, и младенец умер.

Буквально на следующий день после смерти ребёнка Поляков, озверевший от несправедливости судьбы и начальства, утративший веру в ГРУ и в СССР, предложил свои услуги высокопоставленному офицеру американской армии. Предложение было принято безоговорочно. Вскоре офицер помог Полякову установить контакт с «охотником за скальпами» - вербовщиком ФБР, ищущим потенциальных изменников из числа сотрудников КГБ и ГРУ.

Недолго длившееся сотрудничество с Бюро было прервано в 1962 году Центральным разведывательным управлением США.

Руководство ЦРУ буквально не находило себе места от мысли, что такой ценный источник, каким был подполковник Поляков, используется ФБР не по назначению. Ведь он - кладезь ценнейшей информации!

Джон А. Маккоун, в то время Директор ЦРУ, согласовав с президентом Джоном Кеннеди вопрос об использовании Полякова, немедленно позвонил Гуверу и предложил передать ему на личную связь перспективного офицера ГРУ. Шеф ФБР спорить с «соседом» не стал, понимая, что за его спиной стоит сам президент.

Сделка состоялась. Полякову был присвоен псевдоним «Бурбон», и он сразу попал в разряд особо засекреченных ценных агентов.

Что я натворил - подсчитают потомки...

За 25 лет, что Поляков состоял на службе у американцев, СССР понёс ущерб в десятки миллионов долларов.

В ЦРУ обоснованно считали Полякова одним из самых продуктивных источников. В недрах Управления для анализа материалов, поступавших от Полякова, даже было создано специальное подразделение, едва успевавшее их обрабатывать.

«Топхэт» передал американцам более 100 копий секретных выпусков

журнала «Военная мысль», который публиковался для советского руководства и где излагались состояние, стратегия, тактика и планы Верховного командования СССР. Для своих заокеанских работодателей он выкрал тысячи страниц документов, в которых были даны технические характеристики самого секретного советского оружия.

Работая в резидентурах ГРУ в Бирме, Индии, в Центральном аппарате Генштаба, в Военно-дипломатической академии Советской Армии, «крот» раскрыл своим американским хозяевам принадлежность к внешней и военной разведке около 1500 советских офицеров и около двухсот агентов из числа иностранных граждан. Во время войны во Вьетнаме Поляков предоставил ЦРУ стратегическую информацию о численности, структуре и боеспособности северо-вьетнамских войск.

В начале 1970-х он передал в ЦРУ сведения, что Китай находится на грани прекращения военно-экономического сотрудничества с Советским Союзом. Это помогло Соединенным Штатам «прорубить окно» в КНР. Президент США Никсон и его помощник по безопасности Киссинджер тут же вылетели туда с государственным визитом. И не прогадали! Информация «Топхэта» была с выгодой для США реализована в ходе встреч с китайскими руководителями.

Звание генерал-майора Полякову присвоили в 1974 году. Одним из его покровителей был начальник управления кадров ГРУ генерал-лейтенант Изотов, до этого назначения 15 лет проработавший в аппарате ЦК КПСС. В уголовном деле Полякова фигурируют дорогие подарки, сделанные им Изотову. За генеральское звание, к примеру, изменник своему благодетелю презентовал серебряный сервиз на 12 персон, специально для этой цели купленный ЦРУ…

Генеральский чин обеспечивал Полякову доступ к материалам, которые не были связаны с его прямыми служебными обязанностями. Например, к перечню военных технологий, которые закупались или добывались в ходе наших разведывательных усилий на Западе. По признанию помощника министра обороны США при президенте Рейгане Ричарда Пёрла, у него перехватило дыхание, когда он узнал о существовании 5000 советских программ, использовавших западную технологию для наращивания своего военного потенциала.

За годы службы у ЦРУ «мальчиком, подающим мячи», Поляков «сдал» семь наших «кротов» - шесть старших офицеров США и одного Великобритании, - работавших в пользу СССР.

До сих пор американцы гордятся так называемым «британским делом». И это несмотря на то, что оно было закрыто в конце 1960-х годов.

Поляков передал ЦРУ копии с фотографий, сделанных нашим британским «кротом», которые тот, в свою очередь, переснял с секретных документов, иллюстрирующих действие системы управляемых ракет, состоящих на вооружении армии США.

Изучив снимки, сделанные «Топхэтом», в Лэнгли проследили путь этих документов по инстанциям и выяснили, на каком этапе они попали в

руки нашего агента. Таким образом, ЦРУ вышло на отдел управляемых ракет Министерства авиации Великобритании. Там и работал наш человек - Фрэнк Боссарт. Его арестовали и приговорили к 21 году тюремного заключения.

В этой связи вызывает недоумение, почему в ГРУ так легко смирились с утратой в чрезвычайно сжатый срок - 5 лет - столь большого числа (семи!) своих особо ценных агентов и не провели надлежащего расследования причин их провала.

Ясно одно: пренебрегая кооперацией со Вторым главным управлением КГБ в плане поиска и возможного разоблачения инфильтрованного в свою среду агента противника, ГРУ не смогло самостоятельно установить источник утечки разведывательной информации.

Даже в 1991 году, когда Поляков был уже давно расстрелян, американцы во время войны в Персидском заливе с успехом использовали украденные им сведения, уничтожая иракские противотанковые ракеты советского производства. А они ведь считались недосягаемыми для средств подавления противника.

Выйдя в 1981 году в отставку, Поляков помог американской контрразведке раскрыть нескольких наших разведчиков-нелегалов, заброшенных в США на оседание под видом иммигрантов и уже сумевших натурализоваться, устроиться на работу в американские госучреждения.

Этому способствовала не дьявольская всепроникаемость Полякова, а косность партийно-бюрократической советской системы.

Отставник Поляков продолжал работать в Главном разведывательном управлении освобождённым секретарём парткома. Убывшие в длительные загранкомандировки разведчики-нелегалы оставались на партийном учёте по прежнему месту работы, то есть косвенно были подотчётны предателю: учётные карточки, партвзносы, вопросы отсутствия на партсобраниях и тому подобное. Так что вычислить их как нелегалов для изменника, имевшего к тому же опыт разведывательной работы, труда не составляло. Остальное - дело техники: сигнал «хозяевам» в Штаты, и наши парни, на подготовку которых были затрачены многие годы и мешки денег, «сгорали», как спички…

На одном из допросов «Топхэта» сотрудники Следственного управления КГБ Александр Духанин и Юрий Колесников поинтересовались, не жалко ли ему преданных им нелегалов, молодых русских парней, которых он сначала готовил на специальных курсах, а затем отправил на электрический стул.

Ответ был обескураживающим:

«В этом и заключалась моя работа. Можно ещё чашечку кофе?»

«Ах, стою я на краю, но никогда не упаду!..»

Поляков служил американцам уже 18 лет, как вдруг в 1978 году

попал под подозрение. В тот год сведения о его шпионской деятельности были умышленно слиты в средства массовой информации США начальником контрразведки ЦРУ Энглтоном, который считал, что «Топхэт» подставлен советской разведкой. Вскоре после этого американский журналист Эдвард Эпштейн опубликовал книгу о Ли Освальде, в которой подтверждалась информация Энглтона, полученная журналистами от его источников в ЦРУ и ФБР.

В 1979 году подозрения относительно Полякова подтвердил Хансен, в то время ещё сотрудник нью-йоркского отделения ФБР, когда он наведался в «Амторг».

Невзирая на эти сигналы, Поляков во второй половине 1979 года был направлен в Индию в качестве (!) военного атташе и одновременно резидента ГРУ. Он находился там до июня 1980 года, когда наконец руководство военной разведки обратило внимание на информацию Хансена и отозвало генерала в Москву. Но и после этого он бесконтрольно продолжал работать в штаб-квартире Управления на Хорошевском шоссе. Там отказывались верить, что один из самых заслуженных генералов военной разведки, к тому же участник ВОВ, с первого и до последнего дня проведший на фронте, может быть предателем.

Сведения на Полякова были косвенными, что давало возможность его защитникам утверждать: Хансен - двойной агент, по заданию ФБР пытающийся опорочить ГРУ и дискредитировать его сотрудников. Однако главная причина, почему в отношении Полякова не было предпринято никаких попыток провести расследование, заключается в нежелании руководства военной разведки выносить сор из избы. По этой же причине не был проинформирован и Комитет госбезопасности.

Поляков, узнав через свои связи в руководстве ГРУ, что находится под подозрением, немедленно «лёг на дно» и временно прекратил контакты с ЦРУ. Но затем с помощью новейших средств связи продолжил снабжать американцев информацией о советских военных разведчиках, выезжавших в долгосрочные загранкомандировки.

«Радиовыстрелами» - в десятку!

Казус генерала Полякова во всех отношениях не имел прецедентов в истории отечественных спецслужб.

«Топхэт» не только поставил своеобразный рекорд по длительности работы в пользу противника и по объёму переданной им секретной информации политического и разведывательного характера. Рекорд ещё и в другом - всё это время «кроту» удавалось не попасть в поле зрения нашей контрразведки. Впрочем, последнее обстоятельство вполне объяснимо.

Во-первых, Поляков долгие годы являлся кадровым офицером ГРУ Генштаба ВС СССР, и хотя бы поэтому был досконально осведомлён о методах и приёмах, используемых КГБ в своей деятельности по выявлению агентуры противника. Причём был он не рядовым

оперативным сотрудником - старшим офицером, а затем и генералом. Отсюда - беспрерывный приток информации, который в итоге помогал «Топхэту» не совершать ошибок, а когда надо было, то и «лечь на дно». До лучших времён, разумеется.

Во-вторых, американцы тоже не благодушествовали, а оберегали своего сверхценного источника самыми изощрёнными способами, начиная от мероприятий по дезинформации, призванных отвести от «Топхэта» любые подозрения в проведении им враждебных СССР акций, и кончая применением самой совершенной радиоэлектронной аппаратуры.

С 1980 года, когда «Топхэт» после заграничных вояжей окончательно «стал на якорь» в Москве, американцы для поддержания с ним связи использовали только бесконтактные способы - тайники и радиосредства. Последним отводилась решающая роль, для чего агенту вручили устройство размером с пачку «Беломора», из которого он производил «радиовыстрел» - передачу сведений, длившуюся не более 3-4 секунд.

Предварительно закодировав информацию - страницу машинописного текста, - «Топхэт» засовывал в карман плаща пачку «Беломора», садился в «букашку» или «червонец» - номера троллейбусных маршрутов, проходящих мимо американского посольства на Садовом кольце. Стоило троллейбусу поравняться со зданием дипломатической миссии США, агент нажимал нужную кнопку, и… игра сделана! Поди, попробуй запеленговать - да никогда!

Лишь в редчайших случаях «Топхэт» производил тайниковые закладки. При этом магнитные контейнеры он не только изготавливал собственными руками, но и лично закладывал их на традиционных маршрутах передвижения своих операторов из ЦРУ.

Что касается выемки контейнеров, то эти операции никогда не были для предателя в тягость. За контейнерами он не шёл - летел на крыльях: деньги-то по радио не примешь! И хотя ох и не генеральское это дело, изымать тайники, но разве можно отречься от денег? Недаром сказано: «Не отрекаются любя». Впрочем, справедливости ради надо отметить, что вознаграждение Полякову (по его собственному требованию) американцы редко выдавали валютой или рублями. За 25 лет безупречной службы англо-саксонским хозяевам Поляков в общей сложности получил около 90 тысяч рублей наличными. Вознаграждение, как правило, было в виде ювелирных изделий из драгоценных металлов с бриллиантами, уникальных столярных инструментов и рыболовных принадлежностей. К слову, всё свободное от шпионажа время Поляков что-то строгал, пилил, мастерил либо ловил рыбу…

* * *

Свидетельствует полковник Черкашин:

> «Поляков - один из многих американских агентов, которые были раскрыты и осуждены после вербовки Эймса и Хансена в 1985-м - в «год шпиона». Однако его место особое в этом трагическом и страшном списке, поскольку никто другой из остальных не занимал столь

высокого положения в иерархии советского разведывательного сообщества и никому так долго, и так эффективно, не удавалось шпионить в пользу нашего противника.

Случай с Поляковым уникален, поскольку ему удалось, сотрудничая с ФБР и ЦРУ, избежать ареста в течение двадцати пяти лет. Разумеется, это к вопросу о профессионализме работавших с ним сотрудников спецслужб США и неэффективности наших органов государственной безопасности».

* * *

Бывший американский спецслужбист Пит Эрли в одной своей публикации утверждал, что «Топхэт», будучи задержанным, попросил доставить его на приём к председателю КГБ СССР Виктору Михайловичу Чебрикову, которому якобы в беседе с глазу на глаз поставил условие: он чистосердечно рассказывает всё о своих «деяниях», а Комитет не преследует его семью.

Можно смело утверждать, что версия Эрли - не более, чем трогательная святочная сказочка, ибо в те времена изменнику путь был заказан везде, кроме, разумеется, следственного изолятора в Лефортово и расстрельной камеры.

Да и сам ультиматум Полякова смахивает на торг, что тогда совершенно было исключено. Спецслужбы торговались, выручая лишь своих кадровых сотрудников. Предателей никто не пытался выручить. Дорога у них была лишь в тюрьму или на эшафот.

Правда, в XXI веке ситуация изменилась кардинальным образом, но это уже совсем другая история…

Глава 6. «Командовать парадом буду я!»

На начальной стадии сотрудничества неожиданным камнем преткновения стало разное видение резидентурой КГБ и Хансеном способов связи.

По выверенной десятилетиями практике советской разведки сотрудники резидентуры всегда сами подбирали места для тайников и сигналов для агентов, и, как правило, вели всю подготовительную работу. На этот раз всё было ровно наоборот. Резидентуре оставалось лишь закладывать тайники и проставлять сигналы.

Действительно, стоило лишь полковнику Черкашину заикнуться о том, что места для тайниковых операций будут подбираться резидентурой, как новобранец тут же заявил: *«Ну уж нет! Я не собираюсь в костюме ползать на четвереньках и шарить в грязи».*

Таким образом, он давал понять полковнику, что желает иметь железную легенду по каждому своему движению.

Черкашин возразил: *«Делайте так, как скажем мы».*

На что Хансен ответил: *«Нет, это Выбудете делать то, что скажу вам*

Я!»

На практике же связь осуществлялась так.

Сотрудники резидентуры находили места для закладки тайников, а Хансен одобрял их или отвергал. Первый тайник для Хансена был заложен на противоположной стороне улицы, где находился его дом. Остальные закладки делались на расстоянии нескольких километров от него.

Обычно Хансен сначала ставил сигнал, затем закладывал тайник. Кто-то из сотрудников резидентуры фиксировал сигнал, вынимал вложение, оставляя для агента новую закладку, и уезжал - всё делалось «в одно касание». Хансен возвращался, зачищал тайник, ставил об этом сигнал и этим заканчивал свой этап операции.

Таким образом, для резидентуры операция состояла из одного этапа, тогда как Хансену приходилось преодолевать от четырёх до пяти: прочитать сигнал, заложить тайник, изъять вложение, уехать, затем на следующий день приехать и проверить сигнал о выемке вложения.

Действительно, такая организация работы минимизирует риск для сотрудников резидентуры и делает его максимальным для агента. Никто в мировой разведывательной практике до этого так не работал. Такой способ работы придумал Хансен. А уж он-то, как никто другой, знал, как тщательно фиксируется каждый шаг советских разведчиков, в то время как сам он был бесконтролен и свободен в своих передвижениях.

Таким образом, с высоты накопленного опыта в работе с Хансеном сегодня можно уверенно утверждать: предложенный им способ общения через тайники являлся оптимальным для обеих сторон.

Черкашину, однако, показалось, что новобранец исходит только из личного опыта, в то время как у КГБ - богатые традиции! Поэтому в своём письме Хансену он попытался выяснить, как далеко можно пойти в плане навязывания ему своих условий и правил работы с ним. И хотя подобранное Хансеном место тайниковой операции не вызывало возражений, тем не менее для резидентуры оно было новым и неизученным.

В связи с этим Хансену были предложены несколько других мест, которые находились в резерве у резидентуры, ею самой подбирались, а их особенности были хорошо известны сотрудникам.

Кроме того, Черкашин высказался за использование более сложной системы обмена сообщениями, включая применение технических средств, в частности, так называемых «импульсных радиопередатчиков», позволяющих «выстреливать» сигналы короткими и мощными «залпами», которые практически невозможно запеленговать.

В московском Центре внимательно следили за препирательствами сторон. Там о Хансене уже начало складываться ошибочное мнение, что он хочет вести себя, как породистый английский аристократ, свысока взирающий на вульгарно пахнущих деньгами купчиков из советской

разведки.

Компромисс был достигнут благодаря выдержке и гибкости Черкашина. Полковник интуитивно почувствовал, что лучший способ обеспечения безопасности потенциального агента состоит в том, чтобы согласиться со всем, что он предлагает. Если он хочет сам определять правила и способы работы с ним, резидентура не будет тому препятствовать. Её будет интересовать самое главное - получение от него ценной разведывательной информации.

Оставалась нерешённой денежная сторона дела. За свои услуги «Источник» запрашивал 100 000 долларов, что для первого раза было очень большой суммой. Да, он передал первоклассную разведывательную информацию, но в КГБ уже были известны и успешно разрабатывались те шпионы, которых он выдал. И ещё одно: рано или поздно - лучше рано - нужно было установить пределы навязывания резидентуре его условий. Как раз запрашиваемая им сумма и была поводом сделать это безотлагательны.

По согласованию с Центром остановились на половине суммы, в которую оценил свои услуги «Источник». Резидентура сделала тайниковую закладку, агент успешно её изъял, о чём и поведал в отправленном 8 ноября 1985 года на адрес Дегтяря письме:

> «Спасибо за 50 000 долларов. Я также признателен за Ваше мужество и упорство, которые помогли Вам преодолеть общеизвестные бюрократические препоны, характерные для Вашей организации. Я бы не пошёл на контакт с Вами, если бы не знал, что Вы пользуетесь уважением в этой организации, которую я изучал много лет. Я ожидал, что Вы предложите свою схему работы со мной. Я пошёл на использование почты в рамках неизбежного риска и не намерен больше прибегать к этому каналу связи для передачи ценной информации. Я сделал это только для того, чтобы Вы убедились в серьёзности моих намерений, чтобы Вы правильно оценили мою долгосрочную привлекательность для Вашей организации, а также, чтобы сразу установить необходимый уровень безопасности в наших взаимоотношениях».

Письмо Хансена в какой-то степени дало ответ на причины, которые повлияли на принятие им решения о сотрудничестве с КГБ.

> «Что касается денег, то мне не требуется больше 100 000 долларов, да я и не знаю, как их использовать. Это только лишняя головная боль для меня, поскольку я не могу эти деньги свободно потратить, спрятать их куда-нибудь в кубышку, или легко вложить в какое-нибудь дело без риска их обнаружения с пометкой «внимание - грязные деньги наркоторговли». Возможно, в будущем я приобрету немного драгоценных камней для моих детей, а также, возможно, в качестве жеста доброй воли, когда придёт время, вы воспользуетесь моими услугами в качестве приглашённого лектора. Ну и напоследок - мне нужен план побега на случай чрезвычайных обстоятельств - ничто не длится вечно».

Письмо не оставляло сомнений в том, что мотивы сотрудничества

«Источника» с советской разведкой носят чисто профессиональный характер. Он либо не удовлетворён своей работой, либо она ему смертельно надоела.

Легко распознаваемый менторский тон письма подсказывал, что Хансен считает себя профессионалом высокого класса и не может отказать себе в удовольствии этим покрасоваться.

В письме также присутствовали дополнительные признаки того, что автор - не просто сотрудник ФБР, а принадлежит именно к контрразведывательной элите Бюро.

Что касается предателей, о которых КГБ в мае текущего года уже известил Эймс - Южина, Моторина и Мартынова, то о них «Источник» сообщил следующее:

> «Я не могу предоставить документально подтверждённые доказательства, поскольку сейчас это может вызвать подозрения. Тем не менее, мои сведения базируются на моём опыте работы и умении обобщать данные, к которым я имею доступ. Имена стали известны мне в рамках моих служебных обязанностей как одному из ограниченного числа сотрудников, которые имеют допуск к информации строго определённой категории. Существуют вполне обоснованные обстоятельства задавать некоторые конкретные вопросы. На этих ребят были потрачены серьёзные деньги. Один из них прятал деньги в сумку с двойным дном, когда уезжал в отпуск домой».

В конце письма «Источник» сообщил некоторые подробности новых технических средств для прослушивания советских учреждений, которые были разработаны Агентством национальной безопасности после соответствующего задания ФБР.

Хотя агент отверг все варианты работы с ним, полковник Черкашин и Центр ничего не имели против того, что он сам будет определять правила работы. С этим пришлось смириться, забыв об уязвлённой гордости. Главное было в том, что советской разведке, как и в случае с Эймсом, опять повезло, и работу начали вести на самом высоком уровне!

Глава 7. «Вашингтонский тоннель»

Информация, переданная Хансеном за время сотрудничества с нами, оценивается в десятки миллиардов долларов. Комитет госбезопасности СССР, а затем Служба внешней разведки Российской Федерации получили от агента тысячи документов, преобладающее большинство которых было на 27 дискетах, переписанных непосредственно с компьютерных серверов Федерального Бюро расследований.

Разведданные, предоставленные Хансеном, помогли нам раскрыть ряд чрезвычайно дорогостоящих и технически совершенных программ Агентства национальной безопасности по перехвату и подслушиванию, из которых самой шокирующей для нас явился тоннель под советским посольством в Вашингтоне, сооружённый АНБ при помощи ФБР.

Опыт показывает, что ведущие англосаксонские спецслужбы -

Центральное разведывательное управление США и Сикрет Интеллидженс Сервис Англии - имеют традиционное пристрастие к «землеройным операциям». Взять хотя бы операцию «Золото».

Операция «Золото»

Со времён библейского персонажа Раав-блудницы - содержательницы постоялого двора в Иерихоне, которая прятала соглядатаев Иисуса Навина, за что она и её род были помилованы при уничтожении города, - самую ценную информацию и помощь разведка получала от так называемых *агентов проникновения,* или, выражаясь языком англоговорящих спецслужбистов, - «кротов», которые в силу разных причин работали на противника.

Долгое время явное превосходство в этой области было за советской стороной. Почему?

Во-первых, в начале 1950-х годов Советский Союз был признанным оплотом коммунизма, способным находить поддержку у многих иностранных граждан, которых привлекали его цели и идеалы. Ничто не заставило бы их предать свою страну в пользу национальных интересов другого государства, но по идейным соображениям они были готовы работать на СССР. У Запада такого преимущества не было.

Во-вторых, Советский Союз с самого его основания был осаждённой крепостью. Поэтому, чтобы оградить себя, он должен был развивать такую систему безопасности, которая препятствовала бы тому, чтобы западные разведслужбы могли войти в контакт с теми советскими гражданами, которые захотели бы на них работать.

Столкнувшись с изложенными проблемами в первые годы «холодной войны», изобретательные головы западных разведсообществ напряжённо обдумывали пути и средства их преодоления. Разумеется, при этом никто не собирался отказываться от традиционных способов добычи информации с помощью «человеческого фактора», то есть с помощью агентуры, в том числе и «кротов» в советских спецслужбах, но приоритет тем не менее отдавался техническим средствам.

Операция «Золото», наиболее успешная из всех проведённых ЦРУ «подземных операций», возникла не на пустом месте и имела своих, хотя и менее знаменитых, «сестёр». Предыстория её такова.

В СИС одним из поборников технической разведки был некто Питер Ланн, сын сэра Арнольда Ланна, магната туристического бизнеса Великобритании. Как и многие другие интеллектуалы, переведённые на нестроевую службу и не обученные маршировать строем, Ланн пришёл в СИС во время войны.

Невысокого роста и хрупкого телосложения, он производил впечатление человека робкого и застенчивого. На самом же деле это был борец, нацеленный только на победу. Недюжинные природные способности, сильная воля и трудолюбие вскоре выдвинули его в первые ряды преуспевающих офицеров разведки, которые быстро продвигались

по служебной лестнице. В 1950 году он был назначен резидентом британской разведки в Вене, где воочию убедился в трудностях проникновения к русским секретам, в частности, в штаб Советских Вооружённых сил.

Однажды, вскоре после своего назначения, он, просматривая кипу донесений от своего осведомителя в Австрийской Телефонной Службе, сделал для себя неожиданное открытие: несколько телефонных кабелей, реквизированных Советской Армией и связывающих штаб советских войск в Вене с некоторыми соединениями, аэродромами и другими важными объектами, проходили через английскую и французскую зоны оккупации. Решение созрело мгновенно. Подключившись к этим линиям и записывая разговоры, можно извлечь бесценную информацию! Разумеется, в прослушивании телефонов не было ничего нового, но раньше такие мероприятия проводились в отношении отдельных подозреваемых и в основном в целях безопасности. Прослушивание же целых линий, используемых иностранными вооружёнными силами, было совершенно новым и многообещающим направлением шпионажа.

Детальное изучение кабельной сети и местности, по которой она была проложена, показало, что наиболее удобным пунктом, где можно было устроить пост прослушивания, является здание британской военной полиции, как раз напротив которого, буквально в шести метрах, залегал телефонный кабель, связывающий советский военный штаб в Вене с аэродромом в Швехате.

Согласно разработанному плану, из подвала полицейского участка был прорыт небольшой тоннель, установлено ответвление от кабеля и оборудован «пост прослушки» с необходимой записывающей аппаратурой.

Успех операции превзошёл все ожидания и воодушевил инициатора на установку звукозаписывающей техники ещё на двух советских линиях связи.

К концу 1952 года материал, получаемый из этих трёх источников, первый из которых имел кодовое название «Конфликт», обеспечил устойчивый приток ценной разведывательной информации.

Ещё одна подобная операция, известная под кодом «Сладости», направлялась из здания, занятого английской фирмой бижутерии. Фирма держалась на плаву благодаря финансовым поступлениям от разведки и выполняла роль прикрытия. Столичные модницы, посещавшие магазин, разумеется, понятия не имели, что прямо у них под ногами магнитофоны записывают телефонные разговоры высших военных чинов советского штаба.

Наконец, третья операция «Лорд» велась из элегантной виллы в одном из фешенебельных предместий Вены, хозяевами которой для окружающих являлась молодая привлекательная супружеская пара англичан-рантье, которые в действительности были офицерами СИС.

Все три операции являлись составными частями одного масштабного

технического мероприятия под кодовым названием «Серебро».

Материал, полученный в результате проведения перечисленных операций, со временем достиг такого объёма, что среди высших чинов британской разведки быстро распространилась вера во всесилие технических мероприятий и пренебрежение к агентурной разведке, как к какому-то анахронизму и едва ли не пережитку прошлого.

Неудивительно, что очень скоро сотрудники ЦРУ решили взять на вооружение наработки своих английских коллег из СИС.

…Осенью 1953 года в Лондоне были проведены несколько совещаний представителей ЦРУ и СИС, разработчиков операции по прокладке тоннеля, которая получила кодовое название «Золото». На одном из совещаний присутствовал наш агент «Диомид», он же - кадровый офицер СИС Джордж Блейк, который подробно проинформировал московский Центр о подготовке строительства тоннеля.

В августе 1955 года ЦРУ и СИС подключились к нашим линиям связи и начали записывать передаваемую по ним секретную информацию.

Всего в ходе операции «Золото» было записано около 500 тысяч секретных переговоров.

ЦРУ получило сведения о советских политических акциях и намерениях, касающихся статуса Берлина, об отношениях СССР с западными оккупационными властями, а также данные о дислокации многих войсковых частей и подразделений. Кроме того, американцам стали известны некоторые аспекты советской атомной программы, так как по прослушиваемым каналам связи передавалась информация о работе сверхсекретного предприятия «Висмут», добывавшего в ГДР урановую руду.

Самый большой урон был нанесён военной разведке. ЦРУ стали известны не только имена и прикрытия, под которыми действовали около 400 офицеров Главного разведывательного управления, но и проводимые ими масштабные агентурные операции на территории Западного Берлина и ФРГ.

В результате операции «Золото» арсеналы главного противника пополнились информацией о разведуправлении Закавказского военного округа и его подразделениях, дислоцированных на границе с Турцией и Ираном. Кроме того, «подземное мероприятие» позволило американским и английским спецслужбам добыть данные о частях связи особого назначения ГРУ, занимавшихся перехватом и расшифровкой радиосообщений западных оккупационных войск в Западном Берлине и ФРГ.

Берлинский тоннель был «случайно» обнаружен в 1956 году только после того, как агент «Диомид» был переведён в подразделение СИС, не имевшее отношения к операции «Золото». И хотя Кремль пытался использовать «подземные проказы» спецслужб Запада в своих пропагандистских целях, эффект оказался совершенно обратным -

западные средства массовой информации раструбили на весь мир о триумфе ЦРУ.

Результаты операции «Золото» воистину можно считать золотыми для ЦРУ и СИС.

…Успехи ЦРУ и СИС на ниве добывания сведений военного и политического характера, составлявших государственную тайну СССР, остаются на совести бывших руководителей Первого главного управления КГБ при СМ СССР. Ради зашифровки агента «Диомид» они скрыли от высшего руководства страны и Министерства обороны предоставленную им информацию, чем нанесли колоссальный урон нашей обороноспособности и государственным интересам Советского Союза в целом.

Зная подробности истории с операцией «Золото», нельзя быть уверенным, что желание обеспечить безопасность Хансена опять не перевесило необходимость сохранения государственных секретов…

«Вашингтонский тоннель»

«Вашингтонский тоннель» был образцом электронного чуда, напичканным «под завязку» самой совершенной аппаратурой, позволявшей американцам прослушивать разговоры, ведущиеся на территории и в здании посольского комплекса. Для его строительства были использованы специальные конструкционные материалы, хорошо проводящие звук.

Работы по прокладке «вашингтонского тоннеля» начались в конце 1970-х годов с подбора фирм-подрядчиков. Их искало по всей территории США, а затем оценивало на конкурсной основе специальное подразделение ФБР. Одновременно с тоннелем в районе Висконсин-авеню и Тунло-роуд возводилось и новое здание советского посольства.

Начинался тоннель в одном из жилых домов по соседству с посольским комплексом. Проектная стоимость строительства не превышала 450 миллионов долларов. Но затем, когда подрядчикам пришлось решать не предусмотренные сметой задачи по протечке воды, по скрытному вывозу грунта и т. п., стоимость тоннеля взлетела до небес. По свидетельству всезнающих местных репортёров, общие затраты на реализацию этого проекта обошлись американскому налогоплательщику в миллиард долларов!

В 1979 году, только-только наши дипломаты стали обживать кабинеты частично построенного здания посольства, стартовала американская пропагандистская кампания по обвинению СССР в использовании нового посольского комплекса, расположенного в одном из самых высоких мест Вашингтона, для сбора разведывательных данных при помощи радиоэлектронного оборудования.

Более того, Советский Союз обвинили и в установке прослушивающей аппаратуры в новом здании посольства США в Москве.

По устному указанию Михаила Горбачёва этот факт в декабре 1991

года подтвердил Вадим Бакатин, последний председатель КГБ СССР, распорядившийся передать американцам (как оказалось впоследствии, безвозмездно!) всю документацию о наших «жучках» в их дипмиссии на улице Чайковского.

Эти два обвинения американской стороны, возникшие синхронно, были этапами одной операции, спланированной и проводимой ФБР и ЦРУ, целью шторой являлась отсрочка переезда советской дипломатической миссии в новое здание. Действительно, отделочные работы в помещениях корпуса были закончены лишь в 1992 году, аккурат к окончанию монтажных работ и наладки прослушивающей аппаратуры в тоннеле!

На полную мощность подземный электронный монстр заработал в середине 1980-х годов и функционировал вплоть до 1995 года. Когда сдавали тоннель в эксплуатацию - веселились, подсчитали дивиденды - прослезились. Ведь мало того, что на строительство тоннеля был потрачен целый миллиард, в будущем предстояли ещё амортизационные потери аппаратуры, её обслуживание, обходившееся в копеечку (в полновесный цент!), и расходы на содержание штата высококлассных техников-смотрителей, и прочая, прочая, прочая, что также требовало огромных финансовых затрат! Словом, к концу последнего десятилетия XX века в ФБР и ЦРУ поняли, что овчинка выделки не стоит, потому что, как это было вскользь указано в июньском 1994 года меморандуме ЦРУ, *«перехватываемая с помощью тоннеля информация не соответствует действительности».*

Столичная газета «Вашингтон пост» была и вовсе безапелляционна:

> «До середины 1990-х годов на поддержание дееспособности тоннеля тратились огромные деньги, хотя задолго до этого уже появились подозрения, что перехватываемые с его помощью сведения - сплошь дезинформация русских. Как пояснил нам один высокопоставленный республиканец: «этот экстраординарный проект попросту накрылся медным тазам»».

«Жучок» в Государственном департаменте США

В феврале 1995 года Хансен получил самое ответственное назначение за всё время службы в силовых ведомствах - должность официального представителя ФБР в Государственном департаменте Соединенных Штатов Америки.

Под эгидой Управления иностранных представительств Госдепа он шесть лет занимался вопросами контрразведывательного обеспечения как собственно внешнеполитического ведомства США, так и его посольств за рубежом. В обязанности Хансена входила также организация контроля над передвижением по территории страны сотрудников иностранных разведок, действующих под дипломатическим прикрытием.

В конце 1990-х годов Хансену удалось установить подслушивающее устройство в конференц-зале Госдепартамента, расположенном вблизи кабинета госсекретаря Мадлен Олбрайт. Таким образом, почерпнутые агентом в беседах с дипломатами сведения дополнялись информацией,

полученной в ходе технического контроля.

Когда в декабре 1999 года сотрудники отдела собственной безопасности госдепа обнаружили это устройство, разразился громкий скандал. Он приобрёл характер цунами после того, как у входа в здание госдепа агентами ФБР был задержан Станислав Гусев, второй секретарь российского посольства в Вашингтоне, который по долгу службы регулярно появлялся в этой синекуре. Подозрение ищеек Бюро он вызвал тем, что умудрился несколько раз запарковать свой автомобиль в *«несвойственной дипломатам манере». 9* декабря Гусев был объявлен персоной non grata и в 24 часа выслан из страны.

Несмотря на все усилия, подозрения ФБР об авторстве подслушивающего устройства ничем не удалось подтвердить даже после того, как Бюро через шесть месяцев закончило проверку всех лиц, когда-либо посещавших седьмой этаж госдепа.

Что касается обнаруженного устройства, то эксперты ФБР пришли к выводу, что ничего подобного в пределах Соединенных Штатов не могло быть произведено, уж слишком замысловатой была «игрушка».

Под подозрение сразу же попали российские разведчики. И неспроста. Даже в 1990-е годы в ФБР хорошо помнили, как в середине 1940-х в результате многоходовой операции в кабинет Аверелла Гарримана, американского посла в Москве, был внедрён «жучок», который 8 лет поставлял нам информацию, да так успешно, что Сталин узнавал о принятых решениях в ходе секретных посольских совещаний раньше американского президента!

Герб США работал на СССР

16 ноября 1933 года были установлены дипломатические отношения между СССР и США, и с тех пор советские контрразведчики не прекращали попыток проникнуть в здание американского посольства в Москве. Натиск усиливался с приближением Второй мировой войны.

В 1938 году очаровательным агентессам 2-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР - в основном из балерин Большого театра - удалось наладить интимно-деловые отношения с рядом американских дипломатов. Одновременно морские пехотинцы, охранявшие здание посольства, постоянно, без физических для себя увечий, «подрывались» на энкавэдэшных секс-бомбах - молодых привлекательных преподавательницах русского языка.

В ходе массированных ударов по сердцам американцев, падких до дармовой «клубнички», «садовникам» из НКВД стало известно, что наиболее охраняемой зоной в посольстве являются верхние этажи, доступ на которые строжайше контролировался. Там размещались кабинеты политического отдела госдепа, военных разведчиков, шифровальщиков, сотрудников отдела собственной безопасности и, наконец, рабочий кабинет посла.

Попытки НКВД проникнуть в спецзону американского посольства с

целью установки там подслушивающих устройств приобрели маниакальный характер вслед за информацией, поступившей в сентябре 1941 года от агента 5-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР «Старшина». Согласно полученным от него данным, американский военно-воздушный атташе в Москве являлся германским агентом. Он передавал разведывательные сведения немцам, получаемые им от своих связей в СССР, и в первую очередь от американских граждан, работавших в советской промышленности.

Как бы ни была оперативно значима информация, поступавшая из кабинетов первых двух этажей посольства США, Сталин по возвращении с Тегеранской конференции поставил перед Берией задачу во что бы то ни стало проникнуть в рабочий кабинет посла - Аверелла Гарримана, - так как все секретные совещания, на которых принимались наиболее важные для советской стороны вопросы, проводились именно там.

* * *

17 декабря 1943 года Берия доложил Хозяину, что микрофон уникальной конструкции создан и успешно прошёл испытания. Дело по его внедрению застопорилось из-за неприступности кабинета посла. Даже организованный накануне с помощью «ласточек» - агентесс-обольстительниц, - вхожих в здание посольства, грандиозный пожар не способствовал проникновению туда сотрудников НКВД под видом пожарных. Охрана была непреклонна: *«Пусть всё сгорит, но вход посторонним именем президента Соединенных Штатов запрещён!!»*

Сталин, выслушав Берию, напомнил собеседнику, что «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». Затем, в свойственной ему фамильярно-снисходительной манере, неожиданно спросил: *«Лаврентий, ты что-нибудь слыхал о Троянском коне?»*

Под Троянским конём Сталин подразумевал - и Берия это мгновенно понял - изготовление подслушивающего устройства, закамуфлированного под какой-нибудь предмет, который, будучи вручён Гарриману, остался бы в его кабинете.

...Через час в приёмную наркома внутренних дел были доставлены десятка два сувениров из дерева, кости и кожи. Особо выделялись большой щит скифского воина, изготовленный из чёрной ольхи, двухметровые бивни мамонта, телефонный аппарат «Эрикссон» из слоновой кости, подаренный Николаю II шведским королём, а также метровой высоты корзина для бумаг, сделанная из предколенья слоновой ноги. Отлично выдубленная, она выглядела настолько натурально, что возникало непреодолимое желание поискать взглядом самого слона.

Осмотрев экспонаты, Берия вызвал для консультации академиков Акселя Берга и Абрама Иоффе, под чьим руководством группа высочайшей квалификации технарей из оперативно-технического управления НКВД занималась разработкой, производством и испытанием уникального микрофона. Мировая практика создания и использования аппаратов, «снимавших» чужие государственные секреты, ничего

подобного не знала.

Это было пассивное подслушивающее устройство: ни элементов питания, ни тока - ровным счётом ничего, что могло быть обнаружено с помощью имевшихся на вооружении специалистов мира того времени технических средств.

Устройство, похожее на головастика с маленьким хвостом, приводилось в действие источником излучения микроволнового сигнала, который заставлял рецепторы головастика резонировать. Голос человека влиял на характер резонансных колебаний устройства, позволяя осуществлять перехват слов. Микрофон мог действовать сколь угодно долго. Микроволновые импульсы подавались головастику чрезвычайно энергоёмким генератором с расстояния до трёхсот метров. Приём, расшифровка и запись на магнитную ленту возвращающихся колебаний осуществлялись другим уникальным устройством, расположенным на одной линии с передающим генератором. Чтобы передающиеся и принимаемые импульсы не накладывались, вся геометрическая фигура должна была иметь форму равнобедренного треугольника.

Генератор и аккумулятор микроволн были установлены на верхних этажах жилых зданий слева и справа напротив здания американской дипломатической миссии. Жильцов, разумеется, выселили. Освободившиеся коммунальные квартиры заняли специалисты из оперативно-технического управления НКВД, обслуживающие приёмо-передающую аппаратуру. Однако, в целях зашифровки, на балконах, выходящих на американское посольство, по-прежнему вывешивалось для просушки бельё, женщины (сержанты госбезопасности) по воскресеньям вытряхивали коврики и одеяла, в буквальном смысле слова пуская пыль в глаза офицерам безопасности посольства, ответственным за изучение оперативной обстановки в окружении дипломатической миссии США в Москве.

Микрофон носил кодовое название «Златоуст». Следует отметить, что ни руководители-разработчики, ни конкретные изготовители микрофона не знали, против кого он будет работать. Им было лишь известно, что работать он будет на государственную безопасность СССР.

Вызванным академикам предстояло дать заключение, возможно ли вмонтировать «Златоуст» в один из находившихся в кабинете наркома экспонатов. Оба через минуту в один голос заявили, что вмонтировать их детище в предлагаемые сувениры невозможно. Пояснили, что конструктивные особенности микрофона требуют, чтобы сувенир был приспособлен к нему, а не наоборот. Исходя из этого, настояли на монтировании микрофона одновременно с изготовлением подарка. И такой подарок был изготовлен.

Троянский конь в американском стане

4-11 февраля 1945 года в Ялте проходила Крымская конференция «Большой Тройки» - Сталина, Рузвельта и Черчилля, - на которой принимались судьбоносные для послевоенной Европы решения. В это же

время там решалась и судьба Лаврентия Берии, - быть ли ему маршалом. Такова была воля Хозяина. Маршальский жезл уже натёр мозоль меж лопаток наркома, но вождь был непреклонен: *«Микрофон - в кабинете посла, маршальские эполеты - на твоих плечах, Лаврентий!»*

...Сцену вручения «Златоуста» американскому послу нужно было обставить соответствующими декорациями. Для этого на 9 февраля назначили открытие пионерской здравницы «Артек», празднование двадцатилетия его основания и вручение ему ордена Трудового Красного Знамени.

Накануне, 8 февраля, заместитель председателя Совнаркома нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов в присутствии Сталина вручил Франклину Рузвельту и Уинстону Черчиллю приглашение от детей, приехавших в лагерь, посетить их в день открытия «Артека». Желание пионеров видеть на своём празднике президента и премьера стран-союзниц было выражением их глубокой благодарности за помощь, оказанную детям СССР в годы войны.

Расчёт «Малой Тройки» - Сталина, Молотова и Берии - строился на том, что ни Рузвельт, ни Черчилль, при всём их возможном желании, не возьмут развлекательный тайм-аут во время и без того затянувшейся Крымской конференции. И хотя Ялту и «Артек» разделяли всего 18 километров, в годы войны требовалось около двух (!) часов, чтобы преодолеть это расстояние по разбомблённому шоссе.

Знали крючкотворцы из «Малой Тройки» также и то, что ни Эдвард Стеттиниус, ни сэр Энтони Иден - министры иностранных дел США и Великобритании - также не смогут оставить своих шефов хотя бы на время поездки в пионерлагерь.

Следующими по рангу кандидатами на поездку к детворе могли быть только посол США в Москве Аверелл Гарриман и его коллега из Великобритании - сэр Арчибальд Джон Кларк Керр. Последние были лишены возможности перепоручить выполнении миссии кому-либо из своих заместителей, так как указание навестить русских детей получили из уст Рузвельта и Черчилля.

...Сталин в очередной раз доказал, что является непревзойдённым режиссёром-постановщиком политических спектаклей со шпионскими мизансценами. В Ялте он сыграл ещё одну победную партию (нет-нет, речь идёт не о результатах Крымской конференции - они всем известны), в которой он манипулировал президентом Соединенных Штатов и премьер-министром Великобритании, как проходными фигурами.

...Кортеж машин с иностранными гостями, возглавляемый громадным чёрным «хорьхом» Лаврентия Берии, въехал на территорию «Артека» и медленно двинулся к дружине «Сталинские соколята», где должна была состояться встреча послов с пионерами. Было много музыки, улыбок и, несмотря на зиму, свежесрезанных роз, доставленных военным самолётом из Сухуми. Охраняли присутствующих два батальона офицеров НКВД, спешно переодетых пионервожатыми.

Под конец торжественной встречи Аверелл Гарриман передал пионерам подарок правительства Соединенных Штатов - чек на десять тысяч долларов. Сэр Арчибальд Керр - на 5 тысяч фунтов стерлингов. В это время оркестр грянул американский гимн «Звёздное знамя», и хор настоящих пионеров запел его на английском языке. Гарримана прошибла слеза. В тот же миг четверо пионеров внесли огромный, сверкающий лаком, деревянный... герб Соединенных Штатов Америки. Под бурные аплодисменты директор «Артека» вручил послу паспорт-сертификат герба, подписанный Всесоюзным старостой Михаилом Ивановичем Калининым.

Валентин Бережков, личный переводчик Сталина, переводил иностранцам содержание сертификата: сандал, самшит, секвойя, слоновая пальма, парротия персидская, красное и чёрное дерево, чёрная ольха - именно из этих ценнейших пород был выполнен герб.

Потерявший от восторга дар речи Гарриман, едва ли не первый раз в своей коммерческо-дипломатической практике, сказал то, что думал: *«Куда мне его девать?.. Где держать?... Я же глаз от него не могу оторвать!»*

Бережков, получивший необходимый инструктаж от Лаврентия Берии накануне вечером, будто невзначай заметил: *«Да повесьте у себя в рабочем кабинете... Англичане умрут от зависти»,* - это уже было сказано вполголоса, чтобы не расслышал сэр Арчибальд Керр.

...Так в феврале 1945 года «Златоуст», обрамлённый гербом Соединенных Штатов, благополучно оказался на сверхсекретном этаже здания американского посольства в Москве.

Операция НКВД под кодовым названием «Исповедь» по прослушиванию совещаний, проводимых послами, началась. Послами? Да! «Златоуст» проработал восемь лет, пережив четырёх послов.

Примечательно, что каждый вновь назначенный глава американской дипломатической миссии в Москве стремился полностью - от чернильного прибора и пресс-папье до паркета на полу - поменять интерьер доставшегося от предшественника кабинета. Несменяемым в помещении оставался только герб. Его художественное совершенство действовало гипнотически на американских высших дипломатов - даже шторы на окнах и мебель подбирались в тон цветовой гамме герба!

* * *

«Златоуст» продолжает жить своей особой жизнью. После обнаружения его в гербе американцы и англичане попытались сделать с него копию. Работы по получению аналога советского «жучка» американцами проводились в секретной лаборатории в Нидерландах под кодовым названием «Удобный стул». Одновременно английская контрразведка проводила свои исследования, зашифрованные как «Сатир».

Англичане продвинулись в исследованиях дальше, чем американцы,

но так и не сумели до конца разгадать тайну генератора, излучающего микроволны, возбуждающие пластины-резонаторы «Златоуста». Английский микрофон мог функционировать лишь на удалении всего 30 ярдов, в то время как наш - на расстоянии 300 метров.

Соединенные Штаты хранили в тайне унизительное для них открытие - «Златоуста» - в течение семи лет. Но в конце мая 1960 года, после того, как мы сбили самолёт-шпион «U-2» с Гарри Пауэрсом на борту, Вашингтон в попытке противостоять международной критике сделал достоянием гласности факт использования нами подслушивающего устройства, внедрённого аж в кабинет американского посла в Москве!

Генри Кэбот Лодж, представитель США в ООН, во время чрезвычайной сессии Организации показал герб, открыл его и продемонстрировал «Златоуста».

В последующем герб и чудо-микрофон были показаны и во время заседания Совета Безопасности. Подготовленный советскими дипломатами представитель Индии в шутку попросил сделать для него копию с микрофона. Лодж смешался, и больше герб с «жучком», как позорная печать американским службам безопасности, никогда не выставлялся.

В настоящее время «Златоуст» хранится в музее ЦРУ в Лэнгли.

Глава 8. Блистательный агент

От тайников - к компьютерной связи

Утечка информации в Москву о сверхсекретной операции по прослушиванию российского посольского комплекса, а через некоторое время обнаружение подслушивающего устройства в здании госдепа, не могли не придать новый импульс усилиям ФБР по поиску «крота» в недрах Разведывательного сообщества Соединенных Штатов. Поискам, что велись с конца 1980-х годов.

Обострённое чувство опасности, которым, безусловно, обладал Хансен, подсказало ему, что в разработанной им системе общения с русскими разведчиками через тайники надо что-то срочно менять. И агент выходит в московский Центр с предложением отказаться от тайников и, сохраняя связь безличной, перейти на использование компьютеров. Для этого, считает он, его кураторам необходимо провести апгрейд и перейти на более совершенные органайзеры Palm Pilot VII, которые позволяют поддерживать беспроводную связь.

Если бы это предложение Хансена было принято, то он мог бы пересылать секретные материалы своим связникам напрямую, что избавило бы его от лазания в закоулках парков в поисках тайников, от лишних свидетелей и улик. Однако по неизвестным причинам предложенный агентом способ связи не был принят Центром.

Все мы умны задним числом, и сегодня мы успокаиваем себя тем, что если бы Центр принял предложение Хансена о переходе на компьютерный

вариант связи, то с ним не случилось бы того, что случилось в феврале 2001 года, когда агента взяли с поличным на тайнике…

Всеобъемлющее превосходство

Свидетельствует полковник Черкашин:

«…Добровольный бросок Хансена в объятия КГБ, его поразительная, если так можно выразиться, «самовербовка» положили начало периоду его шпионской деятельности, на протяжении которого он выдал больше секретов Федерального бюро расследований, чем кто-либо за всю историю этой синекуры.

Если Эймса американцы называют самым «смертельным шпионом» поскольку он выдал «живую» агентурную сеть ЦРУ и ФБР, из которой преобладающее большинство изменников были расстреляны, то Хансена, передавшего нам информацию общегосударственного значения, можно назвать «технологическим шпионом».

Хансен, сумев получить доступ ко всем материалам общенациональной базы американской контрразведки, имел возможность сообщать нам сведения о проводимых ФБР операциях против сотрудников резидентур КГБ и ГРУ в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско, о системе электронного слежения за иностранными дипломатами, находящимися на территории США. Но самое главное - данные о сверхсекретной компьютерной сети, объединяющей нью-йоркские отделения всех подразделений американского Разведывательного сообщества - от ЦРУ до военно-морской разведки.

От него были получена информация о национальной программе Соединенных Штатов «Masint», позволившая раскрыть секреты технического оснащения американских спутников-шпионов. Благодаря чему удалось также понять, как США перехватывают данные со спутников других стран, включая СССР.

Хансен сообщил нам сверхсекретные сведения об организации работы американского правительства в чрезвычайных ситуациях, например, в период возможного ядерного конфликта.

Некоторая часть переданной агентом информации освещала масштабы усилий ФБР по вербовке агентов-двойников. Он снабжал нас документами, которые показывали осведомлённость ФБР о вербовочных операциях КГБ против ЦРУ, а также о работе советской разведки по добыче секретов США в области ядерного и другого оружия массового уничтожения. Кроме того, мы получали от Хансена материалы аналитических разработок ЦРУ и ФБР о деятельности КГБ, о бюджетных ассигнованиях Бюро на проведение контрразведывательных операций.

Он передал Комитету госбезопасности так много сведений о работе ЦРУ, что, когда контрразведывательные службы США начали поиск источника утечки информации, первым делом они стали искать его среди сотрудников Управления, а не Бюро.

Хансен позволил аналитикам и экспертам КГБ проникнуть в такие глубины американских спецслужб, что он по праву считается самым выдающимся поставщиком разведывательной информации, по калибру

и значению даже выше, чем Олдрич Эймс.

Как правило, шпионы, концентрируя внимание на своих личных делах, их ставят во главу угла, но отнюдь не политические проблемы. Большинство из них искренне не хотят предавать свою страну и даже не считают себя изменниками. Они просто хотят быстро решить возникшую перед ними проблему и удовлетворить жгущую их изнутри очередную амбицию, а шпионаж представляется им лучшим способом этого добиться. Один из стимулов выбора такого способа решения - деньги. Другой мотив - желание доказать самому себе и собственную значимость, и что он что-то может, и в чём-то может быть хозяином положения, как это было с Робертом Хансеном.

Некоторые считают, что среди причин, побудивших Хансена принять решение предать страну и стать агентом КГБ, было его неистребимое желание прослыть в своём окружении матёрым контрразведчиком, активным офицером-практиком, а не кабинетным служащим-аналитиком, каковым его видели коллеги из ФБР…»

…В современном мире есть похожая история, правда, дело там обошлось без предательства. Ещё один англосакс - Йен (Ян) Ланкастер Флеминг, создатель «бондиады», страдал тем же комплексом, что и Хансен.

Официальная служба Флеминга в военно-морской разведке Великобритании длилась семь лет. Вопреки расхожему мнению, он не имел отношения к разведывательным операциям - был *кабинетным служакой.* Испытывая комплекс невостребованности, он, чтобы хоть как-то уравнять себя с сослуживцами-оперативниками, неизменно носил с собой десантный нож и авторучку, заправленную слезоточивым газом…

Ветераны английских и американских спецслужб обоснованно считают, что Флеминг, не имея возможности реализовать свои шпионские амбиции во время войны, реализовал их в своих романах-боевиках. Он, играющий в шпионов литератор, с помощью Джеймса Бонда попытался обрести свою нишу в разведывательном сообществе Старого и Нового Света.

Надо сказать, и Флеминг, и Хансен преуспели, ибо и в файлах спецслужб, и в памяти людской задержатся надолго и тот и другой!

Что касается Хансена, то американские СМИ поспешили объявить его агентом, работавшим на КГБ исключительно ради денежного вознаграждения. Действительно, рядовому американцу, чьему сердцу нет ничего дороже золотого тельца и доллара-вездехода, трудно поверить в то, что отец (!) шестерых малолетних детей при неработающей жене и годовом окладе чуть более 100 тысяч долларов может предавать национальные интересы Америки ради чего-то другого, кроме денег! Но это не так, ибо слишком поверхностным является такой вывод касательно Хансена. Ведь у него совсем иная шкала ценностей. Вспомним хотя бы его подопечную стриптизёршу Присциллу и его попытки наставить её на путь истинный.

Контрразведка - это схватка интеллектов, а не тушение рыбы

динамитом. И именно сражение умов - вот его стихия, это то, что может его прельстить. А в ней, в контрразведке, он - как рыба в воде…

Более денег его увлекала возможность водить за нос начальство, обладать большей, чем оно, информацией, считать себя мудрее, прозорливее и предприимчивее своих коллег. Вообще-то, он весьма критично оценивал умственные способности и культурный уровень сотрудников ФБР и их коллег из ЦРУ, независимо от их чина и занимаемого положения в системе координат этих спецслужб.

По утверждениям близко знавших его сотрудников американских спецслужб, да и по его собственным репликам и случайно озвученным умозаключениям, Хансен боялся только кого-нибудь сродни себе.

К обуславливающим его поступки факторам можно также отнести и то обстоятельство, что, будучи интеллектуально на голову выше своих сослуживцев и начальников, Хансен втайне презирал их. Сотрудничая сначала с советской и затем с российской разведкой, он потешался над своими коллегами и находил этому сладостное подтверждение.

Воистину, мог ли Хансен относиться к ним по-другому, коль скоро знал, что 99 % процентов офицерского состава Бюро никогда не посещало ни театра, ни вашингтонской Национальной галереи искусств?!

Не следует также забывать, что отношение Хансена к внутренней и внешней политике, проводимой США, было в высшей степени негативным. Достаточно вспомнить его вердикт Америке как *«сильному, но умственно отсталому ребёнку, который поддаётся внушению и поэтому потенциально опасному».* Не исключено, что это обстоятельство, хотя и не в числе первых, подтолкнуло Хансена к установлению сотрудничества с КГБ и затем с СВР.

* * *

Хансен был арестован 21 февраля 1985 года. В тот вечер он, вернувшись из церкви, высадил жену и детей, а сам поехал в парк «Фокстон», что в двух шагах от его дома в предместье Вашингтона - Vienna. Через несколько минут после того, как «Источник» заложил тайник под пешеходным мостиком через ручей с символичным названием «Волчий капкан», он был схвачен агентами ФБР. В другом месте фэбээровцы обнаружили тайник с 50 000 долларов, предназначавшихся для него.

Приговорённый к пожизненному заключению без права на помилование, Хансен содержится в экстремально суровых условиях: под землёй в одиночной камере с круглосуточно включённым электрическим светом, лишённый возможности кого-либо видеть и что-либо читать.

Впрочем, американская Фемида проявила неслыханную благосклонность к жене Хансена - Бонни. Она как вдова получила право на ежегодную пенсию в сумме 38 000 долларов…

Шпион, избежавший возмездия

Безрезультатные поиски

Летом 1980 года всем сотрудникам всесоюзных силовых структур были вручены фото супругов Шеймовых - Виктора, Ольги и их пятилетней дочери Леночки, якобы без вести пропавших. Чтобы стимулировать их поиск, через агентуру КГБ был распространён слух, будто глава семейства - ответственный сотрудник Комитета госбезопасности. В то же время Следственным управлением КГБ СССР по фату исчезновения Шеймовых было возбуждено уголовное дело.

Удивительным образом поиски семьи пересеклись с другим уголовным делом.

28 декабря 1980 года работники 5-го отделения (Таганско-Краснопресненская линия) отдела по охране метрополитена ГУВД Мосгорисполкома задержали на станции Ждановская, а затем убили заместителя начальника Секретариата КГБ СССР майора Афанасьева.

14 января Прокуратурой СССР и сотрудниками Второго главка КГБ были проведены операции по задержанию и аресту подозреваемых, которые вскоре дали признательные показания. Вслед за этим Комитетом была выдвинута версия о причастности арестованных к исчезновению семьи Шеймовых.

Экс-милиционеры давали показания о совершённых ими многочисленных преступлениях, путаясь в подробностях, с трудом вспоминая детали содеянного. Однажды на допросе один из негодяев заговорил об убийстве какой-то семьи. Так в рамках уголовного дела «Убийство на Ждановской» появилась версия об убийстве Шеймовых. Её и стали проверять. Установить истину можно было, лишь отыскав трупы.

В распоряжение московской прокуратуры для поиска в лесном массиве возможных мест захоронения был выделен (!) полк солдат срочников. Специальными щупами они бурили скважины Шубиной до полутора метров на расстоянии 2-3 метров друг от друга. Несмотря на все предпринятые усилия, версия об убийстве Шеймовых так и не нашла подтверждения. Но зато появились косвенные данные, что Шеймов находится в стане противника. Правда, тогда ещё оставалась неизвестна судьба его жены и дочери…

Бежать - так всей семьёй!

В 1969 году Виктор Иванович Шеймов закончил МВТУ им. Баумана и попал на работу в закрытый НИИ Министерства обороны, где занимался разработкой систем наведения ракет с космических спутников. Там на него положили глаз вербовщики из Комитета. Они-то и решили, что он по всем параметрам подходит для работы на более высоком уровне.

В 1971 году он приступил к работе в самом засекреченном подразделении КГБ - в Восьмом шавке, который обеспечивал функционирование и безопасность всей шифровальной связи Советского Союза, а также отвечал за правительственные коммуникации внутри страны и за рубежом.

Лично Шеймов специализировался на защите шифровальной связи в условиях наших посольств и резидентур за границей. Там, как известно, местные спецслужбы из кожи вон лезут, чтобы насовать «жучков» в наши представительства и, если повезёт, проникнуть в сердце посольства - в шифровальное помещение.

Работа в Восьмом главке высокооплачиваемая, престижная, не связана с вербовкой агентов, проведением обысков или просиживанием в засадах. Конечно, туда тянутся талантливые научно-технические кадры. Их фильтруют, проверяя до четырнадцатого колена и собирая отзывы и друзей, и недругов.

По прошествии периода адаптации сотрудники попадают в атмосферу важной для Союза работы, их щедро поощряют орденами за успехи, создают условия для приобретения ими научных степеней и званий - творчески состоятельные личности легко защищают кандидатские и докторские диссертации, многие становятся лауреатами Государственных премий…

Вместе с тем жизнь шифровальщика тяжела не только из-за кропотливого изнурительного труда - давит секретность, особенно за границей, где они находятся под особым присмотром собственной службы безопасности и вынуждены следовать жёстким правилам поведения. Ведь чужие шифры - клад для любой разведки. Если перед спецслужбой стоит дилемма: кого вербовать - министра или шифровальщика, она предпочтёт последнего. Министры приходят и уходят, а секреты криптографии остаются неизменными годами. Кроме того, шифровальщик может обеспечить доступ ко многим секретным коммуникациям и предоставить возможность преспокойно знакомиться со всеми перехваченными телеграммами…

В Восьмом главке Шеймов дослужился до начальника отдела, курирующего шифровальную связь наших посольств. По партийной линии выбился в заместители секретаря партийной организации. Однако, несмотря на все достижения по форме, его угнетало чувство неудовлетворённости по содержанию.

И это чувство, как он признаётся в своих мемуарах, «превращалось в отрицание всего «совкового». Там же он обстоятельно расскажет о причинах и мотивах своего бегства. Масса всего! И встречи с московскими диссидентами, и чтение литературных трудов запрещённых в СССР авторов, и лицемерие начальства и вождей, и неудовлетворённость своим образом жизни, и пессимистический взгляд на будущее страны, и желание не просто возмущаться существующим строем, сидя, как многие, уставившись в стакан на кухне, нет! - участвовать в полном его разгроме, да ещё и в глобальном масштабе…

Как жить дальше? Приспосабливаться, делать своё дело и, закрыв глаза, ждать, когда всё переменится само собой? Попроситься в отставку и распрощаться с КГБ? Открыто выступить против режима, как Сахаров? Создать антикоммунистическую организацию?

Зная из первых рук возможности КГБ и трезво оценивая свои силы, прагматик Шеймов выбрал самый рациональный, хотя и самый рискованный во всех отношениях вариант - бежать на Запад. Причём с женой и дочкой! Материальная сторона дела его нисколько не заботила - он знал наверняка, что и его семья, и даже его внуки будут обеспечены до конца дней своих после того, как он продаст американцам тот багаж сведений, которым располагал…

Вопрос был в том, как бежать? За границу, даже в Болгарию, всей семьёй не выпускали. Оставалось только одно: связаться с сильной разведкой. С кем? С английской СИС или с ЦРУ? Англичане? Нет, с этими высокомерными тварями каши не сваришь! Лучше - американцы. Надо как-то изловчиться и выйти на них, а выйдя, заинтересовать своим положением и убедить, чтобы они организовали побег. Договориться по телефону о встрече? Исключено! Тут же заметут. Написать письмо? Перехватят и арестуют. Остаётся одно: лично войти в контакт с американцами!

И судьба предоставляет ему такой шанс во время его второй служебной командировки в Польшу.

31 октября 1979 года в Варшаве он, обманув бдительного охранника, приставленного к нему, предпринял кинжальный бросок в американское посольство, где сотрудники резидентуры ЦРУ тотчас раскрыли объятия ему навстречу, едва он назвал свою должность. Что вполне объяснимо, ведь чужие шифры - клад для любой разведки. Да возникни перед разведчиком альтернатива: вербовать резидента или шифровальщика, то даже стажёр ткнёт пальцем в последнего. Почему? Да потому, что шифровальщик может дать ключ к разгадке многих секретов и не только сегодняшнего дня, но и тех, что накопились в архивных файлах за последние 5-10 лет. Это, прежде всего, обмен шифртелеграммами резидента и Центра, что сулит прямой выход на затаившихся в недрах родных спецслужб «кротов», и шифрованная переписка по дипломатическому каналу, это и… Да мало ли в какие тайны противника можно проникнуть ещё с помощью шифровальщика-перебежчика!

В общем, при появлении Шеймова у встретивших его американских спецслужбистов возникло лёгкое головокружение - не многим выпадает кон принять такого гостя-дароносца. Тут ведь не какие-то кодовые таблицы, нет - шифровальщик во плоти и крови!

Но разум быстро возобладал над эмоциями. Несколько контрольных вопросов: кто начальник линии *«Х»* - научно-технической разведки? Ваш должностной оклад? Чем занимаетесь в Москве? Сколько лет состоите в системе КГБ?

Записав домашний адрес и телефон визитёра, американцы предложили ему немедленно выехать в США.

Но Шеймова это не устраивало, он поставил свои условия: личная встреча со связником в бассейне «Москва» и подготовка вывоза всей его семьи в Штаты.

После достижения полного взаимопонимания всё произошло согласно годами отработанному сценарию: вывоз «инициативника» из посольства на «чистой», то есть не принадлежащей разведчику машине, скоростное родео в течение получаса по пустынным варшавским улицам для проверки, нет ли «хвоста»…

* * *

По возвращении в Москву Шеймов несколько раз встречался с сотрудником ЦРУ, действовавшим с позиций посольства, и передавал ему некоторую информацию о своей работе. Но главные секреты выдавать в Москве отказался, так как опасался, что в этом случае американцы откажутся вывозить его из СССР.

Во время последней встречи церэушник-связник сообщил Шеймову, что руководство ЦРУ и администрация президента США санкционировали организацию побега. От Шеймова требовалось лишь передать фотографии для документов и сообщить полные антропологические данные, свои и членов семьи: точный рост, объём груди, вес, размер одежды и обуви. Заодно связник поинтересовался, как подопечный и его домочадцы переносят морскую качку. Шеймов решил, что за границу их будут нелегально транспортировать морским путём. Он тут же задал уточняющий вопрос. Однако связник, не подтвердив, но и не опровергнув догадок, потребовал одного: не суетиться и ждать сигнала.

Скорее всего, связник не знал, каким способом произойдёт перемещение беглецов. Что же касается Шеймова, то ему, по его собственному признанию, было абсолютно безразлично - пусть голова болит у американцев. Единственное, о чём он предупредил связника, что вылет из международного аэропорта Шереметьево-2 по фальшивым документам чреват провалом всей) предприятия - в аэропорту могли оказаться сотрудники КГБ, знавшие его в лицо.

На прощание американец пообещал придумать нечто из ряда вон выходящее.

Получив заверения, Шеймов и его жена, которая к тому времени была посвящена в планы мужа, стали активно готовиться к побегу.

Так, Ольга незамедлительно сняла некоторые вещи с антресолей, чтобы не делать это накануне бегства - антресоли должны остаться пыльными.

Хотелось захватить с собой и семейные альбомы, и вещи, любимые с детства, но Шеймов был непреклонен: ничто не должно указывать на подготовку к убытию, всё должно выглядеть как необъяснимое исчезновение всей семьи. Семейные фото скопировали в фотоателье…

Хитроумному Шеймову пришла в голову мысль представить исчезновение как несчастный случай, как гибель всей семьи. В последующем это исключило бы преследование их родителей со стороны КГБ. Но главное - ничто не должно было вынудить начальство сразу предпринять решительные меры по замене или модификации всего

объёма технической информации, которую предатель собирался передать американцам.

Оставались родители. Как быть с ними? Они же умрут от горя, узнав о внезапном исчезновении и о смерти горячо любимого сына, невестки и внучки! Но в планы их посвящать нельзя. Отец - ортодоксальный коммунист, он ничего не поймёт, а мать... Жалко мать. И тоща в день своего рождения Виктор заехал к родителям и походя, между прочим, сказал: «Мама, мне предстоит командировка... Сложная, в чём-то даже опасная. Прошу тебя, не верь, если услышишь, что я погиб. Не верь, пока не увидишь мой труп».

Мать очень удивилась, но спрашивать ни о чём не решилась - такая уж работа у сына. Абсолютно секретная...

Операцию решено было проводить в пятницу - на работе не хватятся до понедельника. Чтобы сбить с толку возможных преследователей и запутать следы, Ольга приобрела билеты на поезд Москва - Ужгород, а Виктор предупредил начальство, что уезжает в Подмосковье, на дачу к приятелю, где отсутствует телефонная связь.

Постарались и американцы. В целях создания отвлекающего манёвра, а также для того, чтобы растащить силы нашей «наружки», все сотрудники резидентуры ЦРУ в Москве, действовавшие с посольских позиций, с 18 и до 23 часов без устали кружили по городу, имитируя выход на встречу со своей агентурой...

В пятницу в 22 час. 30 мин. из Внуково стартовал военно-транспортный самолёт НАТО, накануне прибывший в Москву, чтобы забрать из американского посольства отработавшую свой ресурс радиоаппаратуру. На место второго пилота сел загримированный и переодетый в военную форму Виктор Шеймов. Жену и дочь доставили к самолёту в контейнерах...

* * *

Сегодня не представляется возможным определить, сколько времени руководство КГБ не имело представления о побеге Шеймова. Противоречивы и высказывания на этот счёт бывших руководителей Комитета. В частности, Ф.Д. Бобков, бывший зампред КГБ, в книге «КГБ и власть» пишет:

> «К великому нашему стыду, вскоре было установлено: ни в Москве, ни в стране Шеймова и его семьи нет. Выехали. Сами они, конечно, этого сделать не смогли бы. Всех троих вывезли, очевидно, с их согласия...
>
> Провели тщательное расследование. И снова нас ждал удар...
>
> Итак, Шеймова с женой и дочерью вывезли. Каким образом? Контрразведка на этот вопрос ответить не могла, да, по-видимому, не очень и стремилась - трудно признавать свои провалы!»

По утверждению же В.А. Крючкова, экс-главы ПГУ, а затем и КГБ СССР, после назначения в мае 1982 года председателем Комитета

госбезопасности В.И. Федорчука было проведено повторное расследование дела об исчезновении Шеймова. Контрразведчики настаивали на версии убийства семьи Шеймовых и отрицали версию их вывоза из СССР американцами.

Логика подсказывает, что лишь после вербовки в апреле 1985 года О. Эймса было точно установлено, что Шеймов был завербован ЦРУ и в мае 1980 года вывезен с семьёй в США.

После побега Шеймов с семьёй проживал в Вашингтоне, разумеется, под чужой фамилией и изменив внешность с помощью пластической операции лица. За свои «заслуги» его наградили медалью ЦРУ.

В конце 1980-х годов Шеймов выступил с рядом сенсационных заявлений, что из материалов КГБ, к которым он как шифровальщик имел доступ, ему стало известно, что именно это ведомство организовало покушение на папу римского Иоанна-Павла II в 1981 году и президента Пакистана Зия уль-Хака в 1988 году.

Явный промах американских хозяев Шеймова! С мая 1980 года он не имел никакого отношения к КГБ, поэтому ни к каким документам допущен не был. Информацию о покушениях он мог получить только из ЦРУ.

В 1993 году в издательстве «Nevel institute press» вышла книга Шеймова на русском языке «Башня секретов: документальный шпионский детектив», в которой он от третьего лица рассказывает о своей работе в КГБ и о побеге в США.

Казнить нельзя. помиловать!

Как сажают на «крючок»

В феврале 1992 года Указом президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина были помилованы десять осуждённых ранее агентов иностранных разведок. Среди них - бывший подполковник КГБ Борис Николаевич Южин, находившийся в местах лишения свободы шесть из пятнадцати определённых ему лет.

...Южин начал свою карьеру разведчика младшим офицером. Под прикрытием студента-стажёра он был направлен в шестимесячную командировку в Соединенные Штаты Америки, где обучался в университете Сан-Франциско. Здесь он попал в поле зрения американской контрразведки - Федерального бюро расследований.

Сотрудники Бюро готовились к вербовке начинающего русского разведчика долго и тщательно. Были изучены его связи, привычки и пристрастия, достоинства и недостатки, и в результате полученных данных создан его психологический портрет.

Судя по всему, Южин по всем параметрам соответствовал представлению сотрудников американской контрразведки о потенциальном изменнике. И вслед за большой подготовительной работой фэбээровцы составили план многоходовой операции.

На первом этапе к заезжему русскому подвели опытную агентессу ФБР Джуди Стивенсон. И вскоре отношения стажёра с молодой привлекательной женщиной стали более чем приятельскими…

Бывая в гостях у Южина, мисс Стивенсон иногда просила преподнести ей в качестве сувенира какой-нибудь милый пустячок - оригинальную бутылку из-под армянского коньяка, пустую конфетную коробку советского производства или ещё что-нибудь в этом роде.

Однажды Джуди пригласила своего русского друга посетить латиноамериканский клуб. Мотивировала это тем, что якобы в клубе собирается прогрессивная молодёжь - неплохая возможность приобрести друзей среди инакомыслящих.

На самом деле клуб оказался обычным местом отдыха и развлечений - никто там политикой не интересовался, поэтому Джуди и Борис выпили пару коктейлей, потанцевали, сфотографировались и были таковы. Но в соответствии с планом ФБР, это посещение являлось одним из решающих этапов вовлечения Южина в подготовленную западню. Следующим пунктом было знакомство Бориса с «братом» Джуди - Лэри Уотсоном, в действительности кадровым офицером ФБР (психолог, он будет готовить осуществление завершающего этапа вербовочной операции русского разведчика).

В один прекрасный день мисс Стивенсон явилась к Южину на квартиру вся в слезах и рассказала, что к ней домой наведались люди из ФБР, произвели обыск, перевернув всё верх дном, изъяли сувениры, подаренные ей Борисом, и унесли с собой фотографии, сделанные в латиноамериканском клубе. В настоящее время её обвиняют в причастности к террористической деятельности и в пособничестве в установлении контактов между русскими и террористами. В подтверждение своих слов она показала Борису заметку, опубликованную в одной бульварной газете.

- Что делать, Борис?! Что делать?! - в истерике кричала Джуди.

Выпроводив подругу, обеспокоенный создавшимся положением Южин призадумался. В голову ничего путного не приходило, и он отправился в консульство, где доложил офицеру безопасности о случившимся. Тот, похлопав Южина по плечу, успокоил его и посоветовал не паниковать, так как, дескать, от провокаций в этой стране никто не застрахован. На том и расстались. Однако, если какая-то неприятность должна случиться - она случается непременно!

На следующий день к Южину примчался Лэри Уотсон и объявил, что его «сестру» госпитализировали, и сейчас она находится в критическом состоянии. Мисс Стивенсон, бледная и исхудавшая, лежала на больничной койке опутанная проводами и резиновыми трубками. Она ещё раз подтвердила, что против неё выдвинуты очень серьёзные обвинения, и просила «милого Бориса» съездить в ФБР и объяснить там, что она ни в чём не виновна. После настойчивых уговоров «брата и сестры» Южин согласился тотчас отправиться к следователю…

На допросе, который прошёл в очень дружественной атмосфере, Южин, как мог, объяснил сотруднику ФБР с очень редким именем Джон, что вся история с Джуди - не более, чем недоразумение. Расстались почти друзьями.

Ещё через какое-то время Джон позвонил Южину и предложил встретиться, чтобы уточнить некоторые детали по делу мисс Стивенсон. И вновь беседа проходила в дружеском тоне и постепенно вышла за рамки ранее обозначенной темы.

Разговор плавно перетекал из одного сюжета в другой, и Южин, проникнувшись симпатией к Джону, попросил у него совета. Дело, в общем-то, выеденного яйца не стоит - к Южину на несколько дней прилетает жена. Хотелось встретить её подобающим образом, да и время скоротать на высоком уровне, но вот с деньгами, сам понимаешь, Джон, туговато… Нельзя ли в университете получить материальную помощь? Тем более, что здесь это практикуется… А ведомство твоё, Джон, при решении подобных вопросов в отношении иностранцев играет не последнюю роль…

Джон - парень понятливый, он по-свойски потрепал Южина за плечо и пообещал всё устроить.

Действительно, через день, когда они встретились, Джон, широко улыбаясь, вручил Южину конверт с пятью сотнями «зелёных»: «Твой вопрос решён, старина!»

Борис несколько опешил: всё выглядело не так, как он себе это рисовал в воображении, что-то, внушавшее подозрение, висело в воздухе. Нет-нет, прочь подозрения, Джон - настоящий товарищ! Да и соблазн стать на пару дней богачом оказался слишком велик.

Стажёр натянуто улыбнулся, но конверт не отдал - спрятал во внутренний карман пиджака…

Эти несколько дней супруги Южины провели как в сказке. Проводив жену, Южин заскочил в деканат по работе с иностранцами, чтобы выразить благодарность за оказанную материальную поддержку.

- Какие-такие пятьсот долларов? - спросили в деканате. - Знать ничего не знаем…

Южин моментально прозрел, вспомнив о своих смутных подозрениях, которые он то отгонял, то приглушал оптимистичным окриком на самого себя. Он всё понял - его посадили «на крючок»!..

Под псевдонимом «Твайн»

Очередную встречу Джон назначил Борису в гостинице. Открыв дверь указанного номера, Южин увидел четырёх улыбающихся парней одного с ним возраста. Не теряя времени даром, они тут же продемонстрировали ему фотоснимки, где он получает деньги от американского контрразведчика. Вдобавок ему «вылили» весь собранный на него компромат: сообщили о его истинном месте службы, воинском звании и

цели командировки в США…

Вербовка прошла точно в соответствии с намеченным ФБР планом. Южин сдал всех своих коллег-стажёров и тех сотрудников резидентуры в Сан-Франциско, о которых был осведомлён.

Его засыпали проверочными вопросами о структуре КГБ, о его руководстве и т. д. Ответы вполне удовлетворили допрашивавших, и в заключении они объявили ему, что с этого дня он - агент американских спецслужб и должен откликаться на псевдоним «Твайн»…

Во время следствия в Москве Южин представил письменное пояснение о том, как это происходило:

> «Неожиданно один из присутствующих перешёл на русский язык. Говорил он блестяще. А знание моей точной принадлежности к разведке сломило мою способность к сопротивлению…
>
> Было ещё не поздно доложить руководству резидентуры о состоявшемся вербовочном подходе, я колебался, имея два варианта.
>
> Первый - доложить о вербовке и сохранить своё доброе имя, остаться полноправным гражданином своей страны, отказаться от совершения тяжкого преступления, но при этом поставить крест на своей карьере в органах госбезопасности и материальных благах, связанных с выездами в загранкомандировки, а также оказаться под угрозой распада семьи.
>
> Второй вариант - в целях достижения своих низменных побуждений - изменить Родине. Проявив малодушие и трусость, я сделал выбор».

Поскольку командировка Южина в Штатах подходила к концу, американцы поторопились с созданием ему условий для дальнейшего роста в системе внешней разведки КГБ. Для этого они снабдили его сведениями, которые могли способствовать составлению впечатляющего отчёта о проделанной работе за 6 месяцев пребывания в Штатах.

Согласно предоставленным фэбээровцами данным, выходило, что Южин времени зря не терял и сумел добыть хоть и не засекреченные, но весьма значимые для политической разведки материалы. Во время стажировки в Сан-Франциско он якобы смог установить полезные для советской разведки контакты с рядом влиятельных граждан Соединенных Штатов. К примеру, он вошёл в контакт и сейчас находится на дружеской ноге с бывшим сотрудником ЦРУ. Более того, имел честь быть представленным некоему американскому сенатору, с которым в настоящее время играет в гольф!

- С таким отчётом, мой друг, - поднимая стакан с виски, произнёс Джон, - ты через полгода вернёшься в Штаты… Попомни мои слова!

Фэбээровец словно в воду глядел: вскоре Южина командировали в резидентуру внешней разведки КГБ в Сан-Франциско. О чём он, как и было оговорено с Джоном, немедленно оповестил по телефону какую-то барышню, поднявшую трубку…

Несколько недель никто не выходил на контакт с Южиным. Однако расслабляться долго новоявленному агенту не пришлось.

Как-то на прогулке в парке рядом с Борисом затормозила неприметная малолитражка. За рулём сидел Джон.

- Старина, твои знакомые ребята и я рады приветствовать тебя в Штатах! Ты помнишь их? Как говорили у вас в тридцатые годы: «Вам некуда торопиться - ОГПУ к вам само придёт!» Ваше ОГПУ 1930-х годов - это наше ФБР сегодня, во всяком случае, для твоих соотечественников, не так ли? Садись, прокачу, заодно поговорим о твоём задании…

* * *

В течение пяти лет «Твайн» добросовестно пахал на ФБР. Он сообщил известные ему сведения о составе резидентур КГБ в Соединенных Штатах, постоянно информировал американскую контрразведку о работе своих коллег, их доверительных контактах из числа жителей Сан-Франциско, наконец, о ставших ему известными оперативных планах внешней политической разведки в отношении США.

На каждой явке с очередным сотрудником ФБР ему демонстрировали десятки фото советских граждан для опознания в них вероятных сотрудников советских спецслужб.

И, надо сказать, Южин добросовестно опознавал всех. С этим учился в спецшколе, с тем - работал, с этим случайно встречался в коридорах Ясенева…

Бескорыстие агента

Однажды Южину фэбээровцы дали задание сфотографировать внутренние помещения консульства и резидентуры КГБ в Сан-Франциско. Задание не бей лежачего - делается на раз, даже курсанту Комитетской спецшколы по плечу, но Бориса охватил мандраж. Задание напомнило ему первую брачную ночь с его тогда ещё молодой и не искушённой в сексуальных играх женой: «Страшно, но надо!»

В субботу - в выходной день всех советских сотрудников - Южин, снабжённый спецфотоаппаратом для панорамной съёмки, отправился в консульство. Безо всяких проблем заснял все помещения, кроме опечатанных. В центральном зале висело огромное зеркало в золочённой раме. Стоп! Это - та самая деталь, которая может впечатлить Джона, - надо «снять» и его!

Так, скорее всего, думал горе-агент. Ничтоже сумняшеся, заснял и зеркало! Плёнку при встрече передал своему оператору Джону.

На следующей явке Джон, улыбаясь во весь рот, показал Борису фото, где тот, отражённый зеркалом, сосредоточенно щёлкает затвором фотоаппарата.

- Старина, у нас достаточно компромата на тебя, а ты ещё и довесок приволок… Взгляни на себя с фотокамерой в руках. Ты кого снимаешь, себя?! Знаешь, ты ведь себя поставил под удар… Да-да, и не смотри на

меня так! Это фото могут увидеть многие наши сотрудники, и даже коллеги из ЦРУ. А всем рты закрыть я не сумею - болтовня, она есть везде...

Правда, скорого провала не случилось, и Южин продолжал работать в США одновременно на два ведомства: КГБ и ФБР.

В ФБР отмечали, что поставляемая Южиным информация имеет большую ценность, и готовы были хорошо платить за неё. Так, «Твайн» помог установить агента влияния КГБ в Норвегии, известного партийного лидера и профсоюзного босса А. Трехольта.

Кроме того, он регулярно передавал ФБР отчёты, направляемые резидентурой в Москву, и предупреждал о готовящихся операциях КГБ.

Учитывая рвение «Твайна», руководство ФБР неоднократно предлагало ему открыть счёт в любом банке на его выбор, но он отказывался. И с наличностью у агента тоже были непростые отношения. На одной из первых явок Джон поставил перед ним набитый купюрами «дипломат» и предложил взять столько, сколько он пожелает. Но Борис проявил скромность и не притронулся к деньгам.

Действительно, Южин, начитавшись Солженицына и других запрещённых в СССР авторов, так изменил свои взгляды на советский строй, что согласился сотрудничать с ФБР на идеологической основе. Через какое-то время он всё-таки стал брать деньги, но ограничивался суммами в две-три сотни «зелёных». Лишь на третьем или четвёртом году работы на ФБР он раскрепостился настолько, что уже брал тысячами. Вместе с тем, на удивление фэбээровцев, «Твайн» по-прежнему отказывался от открытия банковского счёта на своё имя.

Шпионы проваливают шпионов

Однажды «Твайн», как ему показалось, очутился на грани провала из-за собственной небрежности. В здании консульства он обронил зажигалку, в которую был вмонтирован микрофотоаппарат.

Зажигалку нашёл местный слесарь Потапов. Пощёлкал, пощёлкал - не работает, и забросил её на верстак - когда-то ещё пригодится. Наконец наступил и её черёд. Понадобились Потапову детали зажигалки, и он решил разобрать находку. Глядь, а там микрофотоаппарат! Слесарь немедленно обратился к офицеру безопасности консульства. Микроплёнку извлекли и проявили. На удачу Южина, она была незаэкспонирована. Будь на ней отснятый материал, то по его характеру можно было бы легко вычислить хозяина зажигалки.

...Южин обнаружил пропажу зажигалки и вызвал Джона на экстренную встречу, чтобы обсудить, как выйти из положения. Он вспомнил, что заходил к своему коллеге Семёнову выпить пива. Не там ли осталась зажигалка? И ФБР проводит незамысловатую, но изящную операцию.

К Семёнову Бюро направило свою внештатную сотрудницу, о которой в нашей резидентуре было известно, что она «таскает каштаны» для

американской контрразведки. Дама под надуманным предлогом пришла в гости к Семёнову и уселась в то самое кресло, в котором накануне сидел Южин. Болтая без умолку, она ощупывала швы. А перед уходом случайно уронила свою сумочку на пол. Та раскрылась, и содержимое рассыпалось по всей комнате. После того как все предметы были собраны, дама распрощалась и покинула гостеприимный дом. Все её действия преследовали одну цель: отвести подозрение от Южина, если он именно там обронил зажигалку. Но, как известно, она находилась совсем в другом месте…

В общем, через какое-то время резидентура в Сан-Франциско оказалась «под колпаком» собственной службы безопасности и Второго главного управления КГБ. Но ничего - пронесло на этот раз!

Тем временем наступил 1982 год и подошёл конец пребыванию Южина в Соединенных Штатах. Исходя из интересов собственной безопасности, он наотрез отказался продолжать сотрудничество с ФБР. И это при том, что Бюро последнее время снабжало его всё более ценными с точки зрения начальства Южина материалами и даже подключило его к нескольким источникам информации из среды политической элиты США, которые могли представлять интерес для внешней разведки России. Всё оказалось напрасно - Южин был непреклонен и в категоричном тоне отказался работать на американцев в Москве.

Впрочем, в ФБР не настаивали. Южина в самом начале предупредили, что рисковать им не собираются, и сотрудничество будет развиваться только во время его пребывания за рубежом.

Вместе с тем накануне отъезда Южина познакомили с сотрудником ЦРУ, неким Коллинзом, который собирался приступить к работе в московской резидентуре Управления. Коллинз несколько раз встречался с Южиным, каждый раз склоняя его к продолжению сотрудничества в Москве, но тот стоял на своём категоричном отказе. Это обстоятельство, в свою очередь, обрадовало Джона. Теперь у него не было сомнений: «Твайн» - добросовестный, «чистый» агент, а не «подстава» КГБ! Ведь будь он «двойником», он сразу бы откликнулся на предложение Коллинза, невзирая на очевидный риск!

* * *

Предосторожности не спасли Южина от провала. В апреле 1985 года наш суперагент Олдрич Эймс сообщил, что Южин - двурушник. Второй главк установил за Южиным круглосуточное наблюдение. Слежка велась настолько тщательно с помощью видеокамер, что в диспетчерском пункте знали с точностью до секунды, когда Южин сходил в туалет, а когда лёг спать. Спешить контрразведчикам было некуда - в скором времени объект не должен был выезжать в зарубежные командировки.

Однако и длительная слежка не дала прямых улик измены Южина. А основные доказательства были представлены Эймсом, и ещё через полгода их подкрепил Хансен.

Методом «съёма» Южин был арестован бойцами «Альфы» 23 декабря

1986 года.

Он сумел убедить следователей, что сотрудничал с ФБР против собственной воли и глубоко раскаивается в содеянном. В результате ему удалось избежать смертной казни. Он был осуждён на пятнадцать лет, из них пять провёл в лагере строгого режима «Пермь-35». В феврале 1992 года Южин был амнистирован Указом президента России Б.Н. Ельцина и вернулся в Москву.

В 1994 году вместе с женой и дочерью выехал по частному приглашению в Сан-Франциско (а куда же ещё!).

В настоящее время он пишет мемуары и занимается архивными исследованиями, касающимися судеб западных военнопленных времён Второй мировой войны, окончивших свои дни в ГУЛАГе.

Катастройка вместо перестройки

Глава 1. Победители своего народа

Признания в предательстве

Некоторые наши соотечественники ошибочно считают, что «оттепель» в политическом климате и перестройка в СССР начались с приходом к власти Никиты Хрущёва и Михаила Горбачёва. Отнюдь. Задолго до них страну с успехом перестраивал и Пётр I, и премьер-министр Столыпин, да и «оттепель» уже случалась. Достаточно вспомнить правление императора Александра II.

С высоты сегодняшнего опыта позволительно констатировать: хрущёвские реформы и горбачёвская перестройка, в отличие от деяний их далёких предшественников, носили не созидательный, но разрушительный характер, после которых у населения страны осталось такое горькое послевкусие, что впору назвать их катастройками! Хотя и Хрущёв, и Горбачёв, находясь на Олимпе власти, рядились в тогу приверженцев марксизма-ленинизма, поборников теории и практики социализма, защитников народных интересов.

Им обоим надо было потерпеть сокрушительное политическое фиаско, чтобы окончательно разоблачить себя, а мы узнали и их отношение к коммунистической идеологии, и мотивы их разгромной деятельности. Кстати, о них они поведали нам сами.

Хрущёв, к примеру, находясь в 1964 году на излечении в Кремлёвской больнице, Куда попал вскоре после смещения с поста первого секретаря КПСС и председателя Совета министров СССР, рассказал заместителю главврача Прасковье Мошенцевой анекдот о социализме, обнажив своё к нему отношение.

«В село из горкома КПСС прибыл инструктор с лекцией о достижениях социализма. В клуб согнали всех колхозников. На сцене, как положено, - стол, накрытый зелёной скатертью, графин с водой и стакан. Лектор читает час - выпил один графин воды. Второй час - осушил второй

графин. Третий час - всё про тот же социализм - прикончил третий графин воды. Наконец лекция закончилась, и все облегчённо вздохнули. Председатель колхоза, поблагодарив лектора за интересный доклад, спрашивает: «У кого, товарищи колхозники, будут вопросы?» Молчание. Три раза спросил. Тишина мёртвая. Вдруг с заднего ряда старичок - истый дед Щукарь - поднимается и спрашивает лектора: «Вот ты, мил человек, про социализм три часа лекцию читал, три графина воды одолел, а не разу поссать не сходил. Как же это?!»»

Хрущёв замолчал и испытующе посмотрел на собеседницу. Та была обескуражена финалом, что было написано на её лице. Хрущёв закатился смехом и сказал:

«Теперь вам ясно, что такое социализм? Вода, ведь сущая вода!»

Мошенцева не выдержала и с возмущением возразила: *«Никита Сергеевич, как вы можете такое говорить о социализме, ведь вы его сами всю жизнь строили и даже коммунизм нам обещали?!»*

«А мне ничего не оставалось делать!» - развёл руками Хрущёв.

Политический близнец Хрущёва - Горбачёв был Куда как откровеннее и не прибегал к завуалированному иносказанию в виде анекдота о социализме, нет! В 1999 году, выступая на семинаре в Американском университете (Турция), дословно он сказал следующее:

«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Именно для этой цели я использовал моё положение в партии и стране».

Принято считать, что человека судят не по словам - по его делам. Признание Горбачёва, озвученное после разрушения Советского Союза - редкий образчик, когда дела не расходятся со словами. Они - не просто признание, они - оправдательный приговор самому себе за предательство. Кстати, очень высоко оплаченное…

Синдром безответственности

Есть безошибочный измеритель вреда, счётчик зла, приносимого народу его лидером. Известно, что если идеологические противники поют хвалебные оды правителю из противоборствующего лагеря, это значит, что он наносит вред национальным интересам своей страны и соотечественникам. Так было с Михаилом Горбачёвым. Но первым всё-таки был не он - Никита Сергеевич!

Уж как только ни изгалялись отвязные журналисты Западной Европы и США, какие осанны не пели, сравнивая Хрущёва и с Петром Первым, и с царём-освободителем Александром П. И Хрущёв искренне верил этой вероломной лести. Одним из доказательств этому - появление на Западе его мемуаров в 1970 году.

Когда совратитель малолетних говорит о том, что детей любить надо, в его устах эта абсолютная истина звучит кощунственно.

Когда «верный ленинец» выпускает в свет свои мемуары в стане идеологического противника, борьбе с которым он на словах посвятил всю

свою публичную жизнь, - это даже не предательство, это - глумление над верой в коммунистические идеалы сотен миллионов вероломно обманутых граждан своей страны и трудящихся планеты.

Кругленькая сумма - 500 тысяч долларов (сегодня эта цифра, с учётом инфляции, эквивалентна 10 миллионам долларов) за публикацию мемуаров Н.С. Хрущёва на Западе не была переведена в СССР, а осела на счетах в «Бэнк оф Нью-Йорк». Эти деньги в последующем составили стартовый капитал сыну Хрущёва Сергею, который во время горбачёвской перестройки перебрался в Соединенные Штаты на постоянное жительство.

А Горбачёв в 1989 году за нищенскую плату - 14 млрд марок ФРГ - инициировал ликвидацию Группы Советских Войск в ГДР (Павел Бородин, госсекретарь Союза Республики Беларусь и Российской Федерации, утверждает, что за вывод наших войск Немецкий Союз промышленников ФРГ готов был заплатить 300 миллиардов долларов!), а также безвозмездно передал в аренду США шельф Берингова пролива, богатого высококачественной нефтью и неисчерпаемыми запасами ценной рыбы, аналогов которой нет в мире.

В результате своей *подвижнической деятельности* в интересах англосаксонского капитала Горби получил в свой личный Фонд миллион долларов. Кроме того, под нажимом американцев Нобелевский комитет присудил ему Международную премию мира (а это - ещё 10 миллионов долларов).

Похоже, благодарности американской администрации Горбачёву за нанесённый СССР урон далеки от завершения.

В конце 1990-х Горбачёв был приглашён американской компанией «Columbia Brodcasting Company» для съёмок в телеролике, рекламирующем итальянские спагетти, за что получил астрономическую сумму - 2 млн долларов. Но и это ещё не всё!

По данным западных СМИ, не так давно Горбачёв снялся в ролике, рекламирующем дорогие сумки и аксессуары фирмы «Louis Vuitton». Гонорар пока неизвестен, но на Западе полагают, что он будет не ниже предыдущих.

Поистине безграничны блага золотого тельца, если ты, не щадя живота и пренебрегая интересами и мнением своего (российского) народа, трудишься во благо англосаксонской олигархии. Впрочем, всяк по-своему на жизнь зарабатывает - некоторые предательством Родины.

Колбаса - средство овладения массами

Никита Хрущёв был трибун. Трибун лжи. И чем многочисленней была аудитория, тем беспардонней была его ложь. Он лгал многим народам, но особо беспардонно - своему. Да так самозабвенно, что десятки миллионов простых граждан Страны Советов верили, что через двадцать лет, проснувшись однажды утром, они обнаружат себя в «светлом будущем» - в коммунизме…

Хрущёв заученно лгал, что империализм - исчадие зла и агрессии на Земле, но именно при нём, «дорогом Никите Сергеевиче», наша страна впервые в своей истории стала закупать миллионы тонн зерна у «агрессивных империалистов»…

Хрущёв завалил прилавки магазинов «Любительской» и «Докторской» колбасой. Но сотни тысяч тонн колбасы - это его очередное надувательство. В прямом и переносном смысле.

Было так.

В Дании, во время посещения комбината по производству «народной колбасы», Хрущёв обратил внимание, что в конечный продукт включают соевые добавки. Идея настолько ему понравилась, что он тут же распорядился закупить два десятка заводов по производству колбасы. И уже вернувшись в Москву, росчерком пера внёс свои коррективы в технологический процесс: наполнителя - сои - должно быть не двенадцать процентов, как у датчан, а все шестьдесят четыре. На один килограмм колбасы приходилось всего лишь триста шестьдесят граммов мяса!

Так с лёгкой… головы Хрущёва наш народ получил «дутую» колбасу, а он с трибуны очередного Пленума ЦК доложил делегатам, что партия под его руководством удовлетворила потребность населения СССР в колбасе в необходимом объёме!

«Ножки Буша», «Гринпис», Чёрное море в огне

Сегодня мало кто помнит, как Горбачёв, став в 1985 году генеральным секретарём ЦК КПСС, предложил исключить из её Устава положение о диктатуре пролетариата, так как *«в настоящее время борьба за экологию представляется нам более актуальной».*

Вслед за этим, с высочайшего благоволения Горбачёва, в СССР как грибы после дождя стали появляться ячейки «зелёных». Ячейки, которые были клонами скандально известного на Западе общества «Гринпис». И что? По свидетельству академика Жореса Алфёрова и других российских учёных-патриотов, доморощенные «зелёные», умело направляемые «гринписовцами», применив «оружие массового угнетения сознания» - фальсификации и подтасовки, - возбудили у населения Советского Союза страх перед повальным заражением сальмонеллёзом. В итоге в 1987 году рухнул «Птицепром», и страну стали заваливать заокеанскими «ножками Буша».

Сразу после того, как производство птичьего мяса было сведено в СССР к нулю, «зелёные» вывели на орбиту нитратную страшилку, из-за которой овощи и фрукты, выращенные колхозниками, были вывезены на свалки, а прилавки заполнились продукцией из Голландии, Бельгии, Франции. Даже сено для скота доставляли из… Аргентины!

В итоге сельское хозяйство приказало долго жить, и продукты питания в СССР стали поставлять зарубежные фермеры. А все «зелёные» тут же исчезли. Оно и понятно: мавр сделал своё дело…

Между тем карнавал абсурда продолжался. В 1989 году

администрация президента США, шутки ради и развлечения для, специально для нас запустила сероводородную страшилку.

Было так.

Во время очередного визита супругов Горбачёвых в США мистер Бжезинский, заклятый *друг* Советского Союза, нашептал Раисе Максимовне, что, дескать, Чёрное море может… вспыхнуть в любой момент по причине сероводородных испарений. И что вы думаете? Михалсергеич, выступая на международном форуме экологов, стал пугать мировое сообщество черноморским пожаром!

Не исключено, что и ныне раскручиваемая свиная страшилка имеет ту же конъюктурную природу, что и надуманные пандемии сальмонеллёза, птичьего гриппа и атипичной пневмонии.

Премьер-непоседа

Антони Иден, министр иностранных дел, а затем премьер-министр Великобритании, как-то прорицательно заметил: чем хуже идут дела у лидера внутри государства, тем настойчивее он рвётся на международный простор, становясь фактическим главой внешнеполитического ведомства.

За восемь лет пребывания во власти Хрущёв посетил тридцать шесть стран. Шестьдесят четыре рабочих, дружеских, официальных и государственных визита. Конвейер. Прибавьте к этому ответные визиты в СССР иностранных государственных деятелей - станет ясно, что наш лидер не щадил себя, работая на износ во имя международной солидарности трудящихся. когда уж думать о благосостоянии собственного народа - дай Бог успеть сменить носки перед свиданием с принцессой датской…

Никогда ещё главам иностранных государств не доводилось принимать столь многолюдных делегаций, как те, что прибывали с советским лидером.

В поездках первого секретаря ЦК КПСС председателя Совета министров СССР Хрущёва Н.С. сопровождали члены правительства, многочисленная челядь, охрана, журналисты, советники, консультанты и… родственники. Причём количество последних почему-то соответствовало числу официальных членов делегаций.

Знай наших, господа империалисты!

Генсек-непоседа

За шесть лет бесконтрольного правления Горбачёв с супругой Раисой Максимовной нанёс (!) 42 визита, побывав в двадцати шести странах всех, кроме Австралии и Антарктиды, континентов. В некоторых - дважды, трижды. Во Франции был четырежды. Сорок два дружеских, рабочих, официальных и государственных визита. И всё это за счёт нищающего народа!

Только в 1989-м супруги Горбачёвы посетили *одиннадцать*

иностранных государств! И это при том, что в Карабахе полыхала война, и два некогда братских народа Советского Союза посылали на смерть своих сыновей. Однако ни Армению, ни Азербайджан Горбачёв посетить не удосужился - ну, подумаешь, Карабах... Рано или поздно конфликт рассосётся сам собой!

Свидетельствует начальник охраны Горбачёва генерал-майор КГБ Владимир Медведев:

> «С такой частотой и роскошью не ездил за границу никто из руководителей великих государств, государств более благополучных, обустроенных, не истощённых внутренними проблемами и национальными войнами. Даже в США, стране процветающей, президенты не оставляют так часто и так надолго своих соотечественников. Возникает вопрос: можно ли руководить страной заочно, страной, в которой всё рушится, льётся кровь её граждан, народ нищает, теряя окончательно веру в провозглашённые руководством Партии идеалы?!
>
> Я понимаю, что необходимо искать и политические, и экономические выгоды, что зарубежные контакты важны, но если на другую чашу весов поставить пожары и убийства в собственной стране, моральная деградация соратников, помогающих управлять страной...
>
> В общем, хорошо бы подсчитать пользу и убытки от его поездок!..»

* * *

Кстати, о заграничных вояжах. Неправда, что первым руководителем СССР, разъезжавшим по миру со своей женой и многочисленной челядью, был Горбачёв. Нет! Первым был Хрущёв. И не только его жена Нина Петровна Кухарчук, но и её бесчисленные родственники, и родственники их родственников - все они регулярно сопровождали Никиту Сергеевича во время его поездок в чужеземье. Ездили не по турпутёвкам - в служебные командировки и только за государственный счёт...

Хрущёв делегировал Нине Петровне, с которой состоял в гражданском браке, право делать подарки народам заморских государств от имени правительства СССР, о чём, ничтоже сумняшеся, писали «Правда» и «Известия».

1961 год. Жена Хрущёва от имени правительства Советского Союза дарит пострадавшим от стихии детям Камеруна самолёт ИЛ-18 с двадцатью тоннами медикаментов, закупленными в Англии за валюту.

1962 год. Дети Экваториальной Гвинеи, пострадавшие от наводнения, получают в подарок от Кухарчук теплоход с десятками тонн продовольствия, закупленного, разумеется, за золото в США.

Список можно продолжать и продолжать. Главное в другом - это происходило в то время, когда в советских детсадах и больницах месяцами отсутствовали белый хлеб, мясо, масло.

История повторилась в виде фарса через сорок лет, в 2001-м, когда Горбачёв, участвуя вместе с кинозвездой Софи Лорен в озвучивании

знаменитой сказки Сергея Прокофьева «Петя и Волк», был удостоен престижной американской музыкальной премии «Грэмми». Устроителям шоу она обошлась в 1 млн долларов. Полученные деньги Горби употребил для создания в Западной Европе (?!) клиники для больных СПИДом.

«Есть много в этом мире, друг Горацио…»

В 1954 году, почувствовав себя полновластным главой Президиума ЦК КПСС (позднее этот орган назовут Политбюро, но от перемены вывесок суть не изменится), Хрущёв, засучив рукава, стал реформировать ненавистный ему НКВД. Впрочем, его реформирование началось ещё раньше - с расстрела Лаврентия Берии.

Начал Хрущёв с того, что поделил ведомство на две противостоящие друг другу части - Министерство внутренних дел и Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. Почему «при СМ СССР»? Да лишь потому, что сам Хрущёв занимал пост председателя Совета министров! Комитет государственной безопасности при *ком* ? При себе любимом, при Никите Сергеевиче!

Надо сказать, что Хрущёв во времена сталинского правления панически боялся главы НКВД Лаврентия Берии. Этот животный страх перешёл и на всё ведомство. Значит, его надо уничтожить под корень! Что и было сделано вслед за арестом и расстрелом шефа НКВД в 1953 году. А чтобы держать созданный на обломках НКВД новый силовой институт в узде и на коротком поводке, то и название изменить надо - теперь уже он значился как Комитет госбезопасности СССР *при* Совете министров. Так спокойнее на душе!

Впрочем, это было лишь начало. Далее последовало урезание жалованья «опричникам» - сотрудникам МВД и КГБ, - им перестали платить за офицерские звания. Вернули выплаты лишь в 1962-1963 годах, после «голодных бунтов», расстрелянных по приказу Хрущёва в Краснодаре и Новочеркасске, где жители основных хлебных житниц Советского Союза вышли на улицы, требуя хлеба и молока для своих детей…

Страх и ненависть Хрущёва к НКВД отразились и на его волюнтаристских приказах уничтожить секретные лаборатории, где талантливые учёные сделали гениальные открытия, опередившие своё время.

Были уничтожены не только лаборатории, но и результата экспериментов, проведённых нашими естествоиспытателями в 1930-1950 годах по исследованию психологии человека на базе его экскретов. Насколько важными являются результаты этих исследований, в 1990-е годы доказали спецслужбы США и израильского МОССАД, применившие наработки наших учёных для выяснения соматического и психического здоровья лидеров недружественных стран, в частности, президента Сирии Хафеза Асада (подробнее об этом см. в книге «Эликсир бессмертия для вождя»).

А во сколько обошлась государству и народу бредовая идея Хрущёва разделить обкомы и крайкомы КПСС на «сельскохозяйственные» и «промышленные»?! Аппарат партийных функционеров вырос вдвое, а его КПД уменьшился во столько же.

А сокращение в 1960 году офицерского корпуса Советской Армии на 1 млн 200 тысяч боеспособных, высококлассных специалистов, многие из которых имели за плечами опыт участия в Великой Отечественной войне?!

А урезание финансирования военной авиапромышленности под надуманным предлогом, что (?!) *«самолёты нам нужны лишь для парадов и для эскорта прибывающих в СССР по воздуху лидеров иностранных государств».*

Вслед за этим американцы вложили миллиарды долларов и создали супербомбардировщик Б-52, опередив нас в воздухе на десятилетие.

А сокращение ассигнований на Военно-морской флот страны, в частности, отказ в 1954 году от строительства двух авианосцев?!

В Соединенных Штатах эта хрущёвская инициатива была встречена аплодисментами - там сразу заложили три авианосца, тем самым получив бесспорное превосходство в Мировом океане. С большим напряжением и огромными затратами мы уравняли наши с американцами шансы лишь к концу 1970-х годов.

«Вернитесь - я всё… подпишу!»

13 октября 1986 года, Рейкьявик. С утра в столице Исландии было холодно, ветрено и дождь хлестал, как из пожарного гидранта. Однако в отдельном зале дворца исландского альтинга (парламента), где проходила очередная встреча генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва и президента США Рональда Рейгана, страсти достигли верхней отметки политической шкалы. И было от чего! Переговоры, длившиеся четвёртый день кряду, исчерпали свой временной ресурс, но не продвинулись ни на йоту: обе стороны отказывались подписать документы о взаимном сокращении наступательных вооружений.

Американский президент был настроен так жёстко к визави, что, казалось, сначала надо было договориться о сокращении его личного «наступательного потенциала».

Справедливости ради надо отметать, что иного поведения от Рейгана нельзя было ожидать. Победив на президентских выборах 1981 года благодаря своей *наступательной доктрине,* в которой СССР американским избирателям был подан как «империя зла», Рейган и в канун выборов 1986-го делал ставку на эту «объезженную лошадь», пытаясь говорить с Горбачёвым с позиции силы. И вдруг осечка: советский лидер, внимая советам экспертов-генералов Министерства обороны, участвовавших в переговорах, отказывался уступать. А это для Рейгана грозило политической смертью - его электорат мог уйти к демократам.

…Протокольное время встречи истекло, и раздосадованный Рейган,

сунув руки в поданный плащ, быстрым шагом направился к лимузину. Горбачёв, нарушая дипломатический этикет, бросился вдогонку. Его личный переводчик Алексей Палащенко едва поспевал за ним.

- Вы специально не хотите подписывать документы… Вы хотите, чтобы я проиграл выборы! - крикнул Рейган, высунувшись из кабины. - Вы ставите мне палки в колёса, но Бог покарает вас!

Генсек, одной ладонью прикрывая голову, другой смахивая стекавшие по лицу струи дождя, затараторил:

- Нет, господин Рейган, нет! Давайте вернёмся во дворец, сядем за стол… За стол переговоров… Давайте вернёмся! Я всё подпишу!

Из-за шума дождя Палащенко услышал и перевёл только две последние фразы.

Из глаз Рейгана хлынули слёзы. Трудно сказать, были ли те слёзы игрой бывшего голливудского «красавчика Рони», или у соискателя высшего титула США просто сдали нервы, но… Резко выбросив своё тело из кабины и подхватив под руку промокшего насквозь Горбачёва, Рейган буквально поволок его обратно во дворец.

Обезоруживающие переговоры

По возвращении во дворец у Горбачёва, казалось, открылось второе дыхание. Если начавшиеся утром переговоры безрезультатно длились около шести часов, то теперь генсеку хватило часа, чтобы сделать непредсказуемые уступки Рейгану. Эксперты-генералы были в оторопи: «Что он делает?! Он же сбрасывает козыри!»

Действительно, Горбачёв удивил американцев и поверг наших генералов в шок тем, что в число сокращаемых двумя странами внёс ракеты «Пионер» - лучшие советские межконтинентальные баллистические ракеты, не имевшие аналогов в США. Их число сокращалось вдвое - с 308 до 154-х.

Более того, стремясь сделать приятное своему американскому оппоненту (который для него с того момента стал партнёром!), Горбачёв тут же отдал распоряжение в рамках отведённых каждой стороне 1600 носителей ядерного оружия и 6000 ядерных зарядов приравнять советскую ракету с моноблочной боевой частью к американскому бомбардировщику, нёсшему 24 ядерные ракеты. Это позволило Соединенным Штатам в (!) *полтора раза* превосходить нашу страну по числу ядерных зарядов и оставаться при этом в рамках подписанного договора.

Через полгода выяснится, что трагикомичный спектакль в Рейкьявике был лишь прологом…

* * *

Межконтинентальных баллистических ракет «Пионер» Горбачёву оказалось недостаточно, и он с азартом принялся за сокращение ракет средней и малой дальности - «Темп» и «Ока». Поскольку аналогичных

ракет на Западе попросту не было, для них помощники Горбачёва выдумали нелепый термин «меньше среднего радиуса» (в США средним радиусом считалась дальность 1000-2500 км, соответственно «меньше среднего радиуса» - от 500 до 1000 км, а у наших ракет дальность составляла соответственно 400 и 900 км).

В апреле 1987 года в ходе предварительных переговоров, которые вёл замминистра иностранных дел Георгий Корниенко с прибывшим в Москву госсекретарём США Шульцем, Горбачёв снова порадовал американцев, согласившись включить в будущий договор о сокращении ракет средней дальности и формально не считавшиеся таковыми ракеты «Темп» и, что особенно удручало наших военных, не подпадавшие даже под определение «меньше среднего радиуса» ракеты «Ока» - самое совершенное ракетное оружие в мире на тот момент!

Характерно, что никаких ответных шагов от американцев Горбачёв даже не пытался добиться, но вместе с тем настоял, чтобы ликвидации подлежали 650 ракет «Пионер», 726 ракет «Темп», 239 ракет «Ока»...

Примечателен такой эпизод.

Советская и американская делегации работали в отдельном кабинете и готовили к подписанию совместный документ. Вошёл Горбачёв. Госсекретарь Шульц, сорвавшись с кресла, бросился к нему.

- Господин генеральный секретарь! Разве можно достичь положительных результатов с такими людьми?! - американец пальцем указал на Корниенко.

- А в чём дело?

Корниенко объяснил, что госсекретарь пытается навязать свою редакцию проекта договора.

- Делайте, как требует американская сторона! - наставительно произнёс Горбачёв и стал при всех распекать Корниенко.

Вскоре распоряжением генсека замминистра был отправлен в отставку.

Лакейская угодливость Горбачёва в общении с американцами, его вольное обращение с обороноспособностью страны и готовность «сдать» главному военному противнику сокровищницу нашего ядерного потенциала, наконец, бездумное швыряние на ветер колоссальных средств, потраченных на разработку и производство сокращаемых ракет, вызвали законное неудовольствие у многих в советском руководстве: «Симпатичный балагур, но в цари не годится, факт!»

Маршальский корпус был предельно категоричен в оценке происходящего: «Измена!»

Словом, процесс разоружения Советского Союза продолжал развиваться по сценарию Соединенных Штатов, а за генсеком навсегда закрепилось прозвище «Терминатор ядерного потенциала Советского Союза».

Кроме того, в Политбюро и Министерстве обороны вызвало волну протеста перманентное отсутствие генсека в Москве и фактическое уклонение от выполнения обязанностей по руководству государством и партией.

«Седой Лис»

Противодействие руководства Министерства обороны *обезоруживающим* инициативам Горбачёва приобрело ещё более резкие формы, когда стала очевидна проамериканская позиция Эдуарда Шеварднадзе. Вся его деятельность на посту министра иностранных дел была чередой уступок Западу. Он активно играл в пользу наших противников и за свою дьявольскую изворотливость имел на Западе прозвище «Седой Лис».

Что ни удар - всё в наши ворота!

Самой позорной из уступок Советского Союза Западу был план «Горбачёв - Шеварднадзе» по *ускоренному выводу* (не путать с бегством!) Группы советских войск из ГДР. 550 тысяч военнослужащих, десятки тысяч орудий, миномётов, тысячи самолётов, танков, автомобилей обязаны были в течение 6 (!) месяцев покинуть Германию. И это при том, что канадцы только лишь одну пехотную бригаду из 3 тысяч человек выводили целых 18 месяцев!

Западным политикам известно, во сколько сотен миллиардов долларов обошёлся российской казне этот позорный для нас «Drang nach Osten». От нашей общественности Горбачёв эти цифры скрыл, сославшись на пресловутую «государственную тайну»…

Эрих Хонеккер, бывший глава ГДР, незадолго до смерти прямо указывал на предательство тандема Горбачёв - Шеварднадзе. На основе конкретных документов он обвинял их в том, что «обновление ГДР», закончившееся присоединением к ФРГ, было запрограммировано и разработано в Вашингтоне в результате закулисных переговоров Горбачёва и Шеварднадзе с руководством США ещё на заре перестройки.

> «Шеварднадзе, как и позднее господин Козырев, - писал Хонеккер, - приложили немало стараний, чтобы Россия утратила самостоятельность на международной арене и по всем ключевым вопросам выступала бы как послушный сателлит Соединенных Штатов…»

Согласно данным, почерпнутым из западной прессы, за свою «подвижническую» деятельность «Седой Лис» получил в подарок от Союза промышленников Германии роскошный трёхэтажный особняк в элитарном районе Парижа, который был оформлен на имя его дочери.

Все западные политики сходятся во мнении, что этот дом-дворец - всего лишь верхушка айсберга, тогда как основные комиссионные, полученные «Лисом» (а это миллионы долларов), находятся за бронированными дверями самых надёжных банков Северной Америки и Западной Европы.

Невозможно представить, чтобы Шеварднадзе на свой страх и риск вёл собственную игру. Матёрый партаппаратчик, он не мог не согласовывать свои действия с генсеком. Ну а тот? Тот, как обычно, давал *устные* указания. *Устные* - дабы в скрижалях советской истории не осталось следов его разрушительной деятельности.

На заседаниях Политбюро иногда происходили открытые стычки между министром обороны маршалом Соколовым и Шеварднадзе. Более того, работа совместной рабочей комиссии представителей Министерства обороны и Министерства иностранных дел, созданной для разработки позиции СССР на переговорах с США по вопросам разоружения, стала всё чаще и чаще заходить в тупик.

...В Центральном разведывательном управлении, которое благодаря своей агентуре влияния из числа кремлёвской партноменклатуры было в курсе всех перипетий, происходивших в Кремле, быстро поняли, что если они не найдут выход из положения, то их «подмастерью» Шеварднадзе скоро придётся отвечать перед Политбюро по всем пунктам обвинения со стороны маршальского корпуса.

Подконтрольная перестройка

Свидетельствует начальник Управления «А» (анализ и прогнозирование) КГБ СССР генерал-майор Вячеслав Широнин:

> «В 1985 году, сразу после прихода к власти Михаила Горбачёва, в США с целью постоянного отслеживания развития событий в Советском Союзе был создан «Центр изучения хода перестройки». В его состав вошли представители ЦРУ, РУМО (военная разведка) и Управления разведки и исследований госдепартамента (министерство иностранных дел США). В соответствии со специальным указанием президента Рейгана «Центр» получал всю разведывательную информацию, поступавшую как из агентурных, так и из официальных источников по линии всех ведомств.
>
> Разумеется, штаб «Центра» возглавило ЦРУ, чьи аналитики в соответствии с общей стратегией Управления разработали ряд тактических задач, которые должны были решаться в предстоящем десятилетии. В частности, они считали, что независимо от складывающихся американо-советских отношений СССР сохраняет потенциальную возможность начать ядерную войну против Запада и может нанести упреждающие удары ракетами стратегического назначения. В связи с этим, по их заключению, главной задачей являлось лишение Советского Союза этой возможности, а распад советских стратегических ядерных сил должен происходить под неусыпным контролем Запада.
>
> Другая группа тактических задач была ориентирована на развал Советской Армии, что не менее важно, чем лишение СССР стратегических ядерных сил.
>
> Наконец, третья группа задач предусматривала нейтрализацию органов государственной безопасности как наиболее организованной силы, способной оказать полноценное сопротивление иностранным и отечественным «реформаторам», поставившим своей целью

политическую «модернизацию» Советского Союза.

Таким образом, «Центр» предполагал наносить удары сразу по трём «головам» советской государственности:

- по КПСС, которая, как принято было тогда называть её, являлась «ядром советского общества»;

- по армии - «защитнице Родины»;

- по КГБ - «бдительному оку».

Судя по всему, общий ход событий в 1985-1986 гг. вполне устраивал ЦРУ, поэтому Соединенные Штаты и их западноевропейские союзники всем начинаниям Горбачёва отзывали всемерную поддержку. И вдруг на пути «архитектора перестройки» возникла преграда в лице маршала Соколова и его единомышленников. Они, истинные патриоты своей Родины, не могли смириться с новым мышлением Горбачёва и с его внешнеполитическим курсом, который наносил всё более ощутимый ущерб интересам страны. Вот их-то и надо было нейтрализовать.

Вслед за этим за дело взялись эксперты «Центра».

Понимая, что перспективному, с их точки зрения, генсеку Горбачёву мешают маршалы и генералы Министерства обороны, «центровики» решили скомпрометировать их в глазах генсека.

Хорошо изучив психологию Горбачёва, американцы знали, что реакция этого капризного и недалёкого человека, которому «важнее казаться, а не быть», хотя и будет труднопрогнозируемой в деталях, но, безусловно, беспощадной в целом.

Генеральная идея экспертов «Центра» состояла в том, чтобы спровоцировать генсека на выгодные им последствия.

Для этого было необходимо разыграть такую мизансцену-детонатор, которая взорвала бы ситуацию изнутри, и в итоге смела всех неугодных Горбачёву (читай: ЦРУ) людей. В общем, дело за малым - осталось подобрать инструментарий: способ компрометации и «героя» для её реализации. Выбор пал на пилота-любителя Матиаса Руста…»

Кто вы, мистер Руст?

Матиас Руст родился в 1968 году недалеко от Гамбурга в семье бизнесмена, продававшего те самые самолёты «Cessna», поэтому с детства умел летать на них. В 1986 году летал на Фарерские и Шетландские острова в Атлантическом океане. Блестяще овладел навыками самолётовождение по приборам вне видимости земли.

Вместо того чтобы постигать науку бизнеса, Руст занимался детскими забавами - дальними перелётами на легкомоторном самолёте, которые не приносили ни славы, ни денег.

Биографы Руста не нашли подтверждения тому, что счета его лётных экзерсисов оплачивал его отец. Значит, существовал ещё один источник финансирования! Великовозрастных любовниц и олигархов-меценатов, как выяснилось, у Матиаса не было, поэтому логика подсказывает, что его

спонсорами могли быть только сотрудники спецслужб, которые всегда стремятся держать под рукой таких взбалмошных персонажей. А в том, что Руст был личностью неадекватной, может свидетельствовать не один факт. В 1989 году он был осуждён и 3 года провёл в тюрьме за неумышленное убийство своей любовницы, которая вдруг отказалась вступить с ним в интимную близость. В 1991 году он принял индуизм и по индуистскому обряду женился на дочери торговца чаем из Бомбея. В 2001-м в гамбургском универмаге украл кашемировый джемпер, за что опять схлопотал тюремный срок…

Неуравновешенный молодой человек без определённых занятий на средства из анонимного источника готовится к заведомому преступлению - полёту в Москву, нарушая тем самым законы сразу нескольких государств. В каком случае это возможно? Помилуйте! Лишь только в том, когда за его спиной стоит и его действиями руководит куратор-профессионал из спецслужбы, уверивший своего подопечного в необходимости такого Поступка! Что это за спецслужба, нетрудно догадаться. А Руст - всего лишь безвольное оружие в умелых руках. Однако дерзкая посадка в сердце Москвы, на Красной площади, 28 мая 1987 года ставит его в одну шеренгу с известными историческими киллерами: Бутом, Богровым, Освальдом, Сирханом и Агджой. Кого же убил этот «голубь мира»?

…В субботу 30 мая 1987 года состоялось чрезвычайное заседание Политбюро, на котором министр обороны был подвергнут беспримерной экзекуции (по-простому - порке) со стороны Горбачёва. Генсек заявил, что Герой Советского Союза, прошедший горнило Второй мировой войны, Сергей Соколов *«не понимает поворота Партии в сторону перестройки и нового мышления и это положение надо исправить!»* Это означало одно - отставку строптивого маршала.

Вместе с Соколовым был отправлен в отставку его заместитель, маршал и дважды Герой Советского Союза, главнокомандующий войсками ПВО страны Александр Иванович Колдунов. Герой Советского Союза генерал армии Вадим Александрович Матросов, командующий Погранвойсками, получил взыскание в виде неполного служебного соответствия. А дальше генералы и полковники Минобороны начали слетать со своих постов, как листки календаря, особенно после каждого заседания Политбюро. Общее число генералов и старших офицеров, уволенных из рядов Советской Армии вслед за акцией Руста, по разным данным, колеблется от 300 до 500 человек.

Кстати, Руст нарушил границу и совершил заказную посадку на Красной площади в день всесоюзного праздника - Дня пограничника. Выбор даты также видится не случайным. И не только потому, что является хлёсткой пощёчиной всем пограничникам. Дело в том, что одним из первых распоряжений Горбачёва пограничникам и дежурным нарядам ПВО под страхом судебного преследования запрещалось сбивать явно иностранные, или летательные аппараты без опознавательных знаков, вторгавшиеся в воздушное пространство СССР. Такому распоряжению,

конечно, аплодировали все западные спецслужбы…

Первый визит Хрущёва в США

Впервые Никита Сергеевич прибыл в США с официальным визитом в 1959 году. Кроме многочисленных родственников и бессчётной челяди его сопровождали советские журналисты. Запевалой когорты прикормленных писак был зять Хрущёва Алексей Аджубей, восходящая звезда на небосклоне масс-медиа, главный редактор газеты «Известия». По возвращении Н.С. в родные пенаты из-под пера Аджубея и его сатрапов мгновенно вышел двухтомник, восхвалявший подвижническую деятельность Хрущёва во имя торжества коммунизма на всей планете.

В двухтомник не вошёл курьёзный случай (и далеко не единственный), который произошёл с Никитой Сергеевичем на ранчо у тогдашнего президента Соединенных Штатов Дуайта Эйзенхауэра. Хотя справедливости ради надо признать, что он был упомянут как в американских газетах, так и в «Известиях». Но, как говорится, почувствуйте разницу!

Было так.

Хрущёв, принявший «на грудь» изрядную дозу экзотического американского напитка виски, (в котором он находил прелесть дорогого его душе и плоти украинского самогона), вдруг обратился к Эйзенхауэру с необычным предложением:

- А что, Дуайт, давай сегодня же и решим, чья система: моя социалистическая или твоя капиталистическая одержит историческую победу?

- Давай, - ответил американец, - но как?

- А вот, пробежим сейчас стометровку, и всё станет ясно. Кто первым придёт к финишу - за тем и будущее. За социализмом или капитализмом.

Рванули. Через двадцать метров стало очевидно, что соцлагерю не угнаться за миром капитализма. Но сказ не об этом. О том, как «исторический забег» был освещён американской прессой и газетой «Известия».

Американские журналисты в своих газетах информацию о «президентских гонках» провели одной строкой:

> «Вчера на президентском ранчо состоялся стометровый забег Хрущёва и Эйзенхауэра. Победил наш президент».

И всё. Никакого подхода к описываемому событию с классовых позиций, никаких журналистских выкрутасов!

По-иному эпизод был подан в «Известиях», а затем и в других центральных советских периодических изданиях.

Аджубей, этот ас словоблудия, мэтр казуистики, писал:

> «Вчера в штате Айова по инициативе Первого секретаря ЦК КПСС Председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущёва, находящегося в

США по приглашению американского народа и его президента, были организованы соревнования по бегу».

По замыслу зятя Хрущёва, у читателя должно было сложиться впечатление, что участники мероприятия исчислялись сотнями, если не тысячами. Вот она - советская гигантомания! Далее в тексте был искусно подан проигрыш советского лидера:

«Символический забег-соревнование между двумя лидерами противоборствующих социальных систем закончился так: наш Никита Сергеевич пришёл вторым, президент США - предпоследним…»

Вот так. Виртуозно владея русским языком, Аджубей сумел завернуть воздушный шарик в подарочную упаковку.

Разумеется, это был не единственный казус, случившийся с Н.С. на американской земле.

Хрущёв, казалось, просто жаждал стать героем какой-нибудь скандальной истории. И западные журналисты, освещавшие его пребывание в США, всегда подыгрывали ему, не жалея красок расписывая его эпатажи и анекдотичные ситуации, в которые Н.С. то и дело попадал.

…Однажды поутру Никита Сергеевич, едва захлопнув дверь сановного сортира на ранчо Эйзенхауэра, был атакован ватагой вездесущих репортёров.

На вопрос:

«Ну как вам Америка, господин премьер?»

Хрущёв, испытывая необыкновенную лёгкость в желудке и в мыслях, беззаботно ответил:

«Я, выйдя на пенсию, с удовольствием поселился бы на американской ферме».

Собравшиеся папарацци зашлись в истеричном восторге: коммунист № 1 во всеуслышание признал преимущество капитализма над коммунизмом!

Заявление и фотография советского лидера на фоне клозета были вынесены на первые полосы всех газет Запада…

«Танцы на граблях»

В 1960 году Хрущёв во второй раз посетил США.

Вся Америка готовилась к его визиту.

Местные репортёры, хорошо зная импульсивную непредсказуемость Хрущёва и его стремление эпатировать публику, с нетерпением ожидали очередных экстравагантных выходок.

В букмекерских конторах Нью-Йорка, где делались ставки и заключались пари на результаты лошадиных забегов, теперь ставили на русского премьера: как часто он появится на первых полосах газет в качестве фигуранта какого-нибудь скандала.

С ещё большим внутренним напряжением ожидали наступления часа «Ч» - начала визита - в советской дипломатической миссии.

* * *

Если американцы видели в игнорировании Хрущёвым правил приличия и попрании норм дипломатического протокола проявление широты русской натуры, то искушённые дипломаты нашего представительства в Вашингтоне рассматривали эти выходки как бунтующее невежество. Ведь им было известно, что советский руководитель, следуя своей традиции, направляется к американским берегам на борту яхты. В самом её названии - «Балтика» - присутствовал скрытый вызов.

США всегда отрицали легитимность присоединения прибалтийских республик к Советскому Союзу, обвиняя его в оккупации суверенных государств.

Хрущёв, чтобы показать американцам, что ему на их мнение наплевать, поначалу присвоил яхте имя «Советская Прибалтика».

Ситуация была беременна скандалом. К счастью, в окружении премьера нашёлся смелый человек, который предложил компромиссное решение, и теплоход (так яхта была закодирована в нашей печати) стал именоваться «Балтика».

* * *

Неприятности для советского дипломатического корпуса начались за два дня до начала визита, когда с борта яхты поступила телеграмма-молния за подписью председателя с требованием приобрести к прибытию делегации пять «кадиллаков» последней модели.

Проблема была не в цене покупки. Ну, подумаешь, какие-то 100 тысяч долларов за лимузин (с поправкой на сегодня эта сумма превышает четыре миллиона долларов). Дело во времени. Машины этой марки - штучного изготовления, делались вручную и по спецзаказу. Исполнение заявки - не менее трёх-четырёх недель.

Куда бы ни обращались наши дипломаты с просьбой поставить машины в двухдневный срок, везде на них смотрели, как на психбольных. И это при том, что каждый раз, в следующей по счёту дилерской конторе, дипломаты неизменно увеличивали размер вознаграждения!

Наконец удалось выполнить указание председателя.

19 сентября 1960 года, в день прибытия «Балтики», пять чёрных лакированных «кадиллаков», стоимость которых в семь раз превышала реальную цену, выстроились шеренгой на пристани в ожидании высоких гостей...

* * *

Хрущёв не обманул надежд заокеанских обывателей, ожидавших от него умопомрачительных шоу.

Хотите сенсаций? Их есть у меня!

Через пару дней пребывания в Нью-Йорке Хрущёв в компании Фиделя Кастро заявился в негритянское гетто - Гарлем, рассадник наркомании и проституции.

Этот район, расположенный в нижней части Манхэттена, между 127-й и 132-й улицами, был закрыт для посещения официальных делегаций и, вообще, для проживания белых. Там стояли многоэтажные кирпичные здания-коробки, как правило, без окон и дверей, где жили, вернее, влачили существование, беднейшие негритянские семьи.

Американцы говорили, что если белый человек случайно забредал в дебри Гарлема, он оттуда уже не выходил.

Что искали там Кастро и Хрущёв?

Подрядные политические обозреватели из околокремлевских кругов оправдывали скандальную выходку лидеров СССР и Кубы политической целесообразностью, преподнося посещение Гарлема как вызов, брошенный мировой колониальной системе, ведь Хрущёв выступал с разъяснениями постулатов научного коммунизма перед потомками выходцев из порабощённой Африки.

Трудно сказать, насколько преуспел Н.С. в роли миссионера марксизма-ленинизма, но по престижу Советского Союза был нанесён чувствительный удар: белое население Америки, не в силах простить Хрущёву панибратского общения с бездельниками ниггерами, отвернулось от него.

...Забравшись на балкон заброшенного дома, Хрущёв стал толкать речь о приближающемся закате империализма и неминуемом наступлении эры коммунизма.

Несмотря на прекрасный перевод, было ясно, что обкуренные марихуаной и основательно проспиртованные жители ночлежек ровным счётом ничего не понимают.

Грязная толпа негров собралась из чистого любопытства - надо же чем-то заполнить свой бесконечный досуг. Да и как не взглянуть на этих инопланетян - лысого и бородатого - они ж просто герои! Нога белого человека годами не ступала в дебри Гарлема, а эти, во дают, - пришли!

Известный краснобай Хрущёв, прекрасно владевший «балалаечным» языком, сумел уболтать собравшихся люмпенов, поэтому не раз срывал бурные аплодисменты.

Разомлевший от горячего приёма Н.С. в конце импровизированного митинга под одобрительное улюлюкание вошедшего в экстаз сброда передал ключи от двух «кадиллаков» завшивевшим аборигенам.

Знай наших!

* * *

На ум приходит анекдот, коллегиально созданный членами разных

творческих Союзов СССР. Обвинённые в диссидентстве, они были выдворены из СССР, но оказались востребованными в парижской секции журнала «Континент». Итак:

> «Ленин показал, что страной можно управлять коллегиально. Сталин - что ею можно управлять единолично. Хрущёв показал, что управлять страной может и дурак. Брежнев - что ею вообще можно не управлять. Горбачёв показал, что страной можно управлять заочно, из-за границы».

Глава 2. Верноподданный горбачёвской катастройки

Из пешек - в дамки

1982 год - экспедитор, снабженец, прораб, начальник Кемеровского строительного треста. 1983-1984 годы - второй, затем первый секретарь Кемеровского обкома КПСС. С 1984 по 1985 год - инструктор ЦК КПСС по строительству. Одновременно закончил заочную академию общественных наук при ЦК КПСС...

Бакатин ещё долго бы находился в последнем эшелоне партноменклатуры, как вдруг на него свалилась Божья благодать в виде *Госпожи Перестройки*, и в октябре 1988 года он был лично принят её мессией - генеральным секретарём ЦК КПСС Михаилом Горбачёвым.

Войдя в кабинет генсека инструктором, Вадим Бакатин вышел министром внутренних дел СССР, и тут его понесло…

Горбачёвская лицензия на беспредел

Удобно устроившись в министерском кресле, пользуясь полной поддержкой генсека Горбачёва и члена Политбюро Лигачёва, Бакатин первым делом затребовал дела платной агентуры влияния, которая использовалась в разработке криминальных авторитетов и воров в законе Советского Союза. И что же? 90 % секретных помощников оперативного состава МВД, губивших своё здоровье в камерах и на зонах, рисковавших своими жизнями, были уволены без выходного пособия и без пенсии! Даже в трудовые книжки им не были занесены, разумеется, в закодированном виде, годы негласной работы на Министерство внутренних дел.

Операцию по ликвидации милицейских агентов влияния Бакатин назвал «Чистое поле». Генералитет МВД промолчал - перестройка!

* * *

23 августа 1991 года Горбачёв без согласования с Коллегией КГБ СССР назначил председателем Бакатина, который к тому времени зарекомендовал себя образцовым чистильщиком агентурного аппарата МВД. Это наводило на серьёзные размышления. Ведь Горбачёв и его ближайшее окружение никак не реагировали на предупреждения высших офицеров Комитета об угрозах для безопасности страны. Казалось, генсек решил поставить во главе КГБ своего человека, чтобы «охладить пыл» чекистов, которые, мол, по старинке видят в лице Запада врага СССР.

Поскольку отношения с Западом внешне изменились, а сам Горбачёв превратился в кумира Европы и США, то органы госбезопасности должны стать «мягче» по отношению к деятельности зарубежных спецслужб на территории Советского Союза. Этот более лояльный подход и должен был обеспечить Бакатин…

Так думали на Лубянке некоторые генералы - начальники управлений. Но они жестоко ошиблись: произошло невероятное - Горбачёв назначил Бакатина председателем КГБ для того, чтобы учинить настоящий разгром органов госбезопасности и, по сути, ликвидировать стройную систему КГБ!

Бакатин даже не скрывал поставленной перед ним задачи. В своей книге «Избавление от КГБ» он так определил собственную роль в Комитете: *«Я вынужден был не просто начать забой скота - его истребление...»*

Бакатин упивался ролью уникального в мировой истории временщика, возглавившего важнейший государственный институт для того, чтобы уничтожить его. Судя по всему, бывший прораб получал наслаждение от роли ликвидатора всесоюзного значения, куражился, проводя зачистки антигосударственной, преступной направленности. Похоже, он рассчитывал на полную безнаказанность и на вечную защиту со стороны своих покровителей - Горбачёва и Лигачёва…

* * *

Бакатин получил из рук Горбачёва должность председателя КГБ СССР, а заодно и лицензию на беспредел. У него открылось второе дыхание, ведь теперь он являлся ликвидатором со стажем!

Буквально на следующий день после назначения Бакатин взял курс на массовую дискредитацию сотрудников органов госбезопасности. В беседах с журналистами козырял словечком *чекизм.* Запугивал, что КГБ - доисторическая синекура, которая занимается пустым делом. Любимое выражение Бакатина: *«КГБ - отживший рудимент прошлой эпохи*» - можно было услышать не только в его кабинете, но и по радио и на всех каналах телевидения…

Для новоиспечённого председателя, которого подчинённые иначе как «горбачёвским кризис-менеджером» не называли, это было целенаправленной пропагандистской шумихой с целью подготовки общественного мнения к произволу - массовому увольнению заслуженных сотрудников КГБ по чисто политическим мотивам.

Вскоре Бакатин начал без устали подписывать приказы о расформировании подразделений КГБ, отправлять в отставку офицеров, имевших выслугу лет для получения пенсии, а у кого выслуги не было, списывать по статье в народное хозяйство. В чекистской среде нового шефа называли *«выкидышем, или уродцем, вырезанным из полена папой Карло»* (прозвище Горбачёва)…

Следующим этапом «перестроечной» деятельности бывшего

начальника строительного треста стало рассмотрение дел агентуры КГБ СССР. Однако генералы Комитета учли опыт незадачливых коллег из МВД и, мысленно послав новоявленного председателя-ликвидатора в общероссийском направлении, подсовывали ему дела той агентуры, которая либо уже выработала свой ресурс, либо подлежала исключению. Отчасти эта уловка удалась. Однако сотни закордонных источников, поставлявших бесценную политическую и военную информацию, которых в течение десятков лет лелеяли и подпитывали материально, были обращены в бездельников-рантье одним росчерком пера Вадима Бакатина. Благо - не расшифрованы!

Объективные факты свидетельствуют: Бакатин своими «реформами» резко ослабил деятельность важнейших правоохранительных институтов именно в тот момент, когда их надо было всемерно усиливать. Этим немедленно воспользовалась профессиональная преступность, быстро переросшая в организованную.

Говорит бывший начальник управления «А» (анализ и прогнозирование) КГБ СССР генерал-майор Вячеслав Широнин:

> «С чёрного хода пробрался в историю МВД и КГБ СССР строитель по образованию некто Вадим Бакатин, который своими распоряжениями оказал разрушительное воздействие на упомянутые инстанции. Прискорбно, но в Политбюро почему-то не замечали, что Бакатиным всецело овладела монотематическая навязчивая идея реформаторства. С ней он носился, как обезумевшая мать с мертворождённым ребёнком. Чужак Бакатин принялся разрушать сложившийся в течение десятилетий агентурный аппарат МВД и КГБ СССР. Делалось это без оглядки, что иной системы в мире не существует. Полиция и спецслужбы западных стран считают работу с агентурой одним из основных направлений, о чём свидетельствуют десятки западных сериалов, заполонивших российский экран. Но Бакатин одним росчерком пера этот институт осведомителей уничтожил. Число агентов сократилось в тысячи раз, а их дела пришлось уничтожить по приказу горе-министра. Думается, что криминалитет и агенты иностранных разведок обязаны поставить Бакатину памятник в золоте, осыпанном бриллиантами…
>
> До тех пор, пока в мире будет существовать разведка, контрразведка и уголовный розыск, основным средством работы спецслужб останется негласная агентура. Об этом не знают только дилетанты, либо намеренно не хотят знать те, кто эту систему хочет сделать неэффективной, как бывшие депутаты Госдумы Старовойтова, поп-расстрига Глеб Якунин, Бурбулис и иже с ними… Ни в одном государстве работники правопорядка не обходятся без информации секретных агентов. Их вербовка всегда регламентируется секретными правительственными актами.
>
> В России также есть закон об оперативно-розыскной деятельности, основное положение которого состоит в том, что она основывается на добровольной и тайной помощи граждан сотрудникам правопорядка».

Летите, «голуби», летите!

Неожиданную, а главное - своевременную помощь Бакатину в его изуверских делах оказало Центральное разведывательное управление. Оно и понятно: в то время его сотрудники чувствовали себя в России, как микробы в питательном бульоне.

Как только Бакатин стал председателем, Комитет госбезопасности накрыла волна анонимок. Но сначала «белые голуби» с обвинениями в адрес чекистов попадали в отдел писем ЦК КПСС, потому что были адресованы генеральному секретарю Горбачёву.

Со временем будет установлено, что чисто русское социальное явление - массовое направление анонимок в директивные органы - было взято на вооружение и с успехом применялось церэушниками в ходе операции «Навет», разработанной в Лэнгли. Там досконально изучили работу советских властных структур с письмами граждан и знали, что из ЦК анонимки переправят согласно подследственности, в данном случае - в Управление кадров КГБ СССР. Ну а там будут действовать в соответствии с веками выверенным принципом: *«Казнить! Нельзя помиловать».* И, надо сказать, расчёт экспертов ЦРУ на традиционное недоверие и подозрительность чинуш из Управления кадров КГБ СССР к своим оперативным сотрудникам, их желание *«перебдеть, нежели недобдеть»,* оправдался полностью.

При реализации операции «Навет» по обескровливанию системы КГБ противник самым дешёвым, но действенным способом, руками нашего же руководства, устранил из органов госбезопасности самых опытных и преданных сотрудников.

Скороспешные проверки заканчивались партийными судами, которые выносили огульные приговоры. Начался массовый отток профессионалов из органов КГБ СССР. Кто-то уходил, устав отстаивать своё реноме, кто-то из-за того, что посчитал ниже своего достоинства доказывать свою правоту, кто-то разуверился в самой системе. Как бы там ни было, противник добился своей цели, операция «Навет» сработала: в КГБ стали преобладать карьеристы, приспособленцы, недотёпы и… «кроты». Последние в глазах начальства сразу стали «передовиками производства».

Странно, но ни сановники со Старой площади, ни кадровики Комитета не замечали, что анонимки тысячами поступали не из регионов Союза, а только из Москвы. А как они были исполнены! Фабрикаторы компромата работали в перчатках, вырезали в газетах нужные слова, слоги, складывали текст. Всё это свидетельствовало о том, что в подрывной акции участвуют десятки, сотни людей, а «Навет» обошёлся инициаторам в кругленькую сумму. Впрочем, головотяпство руководителей-временщиков обошлось Советскому Союзу много дороже…

…Отнесись получатели к подмётным письмам вдумчиво, то сразу бы поняли, что корреспонденты - не соседи по дому, не брошенная любовница или жена, да и не квартальные «доброжелатели», нет - профи из спецслужб…

«Великодушный жест» кризис-менеджера

В сентябре 1991 года новый посол США в Москве Роберт Штраус попросил Горбачёва передать американской стороне план-схему расположения прослушивающих устройств в здании дипломатической миссии. Соответствующее указание Бакатину не заставило себя ждать…

Добровольная выдача американцам плана расположения технических закладок была ошеломляющим, ничем не мотивированным и ненужным решением. Оно отражало абсолютно ошибочное представление Горбачёва, будто прекращение «холодной войны» сигнализировало об окончании геополитической конфронтации между Москвой и Вашингтоном. Каким же дилетантом нужно быть, чтобы поверить, будто отпала необходимость сохранить для страны её разведывательную службу! Политическая близорукость Горбачёва и непрофессионализм Бакатина, граничащий с предательством, дали возможность американцам узнать, как мы проводим операции и какие технические средства используем для прослушивания. Подобные средства, методы и технологии, будучи хоть раз раскрыты, никогда уже более не могут быть использованы.

Но… Как выяснится позднее, среди технических средств разведки, которые Бакатин, вслед за устным распоряжением Горбачёва (в который раз *устным* - чтобы в скрижалях истории не осталось следов его разрушительной деятельности), великодушно передал американцам, многие образцы представляли лишь музейную ценность. Об этом позаботились наши технари-патриоты. Новейшие средства удалось сохранить, а кое-что, к сожалению, уничтожить. Так испокон веку поступали российские патриоты, затапливая даже военные корабли, чтобы они не достались противнику. Реакция на это американской стороны оказалась смешанной. Взамен на великодушный жест Бакатина они, разумеется, никаких своих технических «прибамбасов» не выдали. К тому же им в конце концов стало понятно, что заполучили они не совсем то, о чём договаривались с Горби. Кроме того, им не ясна была позиция самого Бакатина. Сблефовал он, передав технику, которую рекламировал как новейшую, или оказался профаном, которого провели лубянские мудрецы?

В любом случае, новый шеф КГБ не оправдал их надежд. Раздробив и разгромив единую систему госбезопасности, *«мавр сделал своё дело, мавр должен уйти!»* В общем, американцы не стали защищать Бакатина через своих агентов влияния в верхних эшелонах российской власти - секретарей ЦК КПСС Александра Яковлева и Вадима Медведева, главы МИД СССР Козырева и замминистра финансов Вавилова.

Вторая блокада Ленинграда

Бакатин оказался ещё и государственным преступником, лишившим продовольствия население такого мегаполиса, как Ленинград.

Было так.

Заключив договор с СССР на строительство нового здания посольства США в Москве на улице Чайковского, американцы поставили условие, чтобы кирпичи для возведения здания были изготовлены в одной из неприсоединившихся стран. Из них ближайшим соседом была Финляндия, поэтому, разумеется, чтобы избежать лишних накладных расходов, мы и разместили там заказ на производство 40 млн кирпичей. За это финны обязались снабдить продовольствием (масло, рыба, мясо, табачные изделия, сыр, фрукты) население Ленинграда за беспроцентный кредит в размере 70 миллиардов финских марок. Кстати, на эти деньги можно было без усилий и напряжения кормить ленинградцев в течение года. Но…

…Согласно условиям договора, каждый кирпич должен быть запечатан в полиэтилен и снабжён свинцовой пломбой. Проверкой оболочки и свинцовых пломб занимались американские эксперты. Всё шло нормально до тех пор, пока не грянуло разоблачение Бакатина!

Что же в итоге? Коль скоро финская сторона, изготовитель и поставщик кирпичей, была уверена в своей добросовестности выполнения заказа и исправно выполняла договор, вдруг по заявлению Бакатина весь мир узнал, что именно в финских кирпичах находились советские подслушивающие устройства!

Этого финская сторона вынести не смогла, контракт был расторгнут, и жители Ленинграда вновь перешли на карточную систему получения продуктов первой необходимости…

…Однако Бакатин с инициатором «разоблачительной миссии» Горбачёвым торжествовали - они показали американской стороне, что готовы пойти и на большие уступки, лишь бы ублажить американскую администрацию, а что до 6 миллионов жителей Ленинграда, так это не жертвы идеологической войны - это всего лишь крохотные издержки Большой политики.

Безнаказанность в государственной степени

20 декабря 1996 года, в День работников органов госбезопасности РФ, Бакатин в одном из интервью попытался объяснить передачу американцам схемы прослушивающих устройств тем, что якобы специалисты США сами обнаружили «жучки» в финских кирпичах, из которых возводилось здание американского посольства в Москве. Неубедительно звучит объяснение экс-главы Комитета госбезопасности. Ведь в связи с рассмотрением вопроса о вышеназванной схеме Бакатину в своё время были доложены и иные факты. Они состояли в следующем.

Ещё в 1982 году нашими специалистами были обнаружены несколько сотен подслушивающих технических устройств в кабинетах советских посольств, резидентурах, резиденциях, жилых помещениях. А в Вашингтоне такая техника была размещена не только в резиденции советского посла, но и… в спальнях пионерского лагеря для детей советских служащих, работавших в США, и даже на лодочном причале. Только в одном жилом доме одного из советских представительств в Нью-

Йорке было выявлено 50 различных подслушивающих устройств. Микрофоны были обнаружены в помещении дежурного коменданта этого дома. Что же касается жилого комплекса посольства СССР в Вашингтоне, в Сан-Франциско, Лондоне, Монреале, Куала-Лумпуре, в ряде других африканских и латиноамериканских стран, то там удалось раскрыть и обезвредить сотни образцов уникальной техники прослушивания.

Почему же американская сторона в ответ на любезность Бакатина и Горбачёва не поделилась новыми схемами подслушивающих устройств, внедрённых взамен изъятых нашими специалистами?!

* * *

Из американских СМИ известно, что до 1995 года Вадим Бакатин с семьёй проживал в штате Алабама, на первом этаже двухэтажного коттеджа разведчика-невозвращенца Олега Калугина. Этот персонаж находится там под охраной американского федерального закона *«О защите помощников, способствующих процветанию Соединенных Штатов Америки».*

...В 1996 году, накануне переизбрания Бориса Ельцина на пост президента Российской Федерации, руководство ЦРУ, поняв полную несостоятельность Бакатина как своего консультанта по вопросам противодействия российским спецслужбам, решило «закончить марафон» и предложило ему покинуть США.

По неподтверждённым данным, Бакатин, вернувшись в Москву, с помощью к тому времени уже экс-министра иностранных дел Козырева попал на приём к Ельцину. Бросившись в ноги *царю Борису,* вымолил индульгенцию и пятикомнатную квартиру в «генеральских домах» на Фрунзенской набережной. Там его, прогуливающего в сумерках болонку по кличке «Наина», якобы видели репортёры «МК».